

На правах рукописи

Соловьева Ирина Евгеньевна

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ
ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ
МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ**

12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Григорьева Тамара Александровна

Саратов – 2015

Содержание

Введение	3
Глава 1. Значение и функциональная роль арбитражных судов в системе средств и мер обеспечения государственной поддержки субъектов малого предпринимательства	16
§ 1.1. Общая характеристика и современная оценка малого предпринимательства в контексте эффективности национальной и международной правовой защиты	16
§ 1.2. Конструктивно-функциональная роль арбитражных судов в системе средств и мер обеспечения государственной поддержки малого предпринимательства	33
Глава 2. Процессуальные особенности защиты прав и частных интересов субъектов малого предпринимательства	53
§ 2.1. Система экономико-правовых средств и льгот, действующая в отношении субъектов малого предпринимательства	53
§ 2.2. Специфика реализации субъектами малого предпринимательства права на обращение в арбитражный суд с целью защиты своих прав, свобод и законных интересов	66
§ 2.3. Специфика реализации заинтересованными субъектами права на обращение в арбитражный суд с целью защиты своих прав от действий субъектов малого предпринимательства	78
§ 2.4. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения арбитражными судами гражданских дел с участием субъектов малого предпринимательства	84
Глава 3. Участие субъектов малого предпринимательства в корпоративных спорах с целью защиты прав и частных интересов	96
§ 3.1. Участие субъектов малого предпринимательства в арбитражных спорах в качестве миноритарных акционеров	96
§ 3.2. Особенности рассмотрения арбитражными судами споров о долях в хозяйственных обществах	118
Заключение	138
Библиографический список использованной литературы	142

Введение

Государственная поддержка малого предпринимательства (бизнеса) является одним из основных направлений государственной политики в области предпринимательства, проводимых в жизнь в Российской Федерации. Экономические реформы, осуществляемые последние 20 лет, сформировали не только новый социальный слой – предпринимателей, но и целую группу специфических материально-правовых и процессуально-правовых отношений с их участием. Сегодня невозможно отрицать своеобразие правового регулирования отношений с участием малого бизнеса, а также необходимость поиска новых, более мобильных и эффективных форм, средств и способов юридической защиты прав и частных интересов предпринимателей. Следует заметить, что развитие сектора малого предпринимательства (бизнеса) довольно сложно оценить однозначно. За последние годы это развитие знало периоды бурного роста в условиях недостаточного уровня материальных и юридических гарантий прав предпринимателей и ограниченности правового регулирования, а также стагнации, связанной с общим периодическим структурным кризисом мировой и российской экономики.

Нужно констатировать усиление публично-правового влияния на данную сферу в последние годы. Фактически отечественное малое предпринимательство повторило в миниатюре общемировые тенденции развития бизнеса – усиление влияния государства, повышение роли и значения государственных гарантий поддержки предпринимателей, а затем формирование различных легитимных и нелегитимных способов урегулирования конфликтов в предпринимательской среде.

На сегодняшний день невозможно отрицать то социальное и экономическое значение, тот мощный потенциал, который несет в себе малое предпринимательство. Малый бизнес непосредственно и опосредованно участвует в наполнении бюджетов всех уровней. Помимо отчислений в бюджет от доходов компаний, предприятия малого бизнеса, создавая рабочие места и являясь источником доходов населения, помогают сбору налогов с физических лиц.

Сложность и противоречивость процесса становления малого предпринимательства в России во многом связана с неразработанностью теоретико-прикладных проблем этого сектора экономики, что, в частности, требует постоянного совершенствования правового регулирования действий субъектов малого предпринимательства (бизнеса), в том числе в области цивилистического судопроизводства.

В настоящее время роль малого предпринимательства (бизнеса) в России явно недооценена. Притом что в мировой практике на субъекты малого предпринимательства после присвоения им соответствующего статуса распространяются меры государственной поддержки в виде создания для них более выгодных по сравнению с другими предприятиями и организациями экономических, а также правовых условий. Аналогичные меры широко используются для осуществления различных стимулирующих мероприятий и программ.

В связи со сказанным подчеркнем, в целом российское материальное право предоставляет достаточный уровень гарантий прав, свобод и законных интересов субъектов малого бизнеса, но арбитражное процессуальное законодательство не признает их в качестве особых субъектов процессуальных отношений, а потому не содержит специальных процессуальных мер и льгот для данной большой группы участников судебного производства.

Указанные обстоятельства и факторы в их системе обусловили актуальность избранной темы и необходимость комплексного научного исследования ее на уровне диссертации.

Степень научной разработанности темы исследования. В современной литературе по цивилистическому процессуальному праву подробному и всестороннему изучению процессуальный механизм защиты прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства (бизнеса) не подвергался. Подобные научно-практические исследования отсутствуют как на диссертационном, так и на монографическом уровне. Как правило, институт малого предпринимательства служил и служит объектом самостоятельных исследований в области экономики, логистики и социологии. Среди основных работ в

области экономики и социологии следует выделить труды: Т.А. Алимовой, В.В. Буева, Е.М. Бухвальда, А.В. Виленского, В.В. Голиковой, В.Ш. Каганова, Л.А. Колесниковой, М.Г. Лапусты, А.В. Орлова, Ю.В. Симачева, А.Ю. Чепуренко, а также работы А.О. Блинова, А.Н. Буянкиной, И.Н. Герчиковой, Б.К. Злобина, И.Ф. Сулова, В.М. Яковлева и др.

Как правило, эти труды посвящены проблематике государственного регулирования работы и поддержки деятельности субъектов малого предпринимательства (бизнеса), в том числе посредством создания особого экономического стимулирования, социологического прогностического моделирования и мониторингового исследования итогов деятельности данных субъектов.

Вместе с тем нельзя не заметить, что отдельные аспекты правовой, и в частности судебной защиты прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства (бизнеса) исследовались в работах А.Я. Бимбада, Т.А. Григорьевой, А.Н. Ермакова, И.Ю. Захарьящевой, И.В. Решетниковой, М.М. Зубовича, О.В. Шашкова, В.В. Яркова и др.

Одной из последних немногих специальных работ в области защиты прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства (бизнеса) можно назвать совместную монографию Н.Д. Бута и А.В. Паламарчука «Защита прокурором прав и свобод субъектов предпринимательской деятельности». Данная монография была издана в 2012 г. и в основном раскрывает узконаправленные процессуальные вопросы, связанные с деятельностью органов прокуратуры, реализуемой в пределах представленных законодателем полномочий. Кроме того, в 2012 г. В.Р. Иванченко была защищена диссертация соискание ученой степени кандидата экономических наук «Методические особенности оценки конкурентоспособности малого предпринимательства Приморского региона (на примере Калининградской области)», которая затрагивает экономические и лишь в несущественной степени юридические вопросы.

Не ставя под сомнение безусловную ценность трудов указанных ученых и практиков, все же эти труды не позволяют в полной мере раскрыть особенности защиты прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринима-

тельства (бизнеса) в порядке арбитражного судопроизводства. Синхронно по объективным причинам они не принимают во внимание последние изменения процессуального и материального законодательства, в частности Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

Цель диссертационного исследования состоит в комплексной разработке доктринальных и практических проблем, касающихся процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения арбитражными судами дел о защите прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства (бизнеса), что позволило автору сделать аргументированные предложения по совершенствованию действующего материального и процессуального законодательства Российской Федерации.

Исходя из поставленной цели в работе предполагается решить следующие **задачи**:

- исследовать генезис и современное состояние средств и способов защиты прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства в порядке арбитражного судопроизводства;
- проанализировать систему процессуальных гарантий и льгот относительно указанных выше субъектов, сформулировать предложения по повышению их эффективности;
- изучить понятие малого бизнеса в контексте российского права и отечественного цивилистического процесса, а также место исковых средств защиты в системе общих средств защиты прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства в современном арбитражном процессе;
- дополнить и расширить существующий категориальный процессуальный и материально-правовой аппарат, существующий в отношении субъектов малого предпринимательства;
- выявить процессуальные особенности обращения в суд субъектов малого предпринимательства и субъектов, выступающих процессуальными истцами

или заявителями по гражданским делам (в широком смысле этого терминологического оборота);

– изучить процессуальные особенности рассмотрения и разрешения арбитражными судами дел с участием субъектов малого предпринимательства;

– исследовать процессуальный порядок участия субъектов малого предпринимательства в корпоративных спорах с целью защиты прав и частных интересов.

Объектом диссертационного исследования выступает совокупность сложных, многосоставных общественных отношений, складывающихся в рамках защиты прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства в арбитражном судопроизводстве.

Предметом диссертационного исследования являются нормы действующего и ранее действовавшего арбитражного процессуального права в их сопоставительном сравнении; судебная правоприменительная практика в сфере защиты прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства в арбитражном судопроизводстве; комплекс доктринальных и прикладных взглядов по исследуемой тематике; законодательные акты зарубежных государств в анализируемой области правовых и общественных отношений.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы научного познания: системного анализа, качественных и количественных изменений, перехода от абстрактного к конкретному, научного моделирования, историко-правового, сравнительно-правового, формально-логического, формально-юридического анализа, а также другие методы.

Использование различных методов позволило комплексно исследовать специфику форм, средств и способов защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства в целом, а также отдельные процессуальные особенности их осуществления и принудительной реализации в порядке арбитражного судопроизводства.

Нормативную правовую базу исследования составили Конституция Российской Федерации, Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации», Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации», Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации, Указы Президента Российской Федерации, Постановления Правительства Российской Федерации и иные нормативные и поднормативные акты.

Теоретическую основу диссертационного исследования образуют общие и специальные юридические литературные источники, посвященные исследуемой области правоотношений.

Исследовательскую основу составили работы таких российских ученых дореволюционного, советского и современного периода, как: Г.О. Аболонин, С.С. Алексеев, Т.Т. Алиев, Е.М. Артамонова, С.Ф. Афанасьев, В.Н. Баландин, Н.С. Батаева, А.Т. Боннер, С.Н. Братусь, Т.А. Григорьева, Р.Е. Гукасян, В.М. Жуйков, О.В. Исаенкова, О.А. Омельченко, Т.Ю. Карева, Д.А. Керимов, А.Я. Курбатов, Л.Г. Лукьянова, А.В. Малько, В.В. Субочев, Н.И. Матузов, С.В. Михайлов, А.А. Мельников, С.А. Муромцев, Ю.К. Осипов, И.А. Приходько, И.В. Решетникова, М.А. Рожкова, В.А. Рязановский, С.Н. Сабикенов, А.Б. Смоленский, Е.А. Суханов, В.Ф. Тараненко, Ф.В. Тарановский, Л.А. Терехова, Ю.А. Тихомиров, М.К. Треушников, Д.М. Чечот, Е.И. Чугунова, К.С. Юдельсон, А.В. Юдин, В.Ф. Яковлев, В.В. Ярков и многих других ученых.

Комплексный характер проведенного исследования обусловил обращение к трудам ученых-социологов, а также экономистов: Т.А. Алимовой, В.В. Буева, Е.М. Бухвальда, А.В. Виленского, В.В. Голиковой, В.Ш. Каганова, Л.А. Колесниковой, М.Г. Лапусты, А.В. Орлова, Ю.В. Симачева, А.Ю. Чепуренко, А.О. Блинова, А.Н. Буянкиной, И.Н. Герчиковой, Б.К. Злобина, И.Ф. Сулова, В.М. Яковлева.

Эмпирическая база исследования включает в себя общедоступную опубликованную правоприменительную практику Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, Федеральных арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, арбитражных судов первой инстанции, а также судов общей юрисдикции по вопросам защиты прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что автором впервые в цивилистической процессуальной науке в аспекте и с учетом осуществляемой в настоящее время реформы судебной системы Российской Федерации детально проанализирован процессуальный порядок защиты прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства (бизнеса) посредством деятельности арбитражных судов. Существенной научной новизной отличается методологический подход, заключающийся в комплексном теоретико-практическом изучении проблемы защиты прав и частных интересов субъектов малого бизнеса в арбитражном процессуальном праве и полученных результатах, сформулированных в виде положений, выносимых на защиту.

Кроме того, автором сделаны научно обоснованные выводы относительно категории «судебная защита» прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства (бизнеса), определены средства и инструменты совершенствования действующего законодательства в области арбитражных процессуальных отношений.

Проведенное на диссертационном уровне системное и комплексное исследование позволило автору аргументированно доказать и сформулировать **следующие основные положения, выносимые на защиту:**

1. В условиях приоритета принципа равенства всех перед законом и судом, субъекты малого предпринимательства (бизнеса) должны быть обеспечены адекватным уровнем правовых гарантий реализации доступа к арбитражному правосудию. Наличие внутри указанного понятия – «субъект малого предпринимательства (бизнеса)» – неоднородных по своему экономическому поло-

жению субъектных групп позволяет говорить о необходимости установления гарантий нетипичного материального и процессуального уровня для индивидуальных предпринимателей-владельцев малых предприятий, производственных кооперативов и иных предприятий.

2. Предложенная в науке классификация субъектов малого предпринимательства (бизнеса) представляется не окончательно корреспондирующей их нуждам в области обеспечения доступа к арбитражному правосудию, поскольку опирается преимущественно на количественный состав работников предприятий и организаций. С правовой позиции классифицировать указанных субъектов рационально не в зависимости от количества работников на предприятии или организации, а в зависимости от совокупного годового оборота по расчетным счетам данного предприятия и организации, что позволит усовершенствовать правосудие применительно к предпринимательской и иной экономической деятельности.

3. Под государственной поддержкой субъектов малого предпринимательства (бизнеса) в сфере арбитражного судопроизводства и законодательства следует подразумевать целостную систему цивилистических процессуальных мер и льгот, позволяющих обеспечить равный доступ к арбитражному правосудию субъектов малого предпринимательства (бизнеса). Данные меры и льготы с теоретико-практической точки зрения должны являться комплексными и быть связанными с принципом равенства субъектов вне зависимости от экономического состояния самого субъекта, что не означает законодательного запрета на введение и использование определенных процессуальных преференций для субъектов, занимающихся малым предпринимательством (бизнесом).

4. Целостная система цивилистических процессуальных мер и льгот, обеспечивающих равный доступ к арбитражному правосудию субъектов малого предпринимательства (бизнеса), по своей внутренней правовой природе относится к гарантиям процессуальных прав, свобод и законных интересов, а не к традиционным формам государственного контроля и надзора за осуществлени-

ем предпринимательской деятельности, направленной на получение экономической реализационной и внереализационной прибыли.

5. Необходимо дифференцировать размер государственной пошлины для различных бизнес-субъектов и расширить круг налоговых льгот в целях обеспечения доступа к арбитражному правосудию. Представляется, в первые три года занятия предпринимательской деятельностью субъекты малого предпринимательства (бизнеса) должны пользоваться правом отсрочки и рассрочки уплаты государственной пошлины, причем, арбитражным судам целесообразно применять нормы о рассрочке и отсрочке, используя не только объективный критерий отсутствия денежных средств на счетах субъекта, но и ряд оценочных критериев, таких как влияние уплаты указанных платежей на хозяйственную деятельность субъекта малого предпринимательства (бизнеса).

6. Общим условием доступа к арбитражному правосудию должна являться дееспособность для граждан-предпринимателей и правоспособность для юридических лиц, которые являются хозяйствующими субъектами и соответствуют совокупным критериям отнесения их к категории субъектов малого предпринимательства (бизнеса). Сами по себе критерии следует уточнить и унифицировать, что позволит нивелировать усмотренческий фактор при рассмотрении по существу гражданских дел и дел, возникающих из административных правоотношений, арбитражными судами.

7. В целях более эффективной и полной защиты прав, свобод и законных интересов участников корпоративных отношений необходимо расценивать участников судопроизводства без статуса предпринимателя, объективно утративших данный статус в ходе производства по гражданскому делу, в качестве равноправных участников арбитражных процессуальных правоотношений, что обеспечит законность и обоснованность выносимого судебного решения.

8. Материально-правовые требования с участием субъектов малого предпринимательства (бизнеса) по своему характеру и содержанию по существу направлены на защиту субъективных гражданских прав и обязанностей. Вследствие этого при их разрешении применению подлежат нормы гражданского

(акционерного) права, а споры по общему правилу должны рассматриваться арбитражным судом с применением исковых средств защиты с учетом специальных положений производства по делам из корпоративных правоотношений. Недопустимо использование в корпоративных делах материальных или процессуальных норм об основаниях и порядке признания недействительными (незаконными) ненормативных правовых актов.

Проведенное исследование позволило диссертанту сформулировать ряд научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства, в частности:

– о целесообразности дополнения ст.ст. 52 и 53 АПК РФ относительно указания на то, что арбитражный суд не принимает отказ прокурора или государственных органов, органов местного самоуправления, организаций или граждан от требования, заявленного ими в защиту прав, свобод и интересов неопределенного круга лиц, если это противоречит не только закону, но и общественным и государственным интересам;

– о рациональности частичного изменения ст. 123 АПК РФ путем указания на то, что при обращении прокурора, государственных органов и органов местного самоуправления с заявлением в арбитражный суд в интересах неопределенного круга лиц истцом по делу является неопределенный круг лиц, извещение которых о времени и месте судебного заседания не проводится;

– о внесении изменений и дополнений в общий порядок получения доказательственной информации арбитражными судами за счет выделения частного случая в отношении субъектов малого предпринимательства (бизнеса), а именно путем наделения судьи правом самостоятельно собирать доказательства в подтверждение факта отнесения того или иного субъекта к субъектам малого предпринимательства (бизнеса), например при рассмотрении споров, возникающих из Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

– о необходимости конкретизации положений Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части критериев отнесения субъектов к субъектам малого предпринимательства (бизнеса), что позволит арбитражным судам более эффективно защищать их права, свободы и законные интересы;

– о совершенствовании законодательства в области процессуального механизма защиты прав, свобод и законных интересов предпринимателей, который ориентирован на принятие специальных мер по защите конфиденциальной информации в ходе судебного процесса, а именно путем устранения пробелов в законе, позволяющих выводить гражданские дела с «информационно-правовым» элементом из подсудности арбитражных судов.

– о необходимости разработки правовых актов, охватывающих основные вопросы деятельности малого предприятия и его взаимодействия с органами власти всех уровней, с институциональными структурами, судебными и правоохранительными органами, что можно было бы сделать путем принятия отдельного Федерального закона «О субъектах малого предпринимательства (бизнеса) и их деятельности».

Теоретическая значимость исследования выражается в том, что избранная тема позволяет на доктринальном уровне сформулировать научно-теоретические подходы к формам, способам и средствам защиты прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства (бизнеса) в арбитражном судопроизводстве; развить и дополнить существующие научные точки зрения относительно анализируемой проблематики; связать различные научные воззрения с практическими аспектами судебно-правовой защиты так называемых малых предпринимателей.

Кроме того, результаты настоящего исследования могут быть использованы для последующей теоретической разработки совокупных проблем защиты прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства (бизнеса) в арбитражном процессуальном праве.

Практическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные выводы и предложения могут быть полезными в законотворческой деятельности для дальнейшего совершенствования арбитражного процессуального законодательства, в правоприменительной деятельности арбитражных судов и иных участников арбитражного судопроизводства.

Отдельные теоретические предложения возможно применять в учебном процессе при преподавании курса арбитражного процесса и дисциплин специализации, например процессуальные особенности защиты прав, свобод и законных интересов субъектов малого предпринимательства (бизнеса).

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена, обсуждена и одобрена на кафедре арбитражного процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Основные результаты диссертационного исследования отражены в пяти научных статьях, три из которых общим объемом 1,2 п.л. опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки РФ для опубликования результатов докторских и кандидатских исследований.

Основные положения диссертационного исследования и теоретические выводы, содержащиеся в диссертации, докладывались и обсуждались на международных научных и научно-практических конференциях различного уровня, среди них: Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Конституционные основы гражданского судопроизводства: история, современное состояние дел и пути совершенствования» (Саратов, 11-12 мая 2012 г.); Межвузовская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы российского законодательства» (Казань, 28 марта 2012 г.); Международная научно-практическая конференция «Цивилистический процесс: основные проблемы и тенденции развития», посвященная 90-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ М.А. Викута (Саратов, 1 октября 2012 г.); Международная научно-практическая конференция «Право и политика: теоретические и практические проблемы» (Рязань, 2

ноября 2012 г.); Международная научно-практическая конференция «Конституция РФ – правовая основа развития современной российской государственности» (Саратов, 19-20 сентября 2013 г.); Всероссийская конференция студентов, магистрантов и аспирантов «Развитие частного права: тенденции и перспективы» (Саратов, 26 марта 2014 г.); Международная научно-практическая конференция «Перспективы реформирования гражданского процессуального права» (Саратов, 21 февраля 2015 г.).

Структура работы обусловлена целью, задачами и логикой диссертационного исследования. Работа состоит из введения, трех глав, которые включают восемь параграфов, заключения и списка использованной литературы.

Глава 1.

Значение и функциональная роль арбитражных судов в системе средств и мер обеспечения государственной поддержки субъектов малого предпринимательства

§ 1.1. Общая характеристика и современная оценка малого предпринимательства в контексте эффективности национальной и международной правовой защиты

Малое предпринимательство есть комплексное явление экономики и предпринимательского права, оно сочетает в себе публично-правовые и частноправовые стороны, охватываемые положениями предпринимательского, гражданского, финансового, налогового, административного отраслей права, в которых широко применяется императивный и диспозитивный методы воздействия на возникшие отношения.

Действующее российское законодательство, регулирующее правоотношения в сфере предпринимательской деятельности призвано обеспечить реализацию права граждан на доступ к участию в экономической деятельности, и использование своих способностей для создания рабочих мест и самостоятельной занятости. Законодательство России и раньше позволяло находить юридические пути защиты прав предпринимателей в арбитражном процессе. Однако эффективность этой защиты зависит не только от совершенства законодательства, но и от многих других обстоятельств, в частности от готовности судебной системы признать значимость права граждан на занятие предпринимательской деятельностью в форме малого предпринимательства¹.

Термин «малое предпринимательство» был зафиксирован в законодательстве и правоприменительной практике сравнительно недавно. Его «предшественником» было понятие «малое предприятие», которое появилось в эпоху Перестройки. Термин «малое предприятие» впервые упоминается и раскрывается Советом Министров СССР еще в 1989 г. (протокол № 14 от 6 июня

¹ См.: Иванченко В.Р. Методические особенности оценки конкурентоспособности малого предпринимательства Приморского региона (на примере Калининградской области): Дис. ... канд. эконом. наук. Калининград, 2012. С. 56.

1989 г.)¹. Согласно данному протоколу к малым предприятиям относились юридические лица с бесцеховой структурой и с числом работающих до 100 человек. Официальную фиксацию на уровне закона термин «малое предприятие» в первый раз получает в Законе СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-1 «О предприятиях в СССР»². Позднее уточнение критериев отнесения предприятий к малым было предложено посредством Постановления Совета Министров РСФСР от 18 июля 1991 г. № 406 «О мерах по поддержке и развитию малых предприятий в РСФСР»³. В указанном поднормативном документе трансформировались лимиты различным по видам деятельности. Кроме того, предписывалось рассчитывать показатель лиц, работающих на предприятии, с учетом договора подряда. Этим же постановлением не вводился такой критерий как критерий «объем оборота», что при гиперинфляции было бессмысленно⁴.

Позднее, а именно в гл. 4 ГК РФ (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ⁵, введенной в действие 8 декабря 1994 г., не было даже упоминания о малых предприятиях и малом предпринимательстве.

Следующей стадией можно признать принятие Федерального закона от 14 июня 1995 г. № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации»⁶, в котором законодатель кардинально трансформировал методы определения понятия субъекта малого предпринимательства⁷.

В настоящее время правовой статус малого предпринимателя определяется принятым 24 июля 2007 г. Федеральным законом № 209-ФЗ «О развитии ма-

¹ См.: Российское обозрение малых и средних предприятий – 2001 / Под ред. С. Бэтстоуна, В.М. Широнова. М., 2002. С. 114.

² См.: Закон СССР «О малых предприятиях в СССР» // ВСНД и ВС СССР. 1990. № 25. Ст. 460.

³ Цит по указ. соч. С. Бэтстоуна, В. Широнова. С. 45.

⁴ См.: Супатаев М.А. К проблеме понятия субъекта малого предпринимательства // Правовые проблемы малого предпринимательства / Отв. ред. Т.М. Гандилов. М., 2001. С. 12.

⁵ См.: Гражданский кодекс РФ от 5 декабря 1994 г. № 51-ФЗ (далее – ГК РФ) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁶ См.: Федерального закона от 14 июня 1995 г. № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 25. Ст. 2343

⁷ См.: Актуальная редакция закона цит. по СПС «Гарант»

лого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», в котором указаны критерии отнесения предприятия к малому бизнесу.

В настоящее время понятие субъектов малого и среднего предпринимательства определяется Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ). Согласно ст. 3 Закона «субъекты малого и среднего предпринимательства - хозяйствующие субъекты (юридические лица и индивидуальные предприниматели), отнесенные в соответствии с условиями, установленными настоящим Федеральным законом, к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, и средним предприятиям». Данные условия определены в ст. 4 Закона². Таким образом, относительно арбитражного процесса указанные субъекты представляют собой полноправных участников процедуры с правом подачи иска. Отметим, что формы участия в процессе во многом обусловлены статусом указанных субъектов в рамках уже начатого юридического конфликта – экономического спора. Законодательство Российской Федерации не содержит определения экономического спора. Вместе с тем, теория и судебная практика в широком смысле трактуют экономический спор как «спор, возникающий в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»³. В узком значении экономический спор рассматривается как спор, который возникает из многообразных цивилистических отношений, в частности из гражданских, а также отдельных публичных правоотношений. Причем данный спор возникает по причине осуществления субъектом указанных правоотношений предпринимательской и иной экономической деятельности, либо в его основе лежит необходимость обеспечения доступа к такой дея-

¹ См.: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

² См.: Семенушкина А.М. Правовые аспекты понятия субъектов малого и среднего предпринимательства // Предпринимательское право. 2009. № 4. С. 18.

³ Андреева Т.К. О подведомственности дел арбитражным судам // Хозяйство и право. 1997. № 8. С. 162; Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. Г.А. Жилина (автор комментария к главе 4 – В.М. Жуйков). М., 2003. С. 68; Клеандров М.И. Разрешение экономических споров в СНГ. Тюмень, 1997. С. 26 и др.

тельности. Кроме того, спор возможен и в связи с предъявлением юридическими лицами иных требований имущественного (экономического) характера¹.

Согласно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждый вправе защищать свои права и законные интересы всеми способами, не запрещенными законом. Формы защиты прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности могут быть государственные (юрисдикционные) или частноправовые (альтернативное разрешение споров).

К субъектам малого предпринимательства согласно ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» относятся внесенные в единый государственный реестр юридических лиц потребительские кооперативы и коммерческие организации (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий); физические лица, внесенные в единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица; крестьянские (фермерские) хозяйства, соответствующие определенным критериальным условиям, среди которых присутствует состав учредителей юридических лиц, суммарная доля участия в уставном капитале, средняя численность работников за предшествующий календарный год, выручка от реализации товара (работ, услуг) без учета налога на добавленную стоимость или балансовая стоимость активов².

Таким образом, необходимо заметить, что указанные критерии позволяют отнести определенные хозяйствующие субъекты к малым предприятиям, но, к сожалению, не раскрывают широко используемого в литературе термина «малый бизнес». Отметим, что не все критерии отнесения предприятий к малым являются новыми для российского законодательства. Прежде всего, это относится к такому критерию (условию), как состав учредителей юридических лиц.

¹ См., например: Андреева Т.К. Арбитражные суды в судебной системе РФ // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 34 и др.

² См.: Алешкин А.И. Понятие субъекта малого предпринимательства и законодательство, регулирующее правоотношения в данной сфере // Предпринимательское право. 2010. № 4. С. 26.

Согласно действующему законодательству суммарная доля участия России и ее субъектов, муниципалитетов, а также общественных, религиозных организаций (объединений), благотворительных и прочих отечественных фондов, иностранных юридических лиц в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) юридических лиц не должна быть более 25 %. При этом доля участия, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства, должна соответствовать норме не более 25 %. Кстати сказать, аналогичное условие содержалось в действовавшем ранее Федеральном законе от 14 июня 1995 г. № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации»¹.

Следующим критерием является средняя численность работников, но не за все время, а лишь за календарный год, который предшествовал. В категорию средних включены предприятия от ста одного до двухсот пятидесяти человек включительно. В категорию микропредприятий включены предприятия до 15 человек. Отметим, что данные положения являются новеллой для российского предпринимательского законодательства. В научных работах последнего десятилетия высказывалось мнение о том, что для создания должной законодательной базы государственной политики в области поддержки малого предпринимательства необходимо нормативно закрепить понятия «среднее предпринимательство» и «микрофирма» с целью адресного разграничения функций и взаимодействия в этой сфере органов управления федерального, регионального и местных уровней².

Впервые на законодательном уровне субъектам Российской Федерации органам государственной власти предоставлено право разрабатывать и утверждать перечни видов ремесленной деятельности. Ранее такой перечень опреде-

¹ См.: Федеральный закон от 14 июня 1995 г. № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 25. Ст. 2343 (утратил силу).

² См.: Гильмиярова А.Ф. Методы государственного воздействия на предпринимательскую активность малого и среднего бизнеса // Безопасность бизнеса. 2011. № 3. С. 4.

лялся лишь федеральными нормативными актами. Теперь поддержке данных субъектов посвящена отдельная статья (ст. 23)¹.

Согласно части 5 ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ вновь созданные организации или вновь зарегистрированные индивидуальные предприниматели и крестьянские (фермерские) хозяйства в течение того года, в котором они зарегистрированы, могут быть отнесены к субъектам малого и среднего предпринимательства, если: значение выручки или балансовой стоимости, а также показатель средней численности работников за время, которое прошло с момента государственной регистрации организации или предприятия, не превышают тех значений, которые по закону являются предельными.

В состав субъектов малого предпринимательства входят не только юридические лица, но и индивидуальные предприниматели без образования юридического лица (ПБОЮЛ), которые по смыслу ФЗ № 209-ФЗ могут относиться к микро-, малым и средним предприятиям².

Необходимо отметить, что помимо специального законодательства критерии, по которым хозяйствующие субъекты могут быть отнесены к субъектам малого предпринимательства, закреплены и в их нормативных правовых источниках, например по ст. 59 ТК РФ³ предприятие оценивается в качестве малого, если численность работников не свыше 35 чел., а в организациях розничной торговли и бытового обслуживания – 20 чел.

Разнообразие подходов к определению сущности понятия «субъект малого предпринимательства» предопределяет различные коллизии в каждодневной практической работе предпринимателей⁴. Как правильно подчеркивается в юридической специализированной литературе, для повышения эффективности конкретного правового применения, повышения уровня результативности под-

¹ См.: Ибадова Л.Т. Новеллы Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Цивилист. 2008. № 1. С. 52.

² См.: Семенушкина А.М. Правовые аспекты понятия субъектов малого и среднего предпринимательства // Предпринимательское право. 2009. № 4. С. 20.

³ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (далее – ТК РФ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

⁴ См.: Смагина И.А. Налогообложение субъектов малого предпринимательства // Право и экономика. 2009. № 11. С. 62.

держки предприятий, причисляемых к малым, надо унифицировать гражданское и налоговое законодательство в соответствующей сфере¹. Здесь может быть учтен богатый опыт зарубежных стран, во многих из которых во внимание принимается один из перечисленных выше критериев, например средняя численность работников, за отчетный период времени, либо размер уставного капитала. В частности, в Японии и США малым бизнесом признается предприятие с общей численностью работников не более 20 чел.², тогда как в Европейском Союзе это число работников может достигать 250 чел., что повышает годовой товарооборот таких предприятий до 3 млн. евро³.

Таким образом, в большинстве зарубежных стран система определения предприятий малого бизнеса намного более проста, нежели чем в нашей стране, и не требует применения нескольких, часто противоречащих друг другу законодательных актов.

Итак, подведем итоги рассмотрения понятия и критериев малого предпринимательства в России.

Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» расширил действующие ранее критерии, приблизив их к европейским стандартам. Впервые введено новое понятие «микропредприятие» с численностью занятых до 15 человек; в категорию «малые предприятия» определены компании с числом работающих от 16 до 100 человек, от 101 до 250 человек – «среднее предприятие»⁴. При этом общая балансовая стоимость активов или выручка, полученная от реализации товаров (работ, услуг) без учета налога на добавленную стоимость, не должна быть выше значений за предшествующий календарный год. Эти значения определяются Правитель-

¹ См.: Предпринимательское право Российской Федерации / Отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М., 2007. С. 272.

² См.: Малявкина Л.И. Учет в организациях, применяющих разные режимы налогообложения // Бухгалтерский учет. 2004. № 7. С. 42.

³ См.: Карпов В.В., Лукина Я.В. Малые предприятия - 2008: Практическое пособие. М., 2008. С. 144.

⁴ Нужно учитывать, что согласно новой редакции п. 1 ст. 88 ГК РФ число участников общества с ограниченной ответственностью не должно превышать пятьдесят. В противном случае оно подлежит преобразованию в акционерное общество.

ством РФ один раз в пять лет не для всех субъектов сразу, но в отдельности для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства.

В новом законодательстве к субъектам малого и среднего предпринимательства были отнесены и потребительские кооперативы. Согласно ст. 123.2 ГК РФ теперь под ними следует понимать основанное на членстве добровольное объединение граждан или граждан и юридических лиц в целях удовлетворения их материальных и иных потребностей, осуществляемое путем объединения его членами имущественных паевых взносов. Новое законодательное уточнение определения потребительского кооператива связано с тем, что они очень схожи с коммерческими организациями, так как прибыль, которую получают от осуществления предпринимательской деятельности, распределяется между его членами. Из субъектов малого предпринимательства исключены государственные и муниципальные унитарные предприятия. Также законодателем исключено разграничение численности работников по отраслям финансово-хозяйственной деятельности, что дало российским предпринимателям больше возможностей в определении вида деятельности.

Однако малое предпринимательство и его критерии важны не сами по себе, а в том числе и для того, чтобы обеспечить надлежащую правовую защиту субъектам малого предпринимательства, которое является наиболее лабильным элементом экономико-правовых отношений. В настоящее время статус малого предпринимателя и его процессуальная роль тесно связаны с рядом понятий, активно употребляемых в международно-правовом законодательстве, но, тем не менее, не нашедшим фактического отражения в арбитражной практике. В частности, проблема доступности правосудия субъектам малого предпринимательства тесно связана с феноменом справедливости в цивилистическом процессе, и праве в целом.

Справедливость – тот феномен жизни человеческого общества, который относится к категориям так называемых универсалий, базовых ценностных характеристик, имеющих многомерное содержание и несущих глубинное отражение самих оснований функционирования конкретного социума. И юридическая

наука, в том числе наука гражданского и арбитражного процессуального права, решая задачи отражения в праве указанных категорий (категории справедливости в частности)¹ не может не устанавливать рамок экстраполяции соответствующих понятий в границах конкретной правовой системы (национального права).

В связи с этим, при наличии в правоведении самых различных позиций, теорий и точек зрения, можно указать на ряд представляющих научный и практический интерес вопросов, связанных с пониманием материальной, социальной и правовой природы справедливости, ее потенциальной и функциональной роли в праве: является ли справедливость понятием правовым или лежит за пределами права? Рассматривает ли современная отечественная правовая доктрина справедливость в качестве принципа права? Можно ли считать справедливость, в т. ч. в вышеуказанном качестве, одним из источников права? Какова диалектика отношения «постоянное – переменное» в категории справедливости? Что есть «юридическая справедливость», и какие реальные отношения она отражает? Каков уровень объективации справедливости как отражения материальных условий существования индивида и общества и как фактора права? Сравнительный уровень восприятия правом справедливости как целевого и конститутивного признака в российском и международном праве? Справедливость – в качестве формы сознания познающего и чувствующего субъекта и в качестве формоорганизующего конструктивного начала судопроизводственного процесса? Несомненно, важен и практический аспект отражения в судебных решениях и актах «справедливости воздаяния» за прямые нарушения прав, или посягательства на них, любого легального субъекта правоотношений. Отсюда становится понятным, что справедливость – категория оценочная, что должно приниматься во внимание арбитражными судами в ходе разбирательств.

В целом же оценочные термины выражают нечеткие понятия закона, которые в российской правовой доктрине принято именовать оценочными по-

¹ См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 142-144.

нениями. Необходимость их использования в теории права, и, применительно к тематике нашего исследования, в гражданском и арбитражном процессуальном праве, обоснованная Р.О. Опалевым, бесспорна. Данные понятия играют важную роль в праве, придавая гражданской и арбитражной процессуальной форме гибкость, стабильность, обеспечивают относительно беспробельное регулирование процессуальных правоотношений¹. Соглашаясь с высказанным М.А. Видуком мнением о динамичном характере правовых понятий и терминов, возможности их изменения по содержанию и форме, что особенно актуально применительно к категории справедливости, отметим в качестве существенного недостатка занимаемой ею позиции, что указанная возможность изменения их содержания фактически реализуется не столько под влиянием совершенствования терминологического аппарата, сколько под влиянием изменения фактического наполнения содержания соответствующих понятий и терминов в процессе исторического развития общества, что, в свою очередь, влечет соответствующие изменения в праве².

Критически анализируя работу А.И. Овчинникова «Правовое мышление в герменевтической парадигме»,³ который относит к оценочным, лишенным объективного характера и несущим печать субъективизма, как и носящим конвенциональный характер, понятиям «справедливость», «мораль», «культуру», «свободу», «ответственность» и ряд других, В.М. Сырых обоснованно отмечает, что «обозначенное соотношение субъективного и объективного в полной мере приемлемо и для таких предельно широких категорий, как справедливость, мораль, культура, свобода, ответственность. Современное понимание названных понятий, бесспорно, во многом носит дискуссионный характер, который значительно усиливается несовпадением их трактовок правовыми теориями, школами

¹ См.: Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М., 2008. С. III.

² См.: Видуток М.А. О лицах, участвующих в судебном гражданском деле // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Саратов, 2007. С. 9.

³ См.: Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-н/Д, 2002. С. 237.

ми», но отрицание объективного содержания правовых понятий и категорий ведет в теоретический и методологический тупик¹.

С формированием объективно-истинного понятийного аппарата науки связана и необходимость конкретно-исторического подхода в анализе и оценке тех или иных временных реалий. «Повиновение рабов следует обеспечивать не только властью, но и умеренностью, и достаточным содержанием, и справедливыми (требованиями) работы. Следовательно, ты сам должен (об этом) заботиться и обходиться с рабами справедливо и умеренно...» – приписка «божественного Пия к прошению Альфия Юлия»².

Как видим, субъективно – «справедливые» воззрения (какой аспект ни возьми – моральный, правовой, социально-ценностный) древнеримского гражданина, в сущности, не многим отличались от современного «цивилизованного», вызывающего к ценностям правового государства. Как в древние времена можно было высокоморально говорить о справедливом обхождении с рабами, не замечая «в силу естественности» самого рабства, так в современном мире можно провозглашать справедливость, всячески вуалируя извлечение и присвоение прибавочной стоимости эксплуатацией наемного труда и финансовыми спекуляциями, т.е. скрывая реальные, глубинные, фактические отношения субъектов³.

Отсюда, далее, следует, что решения, на которых останавливает свой выбор законодатель, «призваны служить не чисто юридическим или исключительно юридическим проблемам; они должны содействовать урегулированию важных проблем социального характера»⁴.

Сама постановка вопроса о закреплении в праве понятия юридической справедливости как некоего (превращенного) инобытия справедливости соци-

¹ См.: Сырых В.М. Герменевтический круг как методологический тупик // Современные методы исследования в правоведении / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 229-234.

² См.: Ульпиан. Об обязанностях проконсула. Книга VIII (2214). Цит. по: Хрестоматия по истории Древнего Рима. М., 1987. С. 308.

³ См.: Нюрнбергский процесс и современность. М., 1986. С. 24, 34.

⁴ Нашиц А. Правотворчество: Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 131.

альной (справедливости как таковой), как минимум спорна, ибо первичным критерием выступает общественная, а не правовая оценка различных событий, явлений, так же как первичны реальные, фактические отношения, лишь затем опосредуемые правом¹. «Справедливость можно считать обобщающим философским понятием, выражающим объективные экономические, политические, правовые, нравственные условия жизни того или иного класса, общества и тенденции их развития»².

Справедливость социальная выступает своего рода обобщенным мнением относительно всей палитры многообразных социальных явлений, которая обладает некими оттенками касательно тех или иных социальных групп и социальных слоев. Справедливость юридическая призвана отражать социальные ценности общества в праве, на сущность которого в принципах взаимозависимости, эквивалентности, общеобязательности и ответственности указывает В.М. Сырых, рассматривая логические основания права³.

Если говорить о взаимодействии этих двух категорий (социальная и юридическая справедливость), следует указать, что существуют они в диалектической общности, дополняя и формируя друг друга, ведь юридическая сторона вопроса – это всегда обратная сторона социального бытия. По причине того, что социальная справедливость весьма подвижна и исторические представления о ней меняются, соответствующие изменения находят свое отражение в представлениях о юридической справедливости. Здесь социальная справедливость выступает неким ориентиром для справедливости юридической, именно в праве должны фиксироваться многие социальные установки относительно фактов бытия и окружающей нас действительности. Когда мы достигаем социальной справедливости, мы во многом достигаем справедливости юридической,

¹ Одно из последних и, пожалуй, наиболее обстоятельных в процессуально-правовом смысле исследований категории справедливости в гражданском процессуальном праве предпринято А.Т. Боннером. Актуален взгляд автора на справедливость как принцип процессуальной деятельности (См.: Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992. С. 10, 11, 15 и др.).

² Бербешкина З.А. Справедливость как социально-философская категория. М., 1983. С. 45.

³ См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правописание. М., 2007. С. 335-494.

через которую находят свое воплощение социальные мировоззренческие установки и представления многих людей, в том числе занимающихся предпринимательской деятельностью.

Из сказанного следует, что для того чтобы правоприменитель и его работа в рамках государственной службы пользовались в обществе поддержкой и высоким авторитетом, при осуществлении данной работы нужно исходить из нравственных норм, что возможно лишь при их нормативной регламентации, или другими словами, закреплении в праве. Здесь необходима оговорка. Нравственные нормы употребляются в той части, которая не расходится с принципом законности. Отсюда становится понятным потребность в уяснении соотношения категорий законности и справедливости.

Известно, что суть законности как принципа, существующего почти во всех отраслях права, изучается в юридической теории и практике изучается почти постоянно¹. Разделяя мнение большинства о том, что законность представляет собой самостоятельное условие осуществления начала справедливости, всех подчеркнем, что указанное соотношение не всегда однозначно. В частности, следует указать на то, что авторы, рассматривающие законность в качестве предпосылки справедливости, всегда исходят из того, что официально принятый закон всегда справедлив, хотя, как показывает практика, в том числе судебная, законы далеко не всегда справедливы, и далеко не справедлив механизм их реализации.

Несомненную неправильность данного тезиса демонстрируют правовые реалии сегодняшнего времени. В качестве примера защиты интересов малого бизнеса можно привести современное состояние законодательства в области, регулирующей вопросы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Согласно недавно принятым поправкам к закону «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в России внедрена процедура непосредственного

¹ См., например: Алексеев С.С. Право: азбука - теория-философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 624.

урегулирования возникших убытков, а также введен упрощенный механизм оформления дорожно-транспортного происшествия. На основании указанных процедур и правовых механизмов любой пострадавший от дорожно-транспортного происшествия сможет получить денежные средства в компании, в которой застрахована его гражданская ответственность. Причем, в том случае если страховщик выплатит денежные средства собственному клиенту напрямую, то он будет обложен дополнительным налогом, который удваивается при взаиморасчетах страховых компаний между собой за счет НДС. Вполне понятно, что данные денежные суммы страховые компании, как участники малого бизнеса, захотят переложить на страхователя, например путем уменьшения сумм причитающихся выплат или увеличения исковых требований, предъявляемых в порядке регресса. В чем же тогда заключается социальная и юридическая справедливость?

Однако не будем уклоняться от основной канвы рассуждений. Нам представляется, что тезис о том, что «несправедливые законы и иные нормативные акты не могут быть признаны правом...»,¹ видимо, не соответствует принципам правового государства, которые отстаивает автор настоящей цитаты.

Другой методологический подход ставит под сомнение саму категорию законности. Антитеза законности и правопорядка крайне опасна. Отсюда становится понятным, что преодоление указанной антитезы возможно не за счет отрицания законности или справедливости, а за счет внедрения в действующее законодательство легального понятия принципа справедливости, (а не простого употребления термина «справедливость»), дальнейшего определения соотношения законности и справедливости, что позволит правоприменителю более эффективно использовать категорию справедливости в своей каждодневной работе.

Выше уже приводились позиции ряда авторов, высказывавшихся за использование в праве понятия юридической справедливости, но так и не до-

¹ См.: Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Российское право, 1992. С. 22.

стигших единства в его определении. Кроме того, до настоящего времени существует терминологическая неопределенность в вопросе о том, именовать ли справедливость «правовой» или «юридической».¹ Некоторые ученые используют оба означенных термина, фактически отождествляя их², другие просто указывают на необходимость реализации данной категории в праве³.

Полагая необходимым устранение терминологического разнообразия в обозначении одного и того же понятия, считая некорректной позицию ряда авторов, ставящих под сомнение саму возможность присутствия справедливости в праве при прямом нормативном закреплении данного термина в ряде основополагающих международно-правовых и внутренних нормативных актов, нами в то же время не видится необходимости использования терминов «юридическая справедливость» или «справедливость правовая». Указанный вывод сделан из-за очевидной нетождественности проявления справедливости в праве и во всех остальных сферах общественной жизни, притом что справедливость выражает ту же эквивалентность, но в морали, т.е. в сфере более широкой, нежели узкой.

Нами уже подчеркивалось, что с позиции социальной справедливости, как общефилософской категории, оперирующей, прежде всего, морально-нравственными категориями добра и зла, «хорошего» и «плохого», может быть дана оценка практически неограниченному кругу общественных явлений. В отличие от последней введение категории справедливости в правовую область возможно лишь при четком определении предмета ее оценки и четких критериев данной оценки. Следует сделать вывод, что с точки зрения юридической справедливости могут оцениваться лишь юридические факты, как влекущие за собой возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Таким об-

¹ См., например: Сергейко П.Н. Законность, обоснованность и справедливость судебных актов. Краснодар, 1974; Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Российское право, 1992.

² См.: Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986; Баранов В.М. Истинность норм советского права. Саратов, 1989.

³ См.: Афанасьев С.Ф. Институциональный элемент права на справедливое судебное разбирательство в интерпретации Европейского Суда по правам человека // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Саратов, 2007. С. 135-142.

разом, юридическая справедливость распространяет свое действие лишь на те общественные отношения, которые урегулированы правом. При этом, соглашаясь с мнением И.И. Андриановской¹, заметим, что справедливость в праве может рассматриваться, во-первых, как особое качество, присущее праву в целом (всем отраслям права); во-вторых, как принцип права (общеправовой, отраслевой). Данная оценка индикативна для настоящей работы, поскольку в последующих ее разделах обосновывается необходимость нормативного закрепления общеправового принципа справедливости и на уровне отдельных отраслей, прежде всего арбитражного и гражданского процессуального права.

Следует отметить, что в действующем законодательстве используется понятие справедливости, однако скорее оно носит идеологический, а не функциональный характер. В преамбуле Конституции РФ выражена вера в добро и справедливость, таким образом, идея справедливости заложена в сущности права изначально.

В то же время имеет место ситуация, когда, оперируя (и притом весьма часто) данным термином,² законодатель не указывает, какое вложено в него содержание. Отсюда «размывание» данного понятия, а то и дробление его на множество подкатегорий, таких как «историческая справедливость», закрепленного, например, в законодательных актах посвященных реабилитации репрессированных граждан,³ собственно «социальная справедливость» (ст. 43 УК РФ, ст. 9 закона «О политических партиях»), оперированию на нормативном

¹ См.: Андриановская И. И. Проявление категории «справедливость» в праве. Интернет журнал СахГУ «Наука, образование, общество» // URL статьи: <http://journal.sakhgu.ru/work.php?id=54> (дата обращения: 14.09.2013).

² В качестве примера использования данного термина можно привести ч. 2 ст. 6 УК РФ, ст. 2 ТК РФ, п. 3 ст. 2 АПК РФ, п. 2 ст. 6, п. 3 ст. 451, п. 2 ст. 1101 ГК РФ и т. д.

³ См.: Закон РФ от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. №18. Ст. 572; Указ Президента РФ от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25. Ст. 1429; Указ Президента РФ от 11 января 1991 г. № 32 «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 5. Ст. 394.

уровне некоей «идеи социальной справедливости»¹ и т. д. Не отрицая саму возможность существования данных понятий в праве, и анализируя данную проблематику в сравнительно-правовом контексте, нужно отметить, что в законодательстве большинства стран континентальной Европы понятие справедливости широко употребляется, оно рассматривается как один из главных базисов, на котором строится Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 6). Причем Европейская конвенция не просто констатирует и провозглашает принцип справедливости, на котором покоится современный гражданский и уголовный процесс, она называет и раскрывает условия, при которых сам по себе процесс может быть признан в государстве справедливым и соответствующим высоким европейским стандартам в области правосудия. В частности, указывается, что справедливость судебного разбирательства предполагает разрешение гражданского или уголовного дела судом, который является независимым, беспристрастным и созданным на основании закона².

Возвращаясь к анализу российского законодательства, нельзя не отметить непоследовательность подхода к отражению справедливости в «родственных» процессуальных отраслях права, когда данная категория, присутствуя в арбитражном процессуальном и уголовном процессуальном кодексах, не находит отражения в нормах Налогового кодекса РФ, фактически ограничивающих доступ ряда субъектов малого предпринимательства к правосудию, несмотря на то, что ст. 2 АПК РФ³ в качестве одной из задач арбитражного судопроизводства ставит справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом.

Полагаем, что с учетом категории и принципа справедливости, а также неоднородности субъектов, олицетворяющих малое предпринимательство, сле-

¹ См., например, ст. 9 закона «Об общественных объединениях», ст. 56 закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ».

² См.: Белоусов Ю.В. Основные направления развития гражданского процессуального законодательства Украины // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Саратов, 2007. С. 33.

³ См.: Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (далее – АПК РФ) // Собрание законодательства. 2002. № 30. Ст. 3012.

дует говорить о необходимости установления дифференцированного уровня процессуальных гарантий для различных групп субъектов процессуальных правоотношений. Обеспечить реальное равенство участников процесса могут только адекватные нормы о доступности правосудия, поэтому следует обратить особое внимание на вопрос о социальной и юридической справедливости, например при дифференциации системы государственной пошлины для участников с различным уровнем доходов и различной ценой исков. Кроме того, с теоретико-практических позиций предложенная в законе классификация субъектов малого бизнеса представляется не подходящей для нужд обеспечения доступа к правосудию. Полагаем, необходимо классифицировать указанных субъектов не в зависимости от количества работников на предприятии, а в зависимости от годового оборота по расчетным счетам данного предприятия, что должно приниматься во внимание в ходе дальнейшего совершенствования материального и процессуального законодательства и приниматься во внимание арбитражными судами в ходе рассмотрения различных споров, возникающих из гражданских правоотношений.

§ 1.2. Конструктивно-функциональная роль арбитражных судов в системе средств и мер обеспечения государственной поддержки малого предпринимательства

Сразу следует подчеркнуть существующую ныне позитивную направляющую тенденцию, в соответствии с которой государственная помощь и поддержка приоритетных направлений предпринимательской деятельности находит все большее закрепление различных значимых федеральных нормативных актах. Без такой поддержки и помощи инновационной деятельности невозможна модернизация экономики страны¹. Отрадно, что это находит отражение в современном законодательстве. Так, Федеральным законом от 19 июля 2007 г. № 195-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

¹ См.: Сапегин Д.А. Совершенствование системы инфраструктурного обеспечения развития малого предпринимательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 12.

Федерации в части создания подходящей налоговой обстановке для финансирования новаторской работы был внесен ряд значительных дополнений в Налоговый кодекс РФ. Они среди прочего касаются льгот по уплате налогов на добавленную стоимость и прибыль, а также ускоренной амортизации основных средств производства, которые употребляются исключительно для осуществления научно-технического функционирования¹.

Конфигурация государственного ассемблирования экономических отношений должна быть соответственна средствам достижения генеральной цели такого ассемблирования. Без точного определения и законодательного закрепления цели государственного регулирования экономики невозможно надлежащее правовое обеспечение такого регулирования. Представляется, что главная цель государственного регулирования экономики - обеспечение рационального хозяйствования, реализация и защита публичных интересов (интересов общества), таких, как оборона страны и безопасность государства, защита прав и свобод человека и гражданина, охрана окружающей среды, надлежащее осуществление функций социального государства, в том числе защита социально уязвимых слоев населения².

Согласно Концепции государственной политики поддержки и развития малого предпринимательства в Российской Федерации от 19 декабря 2001 г.³ перспективы развития малого предпринимательства в Российской Федерации как неотъемлемого элемента современной рыночной системы хозяйства соответствуют цели экономических реформ – созданию эффективной конкурентной экономики, обеспечивающей высокий уровень и качество жизни населения, и достойное участие России в мировом экономическом сообществе.

¹ См.: Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 195-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части формирования благоприятных налоговых условий для финансирования инновационной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 3991.

² Бимбад А.Я. Государственная имущественная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 3-5.

³ См.: Концепция государственной политики поддержки и развития малого предпринимательства в Российской Федерации от 19 декабря 2001 г. // СПС «Консультант Плюс».

Малое предпринимательство выковывает в стране тот класс, который принято называть средним, что приводит к образованию экономики инновационной по своей сути. Субъекты малого предпринимательства могут быстро вводить в действие новые рабочие места, что влечет за собой уменьшение безработицы и социальной напряженности. Сегодня ведется достаточно активная работа по созданию принципиально новой нормативной базы, которая будет стимулировать дальнейшее развитие малого и среднего бизнеса в России.

Среди первоочередных мер, на наш взгляд, следует назвать снижение ставки банковского рефинансирования, которая устанавливается Центральным Банком России. Высокий банковский процент ставки не дает возможность остальным банкам успешно кредитовать реальный сектор экономики, а также снизить стоимость кредитов на рынке банковских услуг. Одной из многих мер, связанных с поддержкой малого бизнеса, может стать льготное налогообложение, в частности компаний, занимающихся инновационными продуктами и производящих продукцию, которая заменяет собой импортную¹.

Одной из актуальнейших проблем в развитии малого и среднего бизнеса является проблема неналоговых платежей, взимаемых многочисленными органами власти, контролирующими и надзорными органами, муниципальными и государственными предприятиями и учреждениями, в частности, при обращении предпринимателей за получением разрешений и справок, необходимость получения которых установлена нормативными актами. Примерами таких услуг могут служить многочисленные платежи при выделении земельных участков, получении разрешений на торговлю и строительство и т.д. Т.А. Потапенкова отмечает необходимость рассмотрения возможности законодательного ограничения оказания органами власти, бюджетными учреждениями платных услуг субъектам малого и среднего предпринимательства, связанных с выполнением возложенных на них функций².

¹ См.: Сытова Е.В. Стимулирование малого и среднего бизнеса в условиях кризиса // Налоги (газета). 2009. № 26. С. 12.

² См.: Потапенкова Т.А. Важнейшие направления совершенствования правового регулирования малого и среднего предпринимательства // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 20.

Суммируя сказанное, нужно подчеркнуть, малый бизнес стал очень важным компонентом экономических отношений в условиях рыночной и развивающейся экономики. На нынешнем этапе малое предпринимательство играет большую роль в экономической составляющей бытия нашего государства, являя собой многоаспектный экономико-социальный институт.

Очевидна потребность в совершенствовании законодательства в сфере деятельности субъектов малого предпринимательства. Это повлечет за собой расширение потенциала для малых предприятий, которые смогут участвовать в более крупных инвестиционных проектах, в том числе посредством обеспечения им права выполнения подобающих работ и услуг при одновременном применении позитивного опыта зарубежных стран в данной области.

Все сказанное не в полном объеме очерчивает круг мер, связанных с поддержкой малого предпринимательства в Российской Федерации. Указанные выше меры, как нам представляется, должны опираться на те начала, которые заложены в области правовой идеологии.

Как известно, система права любой страны формируется в поле определенной правовой идеологии, отвечает определенным концептуальным установлениям, опирается на определенные принципы осуществления правосудия, руководствуется определенной правовой доктриной. Это находит соответствующее отражение и закрепление в различных формах в основополагающих законодательных актах, на конституционном уровне, в судопроизводственных реалиях, в том числе практике судебного прецедента и восприятия в качестве фактического источника права судебного решения, разъяснений и обобщений судебной практики высшими судебными инстанциями.

В то же время нигде не обнаруживается достаточность систематического закрепления в законодательстве «исчерпывающего» свода неких начал, на которых выстраивается вся конструкция судопроизводственного процесса, будь то правосудие по гражданским делам, арбитражное или иное судопроизводство.

Обратимся к источникам права в гражданском судопроизводстве и производстве в арбитражных судах. В силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ порядку

гражданского судопроизводства в федеральных судах общей юрисдикции и арбитражных судах отвечают условия применения общепризнанных принципов и норм международного права и правовых предписаний международных договоров (соответствующие ч. 1 ст. 1 ГПК РФ¹ и ч. 2 ст. 3 АПК РФ). Аналогичен и подход в части материальных источников, подлежащих применению при рассмотрении и разрешении дел.

Часть 1 ст. 11 ГПК РФ и ч. 1 ст. 13 АПК РФ также указывают на Конституцию РФ и международный договор как на источники, на основании которых суд обязан разрешить дело, и соответственно в международно-правовом аспекте эти нормы можно рассматривать в качестве основания применения общепризнанных принципов и норм международного права и норм международных договоров.

В названных же статьях законов закреплён приоритет международного договора над внутренним законом, и, следовательно, нарушение или неправильное применение норм материального или процессуального права, содержащихся в международных договорах, может явиться основанием для отмены или изменения судебных актов в кассационном порядке (п. 4 ч. 1 ст. 362 ГПК РФ; ч. 1 ст. 288 АПК РФ), а также при производстве в суде надзорной инстанции. Обращает внимание, что, в отличие от ГПК РФ, в качестве одного из оснований пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам АПК РФ прямо называет установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

правам человека (п. 7 ст. 311),¹ что само по себе не является контрольно-проверочным актом².

В связи с вышеотмеченным анализ судебной практики и действующей нормативной базы свидетельствует о наличии далеко не всегда адекватной имплементации (а то и их отсутствии) правил / процедур, устанавливаемых требованиями международных актов. В частности, Т.Н. Нешатаева и А.В. Павлова указывают на институт предварительных обеспечительных мер в мореплавании, отсутствующий в отечественном процессуальном законодательстве³. Это является значимым фактором реальности обеспечения доступа к правосудию, т.е. одного из важнейших международно-правовых стандартов, связанных с требованиями справедливости.

Рассмотрим, далее, применение в качестве источника российского права общепризнанных принципов международного права, то есть императивных норм общего международного права, которые применяются и признаются международным сообществом государств как нормы, отклонение от которых в соответствии со ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. недопустимо⁴.

Общепризнанные принципы международного права есть общепризнанные нормы, имеющие наиболее важное значение для обеспечения нормального функционирования межгосударственной системы и, как следствие, для решения международных проблем. При этом слова (термины) «принципы» и «нормы» выражают одну и ту же идею: «принципы» означает «правовые принципы»,

¹ См.: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

² См.: Алиев Т.Т., Афанасьев С.Ф. К вопросу об основаниях для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решений, определений суда, вступивших в законную силу, предусмотренных ГПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 5. С. 12-15.

³ См.: Нешатаева Т.Н., Павлова А.В. Новый ГПК РФ и международно-правовые стандарты // Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. М.: РПА, 2004. С. 177.

⁴ Здесь существенна связь с оговоркой Б.С. Эбзеева, на которую мы указываем в конце параграфа, а именно: общепризнанными, как и международными (а не только межгосударственными – двусторонними), нормы права становятся в результате многолетней, а то и многовековой практики.

то есть термин «включает нормы международного права», и употребление его оправданно, поскольку речь идет о более общих и фундаментальных нормах»¹.

Для нас важно вычленение из массива общепризнанных принципов и норм «большей юридической силы» тех из них, которые могут и должны применяться для разрешения дел национального гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции и производства в арбитражных судах, притом что существует проблема формального (узкого) и более широкого толкования соответствующих норм и принципов, возможности их применения лишь в случаях пробельности, коллизионности, неоднозначности или в иных случаях.

Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении от 10 декабря 2003 г. № 5 «О признании судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» называет два общепризнанных принципа международного права (неисчерпывающий перечень): принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестности выполнения международных обязательств².

Однако методология международной судебной практики позволяет выделить, помимо семи принципов, указанных в Декларации о принципах международного права, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г., гораздо большее число принципов международного права.

Об этом свидетельствует практика Европейского суда по правам человека (Страсбургский суд), а также имплементация их (принципов), прежде всего через судебную практику, в национальные правовые системы. В качестве таковых можно назвать США, ФРГ, Австрию, другие страны. В частности, в качестве принципов международного (европейского) права Европейским судом по правам человека названы:

¹ См. соответствующее определение в решении Международного Суда ООН 1974 г. по спору между США и Канадой о границе в заливе Мэн (Международное право / Отв. ред. Г. И. Тункин. М., 1994. С. 106.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12. С. 15.

– принцип верховенства права, включающий правовую определенность, правовую эффективность в регулировании общественных отношений и свободу доступа к суду¹;

– принцип баланса публичного и частного интереса, включающий соблюдение равновесия в защите интересов публичного порядка и защите интересов «слабой» стороны²;

– принцип взаимного сотрудничества государств, в том числе судебных органов, в утверждении верховенства права, что важно не только с точки зрения эффективности регулирования материальных правоотношений, но и в процессуальном отношении, в сфере оказания международной правовой помощи, включая признание и исполнение иностранных решений³.

Реалии, притом что судебная практика современной России пока едва ли успешно решила названную проблему, говорят о том, что высшие судебные инстанции в нашем государстве пошли по пути самостоятельной их детерминации,⁴ о чем свидетельствует вышеприведенное постановление пленума Верховного суда РФ, как и ряд постановлений Конституционного суда РФ.

Коль Россия сделала заявление о признании юрисдикции Страсбургского суда по вопросам толкования Европейской конвенции по правам человека и протоколов к ней, указанное свидетельствует, с одной стороны, о необходимости согласованного подхода в вопросе о том, какому суду (возможно, и суду ли?) принадлежит правомочие толкования и признания принципа международного права: а) любому суду, б) только Конституционному Суду РФ; в) Верховному Суду РФ; г) всем высшим судебным инстанциям⁵, а с другой – о наличии

¹ См.: Бурдов против России от 7 мая 2002 г. № 59498 и др.

² См.: Игнаколло-Зенид против Румынии от 25 января 2000 г. № 31679/96 и др.

³ См.: Гомьен Д., Харрис Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия. М., 1998. С. 56.

⁴ На это указывает ряд «разночтений» высших судебных инстанций России по компетенционным вопросам (Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ).

⁵ По нашему мнению, исходя из общего смысла правосудия и задач судебной власти, вполне может быть приемлем первый из названных вариантов.

фактической императивности для отечественных судов применения норм Европейской конвенции и практики их толкования в решениях Страсбургского суда.

Таким образом, надо сделать вывод, что международный судебный прецедент в виде решений Европейского суда по правам человека приобрел для России обязательную силу и должен учитываться национальными судами, в частности при разрешении дел судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Статья 6 Европейской конвенции гарантирует право на справедливое судебное разбирательство. Именно каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

По смыслу ст. 6 Конвенции в ней можно выделить три важных компонента:

- 1) легитимность независимого и беспристрастного суда;
- 2) компетентность суда в рассматриваемых вопросах;
- 3) доступность суда для каждого человека¹.

Таким образом, ст. 6 Европейской конвенции по правам человека прямо ориентирована на защиту гражданско-процессуальных прав личности (в контексте темы диссертационной работы). Соответственно прецедентное право Европейского суда содержит немало решений по вопросам нарушения процессуальных прав граждан в национальных судах и необходимости их обеспечения, что будет рассмотрено ниже. Сейчас же остановимся на следующем.

В действующем российском гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном законодательстве можно найти указания на «принципы осуществления правосудия в Российской Федерации» (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ), «основополагающие принципы российского права» (ч. 3 ст. 421 и ч. 2 ст. 426 ГПК РФ; ч. 3 ст. 233, ч. 3 ст. 239 и ч. 1 ст. 256 АПК РФ), «общие начала и смысл фе-

¹ См.: Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. Т. 1 / Пред. ред. коллегии В.А. Туманов. М.: Норма, 2000. С. 39 (дело Голдер).

деральных законов и иных нормативных правовых актов» (ч. 6 ст. 13 АПК РФ), «доктрину права» (ч. 1 ст. 14 АПК РФ).

Однако, в отличие от ряда других кодексов – скажем, УК РФ¹, где глава 1, именуемая «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации», содержит статьи (в том числе Статья 6 «Принцип справедливости»)², закрепляющие, легализующие ряд принципов уголовного закона и права, – ни ГПК РФ, ни АПК РФ формально ряд принципов, таковыми являющимися по существу и признанными доктринально, не легализует, или легализует без использования термина «принцип». Понимая, что в данном случае речь идет о совершенно разных по своей правовой природе кодексах, мы лишь указываем на техническую сторону вопроса.

Это приводит к ситуации, позволяющей, например, В.М. Жуйкову отметить: «В ГПК РФ в отличие от АПК РФ (ст. 6) принцип законности не обозначен и не прописан, а ведь он – основополагающий при разрешении дел»³. С другой стороны, можно указать и на то, что ряд статей АПК РФ содержит нормы по сути не просто имплементации, а прямой инкорпорации норм международного (европейского) права. Таковы п. 2 ст. 2 АПК РФ (обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности), п. 3 ст. 2 АПК РФ (справедливое публичное судебное разбирательство в установленный законом срок независимым и беспристрастным судом); содержащееся в ст. 6 требование «соблюдения всеми судьями арбитражных судов правил, установленных законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах», и ряд других.

По мнению В.М. Сырых, в самом законодательстве, системе действующих норм права правовые принципы приобретают общеобязательное значение

¹ См.: Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Нами разделяется критический взгляд ряда авторов на «усеченность» этого принципа, почему-то не распространяющего понятие справедливости на потерпевшего.

³ Жуйков В.М. Всероссийская научно-практическая конференция «АПК и ГПК 2002 года: сравнительный анализ и актуальные проблемы правоприменения» // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 5. С. 37.

постольку, поскольку они закреплены законодателем. «В тех же случаях, когда принципы права не осознаются учеными-юристами, не закрепляются прямо и непосредственно действующим законодательством, правовые нормы оказываются несовершенными, малоэффективными и не приводят к ожидаемым результатам»¹. При этом в обществе сохраняются устойчивые потребности, которые не получают надлежащего удовлетворения, а фактические отношения складываются вопреки законодательным установлениям, в обход норм права. Аналогичной точки зрения придерживаются и другие ученые².

Однако отсутствие прямого нормативного закрепления принципов права не свидетельствует само по себе о слабости или недействительности доктринального закрепления таковых, исключая крайности, к которым приходит А.А. Демичев в утверждении, что «при желании практически любое положение ГПК РФ и АПК РФ можно подвести под категорию доктринального принципа гражданского процессуального права»³.

Таким образом, «корни» указанной проблемы необходимо искать не только в самом позитивном праве, но и в правосознании, прежде всего в правосознании судей, что заставляет нас непосредственно обратиться к проблеме функциональной роли арбитражных судов, которую они выполняют в системе мер поддержки малого предпринимательства.

Общеизвестно, что на основании ст. 118 Конституции РФ правосудие в России воплощается в жизнь только судом. Судебная власть реализуется через конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводство. Развитие правового демократического государства и институтов гражданского общества требует формирования компетентной, самостоятельной и транспарентной для широких кругов предпринимателей судебной власти. Ос-

¹ Сырых В.М. Герменевтический круг как методический тупик. С. 210.

² См., например: Исаенкова О.В. Принципы исполнительного права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2003. № 1 (34). С. 86; Авдюков М.С. Советский гражданский процесс. М., 1979. С. 18; Давтян А.Г. Развитие теории принципов в гражданском процессуальном праве Армении // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2004. С. 248.

³ См.: Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. С. 14.

новой Закон страны предусматривает для государства долг обеспечить соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан при осуществлении правосудия.

Однако системный анализ эмпирики, в частности социологических данных, судебной практики, экспертного опроса судей, приводит к заключению о том, что состояние судебной защиты прав и свобод граждан, ее действенность и сегодня не удовлетворяет потребностям граждан и организаций¹. Последнее объясняется некоторыми объективными причинами: не имеется достаточного количества квалифицированных кадров, материально-техническое обеспечение органов судебной власти не в полной мере отвечает современным требованиям. Не секрет, что арбитражные судьи работают при превышении допустимых нагрузок на одного судью. Судейские кадры и технические работники далеко не всегда отвечают предъявляемым запросам. При таком состоянии дел весьма нелегко надеяться на следование многим правовым нормам и принципам, направленным на организацию нужных оснований надлежащего и полного отправления правосудия.

Действующая в стране система судов, судебные процедуры далеко не всегда позволяют человеку в полной мере использовать предоставляемое ему Конституцией РФ право на обращение в суд для отстаивания своих прав и частных интересов. Многие граждане не знакомы с этими правами и не осведомлены о порядке их использования. Вместе с тем некоторые теоретики и практики утверждают, что концепция модели правосудия, которая опирается на теорию обособленности носителей судебной власти от взаимодействия с органами иных ветвей государственной власти, представляет собой правильное понимание сущности доктрины судебной власти. По нашему мнению, предлагаемая концепция не способствует формированию в судебском корпусе убежденности в том, что приоритетной во всей судебной деятельности является реализация именно правозащитной функции.

¹ См., например: Сатаров Г.А., Римский В.Л., Благовещенский Ю.Н. Социологическое исследование российской судебной власти. М., 2010.

Правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в Российской Федерации осуществляется арбитражными судами, путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их компетенции Арбитражным процессуальным кодексом РФ и другими федеральными законами, по правилам, установленным законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах. Надлежит поддержать Н.В. Федоренко и Е.Н. Честных и мнение других правоведов, полагающих, современная правовая база, которая обеспечивает ход судебных реформ, позволяет сделать вывод о том, что сегодня имеются достаточно серьезные результаты по базовым векторам развития, сигнализирующим о том, соответствует ли государство требованиям о верховенстве права¹. Одно из важнейших прав, которым обладает каждый, есть право на защиту. Осуществление этого права коммерческими организациями и гражданами-предпринимателями предполагает использование различных средств и способов правовой защиты, предоставленных им действующим законодательством.

Имеется важная проблема обеспечения единства толкования и применения материально-правовых и процессуально-правовых правоположений, т.е. единообразия общей судебной практики², которую предполагается решить за счет деятельности вновь созданного Верховного Суда РФ.

Как известно, общее положение арбитражных судов детерминировано особенностью предмета их деятельности, а также характером и охватами анализируемых ими дел, т.е. пределами их компетенции³.

Понятие «компетенция» определяется полномочиями, которыми наделены или в целом обладают государственные органы и их должностные лица,

¹ См.: Федоренко Н.В., Честных Е.Н. Корпоративная реформа: процессуальный аспект // ЭЖ-Юрист. 2006. № 27. С. 21.

² См.: Клейн Н.И. О развитии арбитражного процессуального законодательства // Журнал российского права. 2010. № 4. С. 73.

³ См.: Федоренко Н.В. Правовые основы деятельности арбитражных судов Российской Федерации. 2005. № 1-2. С. 36.

причем эти полномочия вытекают непосредственно из федеральных законов и иных нормативных документов, например, уставов и т.д.¹.

Правовую основу компетенции деятельности арбитражных судов в Российской Федерации составляет следующий комплекс нормативно-правовых актов. В связи с чем Н.И. Клейн, верно отмечает: «принято считать, что предметом разбирательства арбитражных судов являются экономические споры, возникающие между юридическими лицами. Однако использованный в Конституции РФ термин «экономические споры» не определяет характера правоотношений, из которых возникает спор, и правовую природу спора. Если под экономическими понимать споры, возникающие в предпринимательской деятельности, то многие дела, разрешаемые арбитражным судом, не подпадают под это понятие»².

Такое мнение допустимо доказать, если исходить из свода компетенций и полномочий арбитражных судов, которыми они обладают на основании действующего законодательства.

В частности, к компетенциям и полномочиям арбитражных судов имеет отношение: рассмотрение и разрешение дел по экономическим спорам и другим делам, связанным с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

К специальной подведомственности дел арбитражных судов относятся дела, перечисленные в гл. 4 АПК РФ.

В связи со сказанным Ф.Р. Конова полагает, что по причине очевидности экономического характера отношений, порожденных финансовыми рынками, следует отнести к специальной подведомственности арбитражных судов, независимо от субъектного состава участников правоотношений, из которых возникли спор или требование, также дела по спорам из правоотношений, возникающих в области финансового рынка и инвестиционной деятельности; спорам,

¹ См.: Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 451.

² Клейн Н.И. О развитии арбитражного процессуального законодательства // Журнал российского права. 2010. № 4. С. 74.

вытекающим из деятельности кредитных потребительских кооперативов и возникающих в области вложений капитального характера¹.

Итак, представляется, что арбитражные суды являются компонентом системы поддержки малого предпринимательства в том смысле, что они выступают той площадкой, на которой субъекты малого предпринимательства могут обосновать нарушение своих прав и добиться их защиты.

Например, актуальной в последнее время становится защита преимущественного права арендатора, как малого предпринимателя, на получение в собственность занимаемого им по договору аренды объекта недвижимости. Такое право предоставлено Федеральным законом от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»².

Уполномоченные государственные, а также муниципальные учреждения формируют многообразные преграды на пути передачи движимых и недвижимых объектов в частную собственность, что приводит к увеличению количества дел о защите прав арендаторов, имеющих право законного выкупа³.

А.В. Винницкий отмечает перегруженность арбитражных судов делами об оспаривании отказов государственных и муниципальных органов в выкупе объектов недвижимости, арендуемых малым предпринимательством. Такие решения зачастую безосновательны и продиктованы стремлением сохранить

¹ См.: Конова Ф.Р. Правовые последствия несоблюдения правил подведомственности // Администратор суда. 2009. № 4. С. 18-21.

² Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 1). Ст. 3615.

³ См.: Валявина Е.Ю. Актуальные вопросы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в современных условиях (в практике арбитражных судов) // Журнал российского права. 2011. № 1. С. 5-13.

имущественную базу соответствующего публичного образования, несмотря на политику, проводимую руководством страны¹.

В соответствии с Федеральным законом № 159-ФЗ и с учетом Федерального закона от 05 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»² субъекты малого предпринимательства, будучи арендаторами недвижимого имущества, имеют преимущественное право на его приобретение, однако вследствие намеренных действий органов местного самоуправления по фиксации муниципального имущества за муниципальными учреждениями и предприятиями они фактически лишаются подобного права.

Суд может признать наличие у арендатора права на приобретение в случае, если после опубликования Федерального закона № 159-ФЗ субъектом Российской Федерации или органом местного самоуправления были совершены действия, имеющие своей целью исключительно воспрепятствование реализации субъектами малого или среднего предпринимательства права на приобретение. Например, имущество, являющееся объектом договора аренды, было внесено в уставный капитал хозяйственного общества или передано унитарному предприятию на праве хозяйственного ведения, включено в утвержденный в соответствии с ч. 4 ст. 18 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» перечень государственного или муниципального имущества, предназначенного для передачи во владение и (или) пользование субъектам малого и среднего предпринимательства.

Такая судебная практика находит свое подтверждение в определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 июля 2010 г. № ВАС-5153/10 по делу №

¹ См.: Винницкий А.В. Публично-правовые основы государственной и муниципальной имущественной поддержки // Административное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 13-20.

² Федеральный закон от 05 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

А70-6551/2009¹. Высший Арбитражный Суд РФ в свое время указал, что, в случае если закрепление спорного помещения в числе иного недвижимого имущества на праве оперативного управления за учреждением произведено после вступления в силу Закона № 159-ФЗ, действия уполномоченных органов не соответствуют положениям п. 1 ст. 10 ГК РФ, а Постановление суда кассационной инстанции принято без учета разъяснений, содержащихся в информационном письме Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 ноября 2009 г. № 134².

Таким образом, указывает А.Я. Бимбад, отсутствие простоты в реализации отдельных норм и положений Закона № 159-ФЗ, в чью задачу входит поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, позволяет местным властям создавать препятствия для преимущественного права предпринимателей в отношении приобретения недвижимости, однако по причине возникшей судебной практики касательно спорных вопросов соблюдения и применения Закона № 159-ФЗ порядок осуществления права преимущественного выкупа недвижимого имущества постепенно становится более или менее ясным³.

Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 ноября 2009 г. было принято информационное письмо «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации"».

Президиум, в частности, указал, что:

– действие Закона не распространяется на отношения по выкупу земельных участков, что не исключает приобретения субъектами малого или среднего предпринимательства земельных участков, находящихся в государственной или

¹ См.: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 июля 2010 г. № ВАС-5153/10 по делу № А70-6551/2009 // СПС «Консультант Плюс».

² См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 5 ноября 2009 г. № 134 «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 12. С. 12-16.

³ См.: Бимбад А.Я. Защита прав приоритетного приобретения имущества субъектами малого и среднего предпринимательства // Юрист. 2011. № 8. С. 3-7.

муниципальной собственности, в порядке, установленном земельным законодательством и законодательством о приватизации;

– перечень условий, при наличии которых арендатор обладает правом на приобретение, определен в Законе исчерпывающим образом (в частности, не имеет значения наличие или отсутствие в договоре аренды условия о выкупе арендуемого имущества), и субъекты Федерации и муниципальные образования не вправе своими нормативными правовыми актами устанавливать какие-либо ограничения либо дополнительные условия реализации права на приобретение недвижимости;

– в соответствии с Законом до 1 января 2009 г. реализация права на приобретение была возможна только в случае включения недвижимого имущества в нормативные правовые акты о планировании приватизации государственного или муниципального имущества¹.

Можно констатировать то, что принятие данного информационного письма в целом благоприятно отразилось на практике рассмотрения споров арбитражными судами.

Сегодня допустимо привести некоторые случаи обращения субъектов малого предпринимательства в арбитражные суды с заявлениями о признании незаконными действий органов местного самоуправления, связанных с отказом в осуществлении своего преимущественного права и об обязанности устранить допущенные указанным органом нарушения.

Для примера приведем Постановления ФАС Восточно-Сибирского округа от 25 декабря 2009 г. по делу № А19-8877/09², Северо-Западного округа по делу № А13-8523/2009³, по делу № А56-9464/2009⁴. В первом случае суд кассацион-

¹ См.: Оболонкова Е.В. Вопросы применения арбитражными судами федерального законодательства о поддержке малого и среднего бизнеса // Законодательство и экономика. 2010. № 8. С. 71-73.

² См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 25.12.2009 по делу № А19-8877/09 // СПС «Консультант Плюс».

³ См.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.12.2009 по делу № А13-8523/2009 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ См.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 15.01.2010 по делу № А56-9464/2009 // СПС «Консультант Плюс».

ной инстанции, при направлении гражданского дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указал на необходимость установления реализации права на приобретение имущества и последующее заключение договора купли-продажи в отношении части нежилого помещения, арендуемого предпринимателем, возможна ли реализация этого права совместно с другими субъектами малого предпринимательства и в каком порядке.

В прочих коллизиях (ФАС Северо-Западного округа) суд кассационной инстанции отказал в удовлетворении заявленных требований, поскольку объектом купли-продажи « ...может быть только имущество, в отношении которого осуществлен государственный кадастровый учет и права, на которое подлежат государственной регистрации в установленном законом порядке... При получении заявления субъекта малого или среднего предпринимательства уполномоченный орган обязан совершить действия, предусмотренные ч. 3 ст. 9 Федерального закона № 159-ФЗ, в том числе обеспечить заключение договора на проведение оценки рыночной стоимости арендуемого имущества; принять решение об условиях приватизации арендуемого имущества; направить заявителю договор купли-продажи арендованного имущества. Названной нормой не установлена обязанность уполномоченного органа в случае, если арендуемое субъектом малого или среднего предпринимательства помещение превышает по площади установленное предельное значение, после получения арендатора заявления предпринять действия по разделению этого помещения на обособленные помещения».

Думается, что в контексте возникающих в судебно-арбитражной практике вопросов, а также имея в виду необходимость создания широкого потенциала для осуществления арендатором указанного преимущественного права, является целесообразным издание официальных разъяснений и по данной проблематике.

Перечисленные примеры судебной практики являются подтверждением тому, что сформированные органами правосудия принципы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности способствуют оперативному реакци-

рованию на изменение экономических и правовых отношений. Кроме того, эти принципы и критерии вполне обеспечивают результативную и действенную охрану прав участников гражданского оборота, в том числе и малого бизнеса. Отечественный закон по объективным причинам может не успевать в своем развитии за быстрым изменением экономических связей, но при этом не имеется особых преград для того, чтобы правотворцы широко использовали предложенные судебной практикой средства и методы разрешения юридических коллизий.

Итак, под государственной поддержкой субъектов малого предпринимательства в сфере арбитражного процессуального законодательства нами предлагается понимать систему прямых и латентных процессуальных льгот, позволяющих обеспечить равный доступ к арбитражному правосудию вне зависимости от экономического состояния субъекта. Указанные формы государственной поддержки по своей правовой природе относятся к гарантиям процессуальных прав, а не к формам государственного контроля за осуществлением предпринимательской деятельности, как другие формы государственной поддержки предпринимательской деятельности.

Глава 2.

Процессуальные особенности защиты прав и частных интересов субъектов малого предпринимательства

§ 2.1. Система экономико-правовых средств и льгот, действующая в отношении субъектов малого предпринимательства

Подлинной основой жизни стран с рыночной экономикой является малое предпринимательство как наиболее массовая, динамичная и гибкая форма предпринимательской активности. Именно в секторе малого предпринимательства создается и функционирует основная масса национальных ресурсов.

В экономически развитых странах число малых и средних предприятий превышает 80% общего числа предприятий. В данном секторе сосредоточены две трети экономически активного населения, производится более половины валового внутреннего продукта. В этих странах проводится активная и последовательная политика поддержки и развития малого и среднего предпринимательства¹.

Россия зримо отстает от стран, в которых существует развитая рыночная экономика, в частности по такому параметру как численность малых предприятий. В общем общественном производстве доля малого бизнеса в России составляет лишь 10 %, что ничтожно мало. Для сравнения в экономически развитых странах аналогичная доля составляет от 50 до 70 % от совокупного внутреннего продукта страны. Причем даже этот более чем скромный российский показатель служит ярким примером высокой эффективности малого предпринимательства, ведь предприятия этого сектора используют немногим более 3% основных фондов промышленности².

Малое предпринимательство – это совокупность независимых мелких и средних предприятий, выступающих как экономические субъекты рынка. На

¹ См.: Грудцына Л.Ю., Спектор А.А., Туманов Э.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (постатейный). М., 2009. С. 64.

² См.: Грудцына Л.Ю., Спектор А.А., Туманов Э.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (постатейный). М., 2009. С. 65.

современном этапе развития нашей страны малое предпринимательство призвано не только стать элементом структурной перестройки экономики с учетом особенностей развития регионов, но и повысить доходы местных бюджетов. Главным финансовым инструментом, регулирующим взаимоотношения малого бизнеса с государством, остается налогообложение. В условиях рынка налогообложение решает двуединую задачу – обеспечить государство финансовыми ресурсами, необходимыми для решения важнейших экономических и социальных задач, и одновременно способствовать наращиванию производства товаров и услуг, росту занятости населения, в том числе на основе развития малого предпринимательства.

Малое предпринимательство – сектор экономики, включающий в себя индивидуальное и малое предпринимательство, условное название совокупности малых и средних предприятий, ограниченных определенными правовыми нормами. В основе определения «малое предпринимательство» лежит количественный критерий, характеризующий размеры хозяйственной деятельности, данной категории субъектов экономических отношений. Фактически данное определение подразумевает осуществление предпринимательской деятельности в малых масштабах. Из этого следует, что субъекты малого предпринимательства – это хозяйствующие субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность в рамках определенных критериев, характеризующих малый размер хозяйственной деятельности¹.

В настоящее время в Российской Федерации для отнесения предприятий к малым используются следующие критерии: средняя численность; доля участия в уставном капитале малых предприятий других организаций; размер выручки.

Основным законодательным актом, регламентирующим отнесение организации к субъектам малого предпринимательства, является Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринима-

¹ См.: Беляева, О.А. Предпринимательское право: учебное пособие. 2-е изд., исп. и доп. / Под ред. В.Б. Ляндреса. М., 2011. С. 58-62.

тельства в Российской Федерации»¹. В соответствии с этим Законом в качестве субъектов малого бизнеса в Российской Федерации могут выступать юридические и физические лица. Юридическое лицо может выступать в качестве малого предприятия при одновременном соблюдении следующих условий:

- внесение в Единый государственный реестр юридических лиц;
- соответствие организационно-правовой формы установленным на законодательном уровне критериям. Малыми предприятиями могут стать только коммерческие организации (кроме государственных и муниципальных унитарных предприятий), потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства;

- выполнение требований к структуре уставного (складочного) капитала. Структуру уставного капитала малого предприятия можно представить следующим образом:

- не более 25% - доля участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, иностранных юридических лиц, иностранных граждан, общественных и религиозных организаций, благотворительных и иных фондов;

- не более 25% - доля участия, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства;

- не менее 50% - доля российских граждан и субъектов малого и среднего предпринимательства;

- соответствие средней численности работников установленным на законодательном уровне значениям. В соответствии с Законом № 209-ФЗ средняя численность работников малого предприятия за предшествующий календарный год не должна превышать 100 человек.

Среди малых предприятий по данному критерию выделяют микропредприятия со средней численностью до 15 чел. включительно;

¹ См.: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 27 июля.

– выполнение требований к размеру выручки от реализации товаров (работ, услуг) или балансовой стоимости активов:

– микропредприятия - 60 млн. руб.;

– малые предприятия - 400 млн. руб.

Под льготами процессуального характера следует и допустимо подразумевать положения, санкционирующие более благоприятный юридический режим в арбитражном судопроизводстве по сравнению с общим процессуальным регламентом. В частности, это может относиться к уплате судебных расходов, получению юридической помощи и т.д.

Статья 333.37. НК РФ¹ определяющая льготы при обращении в арбитражные суды нет особых положений для малых предпринимателей.

Таким образом, эффективной системы процессуальных льгот на сегодняшний день сформировано не было. Полагаем, указанное нарушает один из основополагающих принципов – принцип справедливости права. Роль справедливости как основы гражданского и арбитражного правосудия является основополагающей, несмотря на рост числа правовых актов, и утверждение приоритета естественных прав человека и демократических принципов, справедливость по сей день не является действующим основополагающим началом судопроизводства. Как мы уяснили ранее, для большинства ученых-юристов понятие права и справедливости являются неразрывно объединенными, но такая корреляция вовсе не очевидна.

Имеются примеры, подтверждающие то, что иногда решение суда по своей сути является законным и обоснованным, но при этом несправедливым. Почему в ряде случаев право, которое призвано регламентировать человеческую жизнь, фиксировать наиболее эффективным способом правила человеческого поведения и бытия с целью справедливого разрешения возникающих споров, на самом деле становится средством, применение которого не всегда влечет за собой принятие справедливых и объективных решений? Анализируя справедли-

¹ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (далее – НК РФ) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

вость как основы защиты права, необходимо, прежде всего, обратиться к самой идее прав человека.

Социально-гуманитарные науки и философия интерпретируют идею прав человека широко, т.е. не только как формально закрепленные возможности, но и как реально существующий интерес. Последний может быть выражен в требовании индивида или социальной группы признания за другими индивидами, группами лиц или обществом в целом неких базовых принципов: справедливости, уважения прав и интересов. При нарушении таковых у лиц или групп лиц всегда возникает право восстановления базовых принципов в соответствии с действующими в обществе моральными и правовыми механизмами восстановления справедливости. Фактически, механизм реализации прав человека и социальных общностей представляет собой удовлетворенную потребность в справедливости.

Обобщая, можно отметить, что права человека как таковые генетически связаны с доктриной естественного права, соответственно они представляют собой данные от природы, неотчуждаемые свободы, ценности, качества, потребности. Формализация указанных прав происходит путем их закрепления в действующем праве. Заметим, что наличие или отсутствие формального закрепления того или иного права в гражданском обществе не должно снижать его идеологической или социальной ценности. Представляется, справедливость процессуальных механизмов гражданского и арбитражного судопроизводства должна достигаться независимо от наличия в процессуальном праве легально закрепленного принципа справедливости.

Одним из средств реализации гражданских субъективных прав можно признать допустимость использования уполномоченным лицом разнообразных мер охраны и защиты оспоренных либо нарушенных прав и законных интересов. Надобность свободной реализации гражданских прав и законных интересов, гарантирования восстановления нарушенных прав и их защиты в судебном порядке зафиксирована п. 1 ст. 1 ГК РФ и представляет собой одно из основных

условий осуществления предпринимателями собственной деятельности, направленной на извлечение прибыли¹.

В философском смысле право не существует изолированно от идеи равенства всех людей, естественности и неотчуждаемости их прав и справедливости. В гражданском обществе права, возможности, льготы и свободы имеют или должны иметь строгие юридические и доктринальные дефиниции, служащие основой функционирования механизмов юридической защиты указанных прав². Представляется, что перечень прав, свобод, законных интересов и способов юридической защиты невозможно исчерпать. Однако целесообразность применения того или иного способа защиты права в каждом конкретном случае должна определяться в соответствии с принципом справедливости.

Итак, необходимо утверждать, что природа прав человека не легальная, а экзистенциальная, нравственная, экономическая или социальная, но они должны иметь свое юридическое выражение и интерпретацию именно в целях адекватного применения механизмов защиты права. Существуют основные базовые фундаментальные права человека и гражданина, которые имеют транснациональный, транскультурный и даже трансисторический характер, хотя они зарождаются и развиваются в социуме в конкретный исторический период. Но, единожды сформировавшись, такие права приобретают абсолютный и неотъемлемый характер, независимо от того, признаются они обществом в конкретный период его истории или нет³.

Права человека представляют собой средство отражения и практического решения вопроса бесконфликтных отношений индивида и социальной общности, в которой индивид существует и официальным представителем которой выступает социальная власть. Права человека как социальная ценность абсолютизируют, по мнению представителей политической науки, в этих взаимоотно-

¹ См., например, Свечникова И.В. Выбор надлежащего способа при защите права собственности // Право и экономика. 2007. № 10. С. 10-12.

² См.: Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2000. С. 37.

³ См.: Евстифеева Т.И. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов, 2002. С. 116.

шениях свободу и достоинство личности, ее высший ценностный статус¹. Обобщая, заметим, что справедливость в социальных и политических науках разрабатывается как синоним меры, беспристрастности и эквивалентности последствия и действия. Таким образом, права человека развиваются в обществе, подчиняясь идее справедливости.

Ю.А. Занкина правильно пишет, что «принятая в 1948 г. Декларация прав человека изменила существовавшие ранее отношения между отдельным лицом и государством. Человек перестал быть всего лишь послушным подданным своевольного правителя, он стал личностью, существующей в свободном пространстве - пространстве частной жизни, свободном от вмешательства государства, - сфере личной свободы, защищенной правом на неприкосновенность частной жизни, свободу слова, совести и вероисповедания, правом на справедливое судебное разбирательство, а также правом на эффективные средства защиты этих прав и свобод. Права человека – это сложный общественный феномен, неоднозначно толковавшийся и определявшийся на протяжении всего периода своего существования. Это отражается в многообразии подходов к определению того, что же представляют собой права человека»².

Действительно, развитие в сфере прав человека - почти повсеместно конфликтный и напряженный процесс как в отношении лица, так и в отношении социума. История знает достаточно примеров признания прав человека в результате революций и кровопролитных гражданских войн. Драматизм обстоятельств нарастает всякий раз тогда, когда права человека или группы лиц оказываются или воспринимаются как требования и права меньшинства, которые должны быть признаны и соблюдаемы большинством.

Права человека неотделимы от общественных отношений и фактически определяют содержание регулятивных норм материального права. Связь естественных прав человека и процессуального права представляется нам более

¹ См. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Понятие и история прав человека // http://society.polbu.ru/pugachev_politology/ch13_i.html (дата обращения: 08.05.2014 г.).

² См.: Занкина Ю.А. Понятие и сущность прав человека // Адвокатская практика. 2005. № 1. С. 15.

сложной и опосредованной. По нашему мнению, доктрина прав человека отражается в процессуальных отраслях права прежде всего через систему судопроизводственных и судоустройственных принципов, которые носят, как правило, формализованный характер.

Ю.А. Занкина полагает, что права человека имеют дуалистическую нормативную и процессуальную природу, так как они зарождаются и существуют в рамках непрекращающегося социального процесса развития. Кроме того, права человека в доктрине естественных прав наделены свойствами функциональности и конкретности, естественным образом развиваясь из потребностей, воззрений, практики и идеалов индивидов определенной социальной группы или социума в целом. Права человека как система генетически связаны с развитием идей справедливости и права в рамках цивилизационного процесса. Права не только усматриваются как некие естественные потребности, но и творятся, возникают в ходе нравственного, культурного, социально-политического и экономического развития, дифференцированно раскрываясь в зависимости от конкретного исторического периода. Мы поддерживаем данную точку зрения.

Т.И. Евстифеева отмечает, что права человека непосредственно связаны с внутренними, субстанциально-психологическими качествами человека как личности: свободой, жизнестойкостью, цельностью и абсолютностью. Но это не значит, что в социальной области, то есть в пространстве взаимной интеграции личности и общества, они имеют абсолютный характер¹. Указанный автор отмечает релятивистский характер прав человека в зависимости от определенной социально-политической ситуации. Так, он далеко не во всех случаях может быть осуществлен по практическим соображениям или в силу альтернативности ситуации. В ситуации конфликта ценностей человек должен отказываться от одного за счет другого. К примеру, реализуя диспозитивное право на обращение в арбитражный суд за защитой права, истец отказывается от некоторых видов альтернативных способов разрешения юридического конфликта.

¹ См.: Евстифеева Т.И. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов, 2002. С. 116.

Фундаментальные, базовые права человека имеют биогенетическую и социогенетическую основу и потому являются всеобщими, глобальными, транснациональными. Развитие доктрины прав человека и их защиты в том или ином обществе является одним из наиболее важных показателей его уровня развития. Большинство современных этических и правовых теорий строятся на доктрине прав человека.

Средствами гражданского и арбитражного процессуального права защищаются, прежде всего, экономические, политические, а также социальные и культурные права человека.

Защиту правам и законным интересам придает закреплённая в праве форма. Вследствие этого указанные частные права и законные интересы не противопоставляются государственным интересам, поскольку именно государство берет на себя задачу по законодательному обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Своеобразной значимостью обладает фиксация прав и свобод человека как высшей ценности Основного Закона страны. Конституция РФ констатирует неотъемлемость и принадлежность от рождения основных прав и свобод (ч. 2 ст. 17)¹. Дефиниция такой естественности и неотъемлемости прав и свобод не есть сугубо государственное достижение, она давно зафиксирована на международном правовом уровне².

Определенные юридические документы служат индикаторами исторического процесса в области прав человека: Великая Хартия Вольностей (1215 г.), Американская Декларация Независимости (1776 г.), Французская декларация прав человека (1789 г.), принятая ООН Всеобщая Декларация Прав Человека (1948 г.). Для современной России таким знаковым документом является Конституция Российской Федерации, принятая на референдуме 1993 г.

Необходимо рассмотреть основные способы отражения доктрины прав человека в современном отечественном цивилистическом процессе. Прежде всего, специфический характер указанных способов обусловлен природой про-

¹ См.: Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 25 дек. 1993 г.

² См.: Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 9.

цессуальных правоотношений. Гражданские и арбитражные процессуальные правоотношения по своей сути представляют собой не что иное как форму реализации прав человека и возложения на него юридических обязанностей. Отправной точкой развития гражданских и арбитражных процессуальных правоотношений является реализация субъективных прав и исполнение юридических обязанностей. Возникновение гражданских процессуальных правоотношений, в отличие от, например, уголовно-процессуальных, в современных условиях происходит исключительно по инициативе заинтересованных лиц. Указанная инициатива формально выражается в процессе совершения ими юридически значимых действий по осуществлению своих прав. Подобная форма реализации права осуществляется в процессе использования процессуальных норм, когда заинтересованные лица «активно осуществляют свои права, совершают действия, дозволенные нормой права, имея специальное намерение породить соответствующие правовые последствия»¹.

Заметим, что процессуальная доктрина связывает возникновение указанных правоотношений с юридическим составом, обязательным элементом которого является действие суда². Но в реальности условиями реализации процессуальных правоотношений являются лишь юридические нормы и правоспособность, которые ориентируют на поиск тех или иных связей, возникающих в общественной жизни и среде. Однако сами по себе общественные связи не создают процессуальные правоотношения, они до и вне судопроизводства не объединяют его участников, которые не находятся во взаимодействии по поводу осуществления целевых установок.

¹ См.: Зусь Л.Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования. Владивосток, 1972. С. 96.

² См.: Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 52; Ринг М. П. К вопросу о гражданских процессуальных правоотношениях // Учен. зап. ВШОН, 1963. Вып. 16, С. 59; Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966. С. 57; Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М., 1969. С. 97-98; Он же. Гражданские процессуальные правоотношения // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 54; Юков М.К. Структурно-сложное содержание гражданских процессуальных правоотношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 17; Гражданский процесс. Под ред. К. С. Юдельсона. М., 1972. С. 58; Советский и гражданский процесс / Под ред. А.А. Добровольского. М., 1979. С. 36.

Субъекты, желающие защитить принадлежащие им права, свободы и законные интересы могут действовать самыми различными способами, во всяком случае окончательный выбор того или иного способа принадлежит лицу, чье право нарушено или может быть нарушено в перспективе. Таким образом, если истец выбрал не надлежащий способ защиты, что привело к отказу в удовлетворении исковых требований, то это никак не может сказываться на законности и обоснованности постановленного арбитражным судом решения, т.к. он не несет ответственность за выбор правильного (неправильного) способа защиты. Такой вывод подтверждается и судебной практикой, которую важно привести в свете создания объединенного Верховного Суда РФ.

Так, отменяя судебные решения и направляя дело на новое рассмотрение, президиум областного суда указал на то, что суд первой инстанции, удовлетворяя исковые требования К. и Ц. не чинить препятствий в пользовании садовым участком и обязывая ответчика перенести построенное строение, не определил адекватность таких действий последствием нарушения ответчиком норм застройки, тогда как имелись иные способы защиты гражданского права в виде возмещения убытков.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановление президиума и оставила без изменения решение суда и кассационное определение, указав следующее.

В постановлении нет ссылки на какие-либо существенные нарушения судом норм процессуального и материального права, повлекшие вынесение незаконного решения. Кроме того, президиум областного суда не учел, что выбор одного из способов защиты гражданских прав, предусмотренных ст. 12 ГК РФ, принадлежит не суду, а истцу, который и определил в исковом заявлении избранный им способ защиты своего права¹.

В свете сказанного становится понятным, что действенность правосудия в целом и в частности арбитражного правосудия являет собой особо сложную

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 1998 г. (по гражданским делам) (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 2 декабря 1998 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 22.

юридическую категорию, которая обусловлена в свою очередь рядом важных обстоятельств и факторов. Коль скоро действенность правосудия представляет собой индикатор соответствующих качественных характеристик. При установлении действенности правосудия подобает отталкиваться из сути правосудия, которая есть (в самых общих чертах) не что иное, как акты суда (судьи) обращенные на достижение предусмотренных законом целей.

Функционирующим цивилистическим процессуальным регулированием прямо установлено, что целями правосудия по гражданским делам являются защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц, а также прав и охраняемых законом интересов Российской Федерации, ее субъектов, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, прав, свобод и охраняемых законом интересов других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых, административно-правовых или иных правоотношений. Кроме указанной цели правосудия по гражданским делам процессуальный закон по своему смыслу предусматривает также то, что судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к праву и суду¹.

В этом смысле арбитражное процессуальное законодательство несколько отличается по целям и задачам от гражданского процессуального кодекса. В частности, оно говорит не только о необходимости защиты прав, свобод и законных интересов лиц, которые занимаются предпринимательской и иной экономической деятельностью, не только о необходимости формирования уважительного отношения к закону и суду, но также об обеспечении доступности правосудия по гражданским делам в арбитражных судах, которые должны быть независимыми и беспристрастными. Отсюда вытекают различия процессуальной формы, которая установлена ГПК РФ и АПК РФ, и особенности арбитражной процессуальной формы, которая по некоторым аспектам является более

¹ См.: Гражданское процессуальное право / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. С. 56.

прогрессивной, если ее сравнивать с гражданской процессуальной формой, до сих пор испытывающей на себе влияние советского методологического юридического подхода.

По нашему мнению, арбитражная процессуальная форма классифицируется по различным основаниям, в частности за основу возможно взять такой критерий как предмет спорных правоотношений. В этом случае форма может быть основной и частной (т.е. обслуживающей побочное производство).

Основное производство возникает в арбитражном суде при разрешении спора при условии, что рассматриваются только первоначально заявленные требования без других, заявленных позже и носящих дополнительный характер.

Так, дополнительный характер заявленных требований может возникнуть в соответствии со ст. 51 АПК РФ. В ней определено, что третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела в первой инстанции арбитражного суда, если этот судебный акт может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон. Они могут быть привлечены к участию в деле также по ходатайству стороны или по инициативе суда. Как только указанные лица вступили в дело после начала судебного разбирательства, рассмотрение дела в первой инстанции арбитражного суда производится с самого начала. Следовательно, имеет место диверсификация арбитражной процессуальной формы – как общей, так и частной.

Частное или побочное судебное производство означает, что совместно с базовым требованием рассматривается дополнительное требование, которое имеет отношение к базовому. Например, истец и ответчик вправе ходатайствовать о привлечении в процесс третьих лиц, об отводе членов состава суда или же секретаря судебного заседания.

§ 2.2. Специфика реализации субъектами малого предпринимательства права на обращение в арбитражный суд с целью защиты своих прав, свобод и законных интересов

Как и любая другая власть, судебная власть в арбитражном процессе имеет сугубо публично-правовой механизм возникновения и реализации. Суд одновременно представляет собой и компетентный орган государства, и своеобразный институт доверия гражданского общества к публично-правовым механизмам разрешения конфликтов. Формулировка понятия судебной власти, и привязка его к такому всеобъемлющему праву в рамках правового статуса частноправовых и публично-правовых субъектов, как право на обращение в суд за судебной защитой невозможно в изоляции от такого понятия правового поля, как власть. Этимологически термин власть связан управлением в самом широком смысле этого слова. Толковый словарь В. Даля определял ее как «право, силу воли над чем-либо»¹. Более современная трактовка С. Ожегова предполагает распоряжение субъектом, наделенным самостоятельной волей, «право и возможность распоряжаться кем-либо или чем-либо, подчинять своей воле»². Таким образом, и историческая, и современная трактовка подчеркивают, на наш взгляд, исключительно важную черту власти, которая отличает ее от произвола – правовой, легитимный характер.

Любая власть, в отличие от узурпаторства, основана на законе или морали, на сложившихся в обществе правилах поведения. Политический энциклопедический словарь определяет власть следующим образом: «Власть — центральное, организационное и регулятивно–контрольное начало политики; одна из важнейших и наиболее древних проблем политического знания, литературного и изобразительного творчества; проблема культуры общества и конкретной жизни человека»³. В этом понятии, на наш взгляд, содержится важная культурологическая подоплека этого явления – определение власти как социокультурной ценности. Судебная власть как базовый публично-правовой инсти-

¹ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1996. Т. 3. С. 104.

² См.: Ожегов С. Словарь русского языка. М., 1989. Т. 1. С. 184.

³ См.: Энциклопедический политический словарь. М., 2012. С. 45.

тут получила многообразное нормативное закрепление не только в Конституции РФ, но и в ряде федеральных конституционных и федеральных законов. К их числу относятся, прежде всего, ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹, «О Конституционном Суде Российской Федерации»², «О Верховном Суде РФ»³, «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»⁴, «Об арбитражных судах в Российской Федерации»⁵, «О военных судах Российской Федерации»⁶ и «О статусе судей в Российской Федерации»⁷. В соответствии с Конституцией государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

Учение разделения государственной власти на три ветви нельзя оценивать, как человеческое изобретение, относящееся к эпохе Нового времени, на самом деле ее зачатки можно обнаружить в глубокой древности. Например, П. Баренбойм утверждает, что доктрина разделения властей имеет очень долгую и трудную историю появления и становления, почти такую же как само государство и формируемое в нем право. Вот, что он пишет: «Краеугольным камнем доктрины разделения властей является сильная независимая и равноправная с законодательной и исполнительной властью судебная власть»⁸.

В основе учения разделения власти на три составляющие находится мысль о создании такой организации государственной власти, которая бы воплощала собой идею господства права над произволом, диктатом отдельных

¹ См.: Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

² См.: Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

³ См.: Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации» от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

⁴ См.: Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» от 7 февраля 2011 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

⁵ См.: Федеральный конституционный закон Российской Федерации «Об арбитражных судах в Российской Федерации» от 28 апреля 1995 г. №1-ФКЗ г. // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589;

⁶ Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3170.

⁷ См.: Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Ведомости Съезда и Верховного совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

⁸ См.: Баренбойм П. 3000 лет доктрине разделения властей. Суд Сьютера. М., 1996. С. 9.

личностей, а также идея о предупреждении самой возможности подобного диктатора. Проще говоря, общество связывает государство правом, не дает ему переродиться в Левиафана, о котором писал Томас Гоббс.

Итак, право это объективная реальность и необходимость, исходящая от общества и существующая ради него, ради соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан и их сохранения.

Что же предполагает такая сложная система с точки зрения логистической управляемости. На первых порах так называемую ручную управляемость, когда посредством реальных правовых инструментов каждая ветвь власти наделяется только свойственной ей компетенцией, причем все ветви власти при этом уравниваются за счет тех или иных сдержек и противовесов, что в перспективе купирует узурпацию власти одним человеком или группой людей, распределяющих имущественные и неимущественные блага в свою пользу¹. При этом творцы доктрины разделения власти наделяли суд особого рода компетенцией для обеспечения свободы, справедливости и законности, как универсальных категорий человечества. Отсюда автономность и высокая степень самостоятельности органов правосудия признавалась сама собой, автоматически и не требовала дополнительной аргументации. Такая самостоятельность с одной стороны гарантировала судебную власть от негативного воздействия двух оставшихся ветвей власти, а с другой вручала судам право контроля за действиями исполнительной и законодательной власти через учреждение специальных судов, к которым относятся, например, арбитражные суды, действующие узкоспециализированно и рассчитанные на фокусную группу лиц, занимающихся извлечением прибыли и предпринимательством².

Современные исследователи полагают, что «назначение судебной власти проявляется в выполняемых ею функциях, к которым относят: осуществление защиты прав и свобод личности; обеспечение реализации принципа разделения

¹ См.: Аверин А.В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей: Проблемы теории и практики / Под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2003. С. 45-46.

² См.: Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. СПб., 2001. С. 30.

властей; предотвращение сосредоточения абсолютной власти в компетенции какого-либо одного государственного органа; гарантирование принципа конституционной законности; исключение применения силы при политических конфликтах; обеспечение принятия правовых законов, их реализация; способствование обществу в осуществлении контроля над государственным аппаратом»¹.

На основании сказанного судам вверяются особые контрольные полномочия, которые отличны от ведомственного контроля. Если последний вид контроля является «внутренним», а потому на него достаточно легко воздействовать, в том числе для сокрытия действительных обстоятельств и мотивов происшедшего, то судебный контроль можно описать в качестве внутреннего, обособленного, а, следовательно, более объективного, что выражается в императивной сути принимаемых судами решений.

Все перечисленное выше относится и к арбитражным судам, они не устанавливают каких-либо правил поведения, не навязывают их соблюдение прочими субъектами материальных правоотношений, они не занимаются работой, по организации нормального управленческого процесса в органах исполнительной и законодательной власти, но они способны воздействовать на эти ветви власти, например, через контроль за принимаемыми нормативными и ненормативными правовыми актами. Так, в арбитражном суде могут быть оспорены ненормативные правовые акты, решения и действия (или бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и должностных лиц (гл. 24 АПК РФ).

Судопроизводство в арбитражных судах генетически связано с гражданским судопроизводством. Следовательно, ему должны быть присущи основные (родовые) черты гражданского судопроизводства. В частности, родовой принадлежностью порядка рассмотрения и разрешения дел в арбитражных судах к

¹ См.: Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. С. 43-48; Григорьева Т.А. Арбитражная юрисдикция в современной России. Саратов, 2002. С. 5-11.

гражданскому судопроизводству объясняется сходство его дифференциации с общей дифференциацией судопроизводства.

В арбитражном процессе различаются несколько базовых видов производства: исковое производство; производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений¹; производство по отдельным категориям дел, особое производство². В основе деления судопроизводства в арбитражных судах на виды в АПК РФ (как и в ГПК РФ) положен комбинированный критерий, который с научной точки зрения не выдерживает критики. Однако в отличие от ГПК РФ, который довольно четко делит гражданское судопроизводство на три вида (исковое, административное, особое), в АПК РФ выделяется только два вида судопроизводства – исковое и административное. Другие дела рассматриваются с особенностями и не объединяются в какой-либо вид судопроизводства, в частности, не выделяется особое производство.

Защита гражданских прав представляет собой совокупность мер материального, процессуального и административного характера, осуществляемых компетентным органом либо уполномоченным или обязанным лицом в целях осуществления субъективных прав и законных интересов в случае, когда они оспариваются, нарушены или существует угроза их нарушения».

Защита гражданского права имеет следующие способы реализации: 1) самозащита прав; 2) применение предоставленных законом мер оперативного воздействия; 3) обращение к компетентным государственным или общественным органам с требованием применить к правонарушителю меры государственно-принудительного характера, в том числе задействовать механизм гражданско-правовой ответственности.

В связи с принятием АПК РФ законодатель разрешил целый ряд проблемных вопросов, связанных с защитой прав граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В настоящее время арбитражные

¹ См.: Гражданское право: учебник / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М., 2005. С. 87.

² См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 72-79; Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. С. 104.

суды рассматривают дела с участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных органов, органов областного самоуправления, иных органов, организаций, являющихся юридическими лицами; граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица; должностных лиц, образований, не имеющих статуса юридического лица, а также граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя.

Таким образом, АПК РФ значительно расширил субъектный состав участников арбитражного процесса.

Гражданин может быть субъектом спора, рассматриваемого в арбитражном суде, при наличии у него статуса индивидуального предпринимателя, т.е. при условии, что он зарегистрирован в этом качестве в установленном законом порядке.

В соответствии со ст. 23 ГК РФ граждане вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Глава крестьянского (фермерского) хозяйства, осуществляющий деятельность без образования юридического лица, признается предпринимателем с момента государственной регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства¹.

Гражданин, занимающийся предпринимательской деятельностью, но не зарегистрированный в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя, не приобретает правового статуса предпринимателя, и споры с участием таких лиц, в том числе связанные с осуществлением ими предпринимательской деятельности, в соответствии со ст. 25 ГПК РФ подведомственны суду общей юрисдикции.

Со дня, когда прекращается наличие государственной регистрации физического лица, который являлся индивидуальным предпринимателем (а это может иметь место по причине истечения сроков действия свидетельства о госу-

¹ См.: Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 24. Ст. 2249; СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 32.

дарственной регистрации или же из-за аннулирования такой регистрации компетентными органами), гражданские дела в которых принимал участие соответствующий гражданин становятся подведомственными судам общей юрисдикции. Однако, следует принимать во внимание то обстоятельство, что при принятии дела к производству арбитражным судом с соблюдением правил судебной подведомственности указанные выше процессуальные положения не действуют, поскольку изначально дело подлежало рассмотрению и разрешению именно арбитражным судом по существу.

Граждане, не прошедшие регистрацию, могут быть истцами в делах об обжаловании отказа регистрирующего органа произвести их регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя или уклонения последнего от такой регистрации в установленный законом срок.

Таким образом, при решении вопроса о подведомственности спора арбитражному суду принципиально важно установить наличие у гражданина статуса индивидуального предпринимателя на момент подачи искового заявления в суд и экономический характер спора, связанный с ведением предпринимательской деятельности¹.

В соответствии с п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», как нами уже подчеркивалось, когда прекращается наличие государственной регистрации физического лица, который являлся индивидуальным предпринимателем (а это может иметь место по причине истечения сроков действия свидетельства о государственной регистрации или же из-за аннулирования такой регистрации компетентными органами), гражданские дела в которых принимал участие соответствующий гражданин становятся подведомственными судам общей юрисдикции. Однако следует принимать во внимание то обстоятельство, что при принятии дела к производству арбитражным судом

¹ См.: Сангаджиева Ю.В. Проблемы регулирования участия физических лиц в осуществлении правосудия по экономическим спорам // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 11. С. 13-16.

с соблюдением правил судебной подведомственности указанные выше процессуальные положения не действуют, поскольку изначально дело подлежало рассмотрению и разрешению именно арбитражным судом по существу.

В Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» указывается, что утрата должником статуса индивидуального предпринимателя после подачи в суд заявления о признании его банкротом и до вынесения решения по делу о банкротстве не является основанием для прекращения производства по делу.

Однако, как указал Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 6 Постановления № 51, признание должника несостоятельным в этом случае не может повлечь последствия, указанные в п. 1 ст. 216 Закона о банкротстве (об утрате силы государственной регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, об извещении органа, зарегистрировавшего гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, и др.).

Требования кредиторов к должнику могут возникнуть и до момента его регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. В п. 1 ст. 215 Закона о банкротстве указано, что такое требование должно возникнуть из предпринимательской деятельности должника, что может быть никак не связано с его государственной регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя¹.

Законодатель предусмотрел в ст. 126 АПК РФ перечень документов, прилагаемых к исковому заявлению. Гражданин, имеющий статус индивидуального предпринимателя, в соответствии с п. 4 ч. 1 вышеуказанной статьи обязан приложить к исковому заявлению копии свидетельства о государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, выписки из Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей.

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июня 2011 г. № 55 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» // СПС «КонсультантПлюс».

На практике судья, несмотря на приложенные к иску или отзыву копии свидетельства о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, еще должен решать и вопрос о том, действовали ли они на момент подачи заявления. Фактически судье необходимо каждый раз истребовать у стороны выписки из Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей по состоянию на день подачи заявления.

В литературе высказано мнение, что в связи с этим позиция части судей о возможности оставления искового заявления без движения со ссылкой на п. 4 ч. 1 ст. 126 АПК РФ только по причине непредставления истцом иной информации о государственной регистрации, в частности выписки из ЕГРЮЛ или ЕГРИП, недостаточно обоснованна¹. Позволим себе не согласиться с данной позицией, так как вопрос о наличии у гражданина статуса индивидуального предпринимателя является принципиальным при определении подведомственности.

Оставление искового заявления без движения имеет целью предоставление истцу возможности, не возвращая заявление, исправить различного рода недочеты и упущения формального характера, представить надлежащие документы, не приложенные к исковому заявлению².

Таким образом, истец, желающий, чтобы его исковое заявление было рассмотрено по существу, должен устранить недостатки, указанные в определении об оставлении дела без движения, в указанный в нем срок.

Обратимся и к другим нормам, вызывающим разногласия. Согласно ст. 131 АПК РФ ответчик обязан направить или представить в арбитражный суд и лицам, участвующим в деле, отзыв на исковое заявление с указанием возраже-

¹ См.: Трапезникова Т.А., Алексеев А.Е. Оставление исковых заявлений без движения и их возвращение // Арбитражная практика. 2007. № 3. С. 57-58.

² См.: Приходько И.А. Арбитражный процессуальный кодекс РФ (постатейный) / Под ред. А.А. Власова. М., 2004. С. 313-314.

ний относительно предъявленных к нему требований по каждому доводу, содержащемуся в исковом заявлении¹.

АПК РФ в ч. 5 ст. 131 предоставляет ответчику-гражданину право указать в отзыве по его усмотрению место жительства, дату и место рождения, место работы или дату и место государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Вероятно, законодатель предусмотрел для граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, обязанность указать в отзыве на исковое заявление его место жительства, дату и место рождения, место работы, в то время как индивидуальный предприниматель должен указать дату и место государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. На наш взгляд, вышеуказанная норма в действующей редакции носит диспозитивный характер и прямо не указывает на обязанность ответчика - индивидуального предпринимателя приложить к отзыву, представляемому в арбитражный суд, документы, подтверждающие наличие у него статуса индивидуального предпринимателя².

Представляется правильным внести изменения в ст. 131 АПК РФ, указав в п. 2 ч. 5, что в отзыве ответчика должны содержаться «наименование ответчика, его место нахождения или, если ответчиком является гражданин, его место жительства, дата и место рождения, место работы, а также дата и место государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя». В ч. 7 следует также указать: «... к отзыву на исковое заявление прилагаются документы, которые подтверждают доводы и (или) возражения относительно иска, документы, которые подтверждают направление копий отзыва и прилагаемых к нему документов истцу и другим лицам, участвующим в деле, а также копии свидетельства о государственной регистрации в качестве юридического лица,

¹ См.: Сангаджиева Ю.В. Проблемы регулирования участия физических лиц в осуществлении правосудия по экономическим спорам // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 11. С. 13-16.

² См.: Сангаджиева Ю.В. Проблемы регулирования участия физических лиц в осуществлении правосудия по экономическим спорам // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 11. С. 13-16.

если ответчиком является гражданин, имеющий статус индивидуального предпринимателя, копии свидетельства о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя».

На практике возникает ситуация, когда при рассмотрении дела о привлечении к административной ответственности гражданина, утратившего статус предпринимателя на день подачи заявления в арбитражный суд, за совершение административного правонарушения в период действия государственной регистрации в качестве предпринимателя, встает вопрос о подведомственности данного дела в соответствии с компетенцией арбитражных судов, определенной абз. 3 п. 3 ст. 23.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ¹.

В соответствии с абз. 3 п. 3 ст. 23.1 КоАП РФ судьи арбитражных судов рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 6.14, 7.24, 9.4, 9.5, 9.5.1, 14.1, 14.10-14.14, ч. 1 и 2 ст. 14.16, ч. 1, 3 и 4 ст. 14.17, ст. 14.18, 14.23, 14.27, 14.31-14.33, 15.10, ч. 2 ст. 17.14, ч. 6 ст. 19.5, ч. 1 и 2 ст. 19.19 Кодекса, совершенных юридическими лицами, а также индивидуальными предпринимателями.

Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ при вынесении Постановления от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» не рассматривал вопросы подведомственности дел об административных правонарушениях граждан, утративших статус индивидуальных предпринимателей.

Высший Арбитражный Суд РФ в свое время затронул только проблемы определения подведомственности в ч. 6: «... при поступлении заявления о привлечении к административной ответственности за совершение правонарушения, рассмотрение дела о котором не отнесено ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ к подведомственности арбитражного суда, суд выносит определение о возвращении заявления применительно к п. 1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ.

¹ См.: Кодекс об административных правонарушениях РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) // Сборник законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

В случае установления неподведомственности дела на стадии его рассмотрения суд, руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, выносит определение о прекращении производства в арбитражном суде и возвращении протокола об административном правонарушении и прилагаемых к нему документов административному органу. Вынесение указанного определения не является основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении и влечет лишь прекращение рассмотрения заявления административного органа в арбитражном суде». Поскольку Высший Арбитражный Суд РФ ранее не высказал свою позицию по поводу рассмотрения арбитражными судами дел о привлечении к административной ответственности за совершение правонарушений, перечисленных в абз. 3 ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, индивидуальным предпринимателем, который к моменту подачи заявления о привлечении его к административной ответственности уже утратил статус индивидуального предпринимателя, то вполне возможно прийти к выводу о неподведомственности данного дела.

На наш взгляд, те рекомендации, которые даются арбитражным судам и судам общей юрисдикции по поводу подведомственности тех или иных категорий дел этим судам, должны даваться высшими судами в форме совместных постановлений, поскольку это вопрос о разграничении отнесения споров к рассмотрению арбитражных судов либо судов общей юрисдикции. Если одна ветвь судебной власти отказывается в рассмотрении какой-то категории дел, считая ее неподведомственной, то это вовсе не означает, что другая ветвь судебной власти должна автоматически принять к рассмотрению эту категорию дел. На практике, на наш взгляд, будут возникать проблемы, связанные с этим.

Тем более что по поводу рассмотрения арбитражными судами дел, в которых стороной выступает гражданин, утративший статус индивидуального предпринимателя, Высший Арбитражный Суд РФ высказывался в пользу прекращения подобных дел.

В заключение, можно подвести итоги и сделать следующие выводы. Арбитражное процессуальное право предоставляет всем субъектам равную воз-

возможность обращения за судебной защитой, свободный доступ к правосудию. Само понятие данного юридического феномена было дано в русле теории гражданского процесса.

Право на обращение в суд за судебной защитой – это установленная законом возможность всякого заинтересованного лица обратиться в суд для возбуждения производства судебной деятельности в целях защиты нарушенного или оспоренного права или охраняемого законом интереса.

Таким образом, состав участников правоотношения и отсутствие у лица статуса индивидуального предпринимателя не может рассматриваться в качестве самостоятельного условия, которое бы могло характеризовать реализацию права на обращение в арбитражный суд физическим лицом. Полагаем, что условие, относимое к субъекту, необходимо формулировать как дееспособность для граждан и индивидуальных предпринимателей, а равно арбитражная процессуальная правосубъектность – для юридических лиц.

§ 2.3. Специфика реализации заинтересованными субъектами права на обращение в арбитражный суд с целью защиты своих прав от действий субъектов малого предпринимательства

Процессуальная специфика обращения в арбитражный суд лиц, заинтересованных в защите собственных прав и законных интересов от действий малого предпринимательства весьма многообразна, поэтому рассмотрим ее на примере Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹. Итак, правом на обращение в суд за защитой конкретного потребителя, согласно ст. ст. 17, 42, 44-46 Закона РФ «О защите прав потребителей» и ст.ст. 3, 34, 45, 46, 48 ГПК РФ, обладают: сам потребитель; представитель потребителя; Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека; органы местного самоуправления (их соответствующие структуры); общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы); органы про-

¹ См.: Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

куратуры.

Потребитель – гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Потребителем может быть только физическое лицо, т.е. организация ни при каких условиях не может им стать. Основопологающей является также цель, с которой гражданин вступает или имеет намерение вступить в договорные отношения. Он (гражданин) признается потребителем лишь в том случае, когда заказывает, приобретает, использует товары (работы, услуги) для личного (семейного, домашнего) потребления; если же он делает это для нужд, связанных с ведением предпринимательской деятельности, то возникающие отношения не подпадают под сферу действия законодательства о защите прав потребителей. Это не исключает возможности признания потребителем гражданина, зарегистрированного в качестве предпринимателя, если заказываемые, приобретаемые, используемые им товары (работы, услуги) предназначены для удовлетворения его личных, бытовых и иных не относящихся к предпринимательской деятельности нужд, например, покупки мебели, оборудования, других предметов, используемых им и его членами семьи для отдыха на дачном участке.

Федеральным органом, осуществляющим государственный контроль над соблюдением законов и иных правовых актов Российской Федерации, регулирующих отношения в области защиты прав потребителей, а также дающим официальные разъяснения по вопросам применения указанных актов, является Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и ее территориальные органы (далее – Роспотребнадзор).

Контроль осуществляется над соблюдением указанных актов продавцами, изготовителями товаров, исполнителями работ и услуг независимо от их организационно-правовой формы.

Для реализации результатов контроля Роспотребнадзор наделен широким кругом полномочий.

Кроме Роспотребнадзора и его территориальных органов существует ряд федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих контроль над безопасностью и качеством товаров, работ и услуг: органы по стандартизации, метрологии и сертификации, санитарно-эпидемиологического надзора, по охране окружающей среды и природных ресурсов и др. Их объединяет единая цель: обеспечение безопасности товаров, работ и услуг. Единство цели предопределяет единство полномочий в данной области, во многом совпадающих с полномочиями Роспотребнадзора: осуществление мероприятий по реализации, обеспечению и защите прав потребителей и принятие определенных мер в пределах своих полномочий (ст. 42.1 Закона «О защите прав потребителей»). Каждый из этих органов, контролирующих безопасность товаров, реализует предоставленные полномочия в закрепленной области деятельности или по определенной группе товаров, работ, услуг в соответствии со своей компетенцией, установленной законодательством¹.

В настоящее время действуют следующие наиболее важные законы и постановления Правительства РФ, определяющие компетенцию федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих контроль над качеством и безопасностью товаров: Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»²; Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»³ и др.

Так, согласно ст. 40 Закона государственный контроль и надзор над соблюдением законов и иных нормативных актов Российской Федерации, регулирующих отношения в сфере защиты прав потребителей, осуществляется Роспотребнадзором.

Государственный контроль иными компетентными органами осуществляется за соблюдением указанных актов продавцами, изготовителями товаров,

¹ См.: Макаров Ю.Я. Доказательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. С. 65.

² См.: Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Российская газета. 1999. 4 апреля.

исполнителями работ и услуг независимо от их организационных форм. Для осуществления должного контроля и надзора указанные органы наделяются правом проведения комплекса мероприятий, предусмотренных непосредственно в Законе о защите прав потребителей, а также в других законах и иных правовых актах. В этот комплекс мероприятий в том числе входят: проверка соблюдения обязательных требований законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области защиты прав потребителей, а также обязательных требований к товарам (работам, услугам); выдача предписаний, обязательных для исполнения, при выявлении фактов продажи товаров с истекшим сроком годности, с не установленными сроками годности, отсутствия достоверной и достаточной информации о товаре (работе, услуге), непредставления необходимой и достоверной информации, других нарушений.

Предписание должно действовать до устранения нарушений. Предписание может быть обжаловано продавцом, изготовителем, исполнителем, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером в арбитражный суд с просьбой о признании его недействительным полностью или частично в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством (АПК РФ); принятие мер по приостановлению в предусмотренных случаях производства и реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг), по отзыву его с внутреннего рынка и (или) от потребителей; направление в лицензирующий орган материалов о нарушении прав потребителей для рассмотрения вопросов о приостановлении действия или об аннулировании соответствующей лицензии.

Закон о защите прав потребителей допускает также привлечение судом к участию в деле соответствующего федерального органа исполнительной власти, не лишенного права вступить в дело по собственной инициативе либо по инициативе лица, участвующего в деле. Цель участия такого органа – выдача заключения по делу для обеспечения надлежащей защиты прав потребителей.

Непосредственной защите прав потребителей и контролю (надзору) над соблюдением соответствующего законодательства предшествует выработка государственной политики в этой области.

Защита прав потребителей – важная социальная и экономическая функция исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации. В связи с этим Закон о защите прав потребителей наделил полномочиями в данной области не только федеральные органы исполнительной власти и их территориальные органы, но и высший исполнительный орган государственной власти субъекта Федерации, например, администрацию области.

В рамках этих полномочий высший исполнительный орган государственной власти субъекта Федерации обязан осуществлять мероприятия по реализации, обеспечению и защите прав потребителей. Органы местного самоуправления выведены из системы органов государственной власти¹. Однако и они обеспечивают защиту прав потребителей в пределах территории соответствующего муниципального образования (района, города, поселка, села и т.п.).

С этой целью органы местного самоуправления наделяются полномочиями по рассмотрению жалоб потребителей, даче консультаций по вопросам защиты прав потребителей, по обращению в суды (в защиту неопределенного круга потребителей). Для реализации данных полномочий они вправе при выявлении по жалобе потребителя товаров (работ, услуг) ненадлежащего качества, а также опасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды незамедлительно извещать об этом федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие контроль над качеством и безопасностью товаров (работ, услуг).

В первоначальной редакции Закона «О защите прав потребителей» перечисленные выше органы обладали ограниченными контрольно-аналитическими функциями и при обнаружении недостатков товара (работы, услуги) могли направлять соответствующие материалы в государственные органы, обладаю-

¹ См.: Золотухина Т.А. Постатейный комментарий к новой редакции Закона РФ «О защите прав потребителей». М., 2007. С. 238.

щие необходимой компетенцией, для принятия мер либо предъявления в суды исков в интересах потребителей.

В настоящее время для обеспечения защиты прав потребителей органы местного самоуправления самостоятельно формируют соответствующие структуры (отделы по защите прав потребителей местных администраций).

Территориальные управления Роспотребнадзора¹ зачастую привлекаются к делам по защите прав потребителей для консультирования, составления исковых заявлений, апелляционных, кассационных жалоб и т.д. Оказываемая помощь необходима для потребителей, не имеющих необходимого образования и знания законов для обоснования своих требований.

В качестве примера можно привести решение Арбитражного суда Нижегородской области по заявлению ООО «Жилищная контора» о признании незаконным постановления Роспотребнадзора по Нижегородской области по делу об административном правонарушении. Как следовало из материалов дела, по обращению потребителя Ж. сотрудниками Роспотребнадзора была проведена внеплановая документарная проверка и проанализирован договор о предоставлении услуг по отчуждению недвижимого имущества, заключенный между ООО «Жилищная контора» и гражданкой Ж. В ходе проверки должностными лицами Роспотребнадзора было установлено, что в нарушение ст. 32 Закона «О защите прав потребителей», ст.ст.209, 288, 421 ГК РФ в договор включены следующие условия: п. 2.3.7 «Заказчик обязуется не вступать в прямые отношения с третьими лицами по вопросам, связанным с отчуждением объекта»; п. 4.1 «в случае отказа от предоставления услуг заказчик обязуется оплатить полную стоимость услуг, указанных в п. 13 прейскуранта цен на предоставление риелторских услуг исполнителя».

За нарушение законодательства на основании ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ ООО «Жилищная контора» была привлечена к административной ответственности в виде штрафа. Не согласившись с вынесенным постановлением, общество обра-

¹ См.: Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре в области защиты прав потребителей» от 2 мая 2012 г. № 412 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2435.

тилось в арбитражный суд с заявлением. В обоснование своего заявления представитель ООО «Жилищная контора» на судебном заседании заявил, что, согласно принципу свободы договора, во исполнение п. 1 и 4 ст. 421 ГК РФ стороны самостоятельно определяют условия договора. Таким образом, действующее законодательство не содержит норм, ограничивающих правомочия в реализации прав собственника нежилого помещения, в том числе в случаях заключения с организацией договора на оказание услуг по отчуждению недвижимого имущества. Поэтому включение в договор по отчуждению недвижимого имущества условий, ограничивающих право собственника на распоряжение собственным недвижимым имуществом, не противоречит нормам гражданского законодательства и не ущемляет установленные законом права потребителей.

Отказывая в удовлетворении заявления, арбитражный суд указал, что, согласно п. 1 ст. 782 ГК РФ и ст. 32 Закона «О защите прав потребителей», заказчик (потребитель) не может быть ограничен в праве отказаться от исполнения договора при условии оплаты фактически понесенных расходов исполнителя. Таким образом, согласно вышеназванным нормам клиенту ООО «Жилищная контора» в случае отказа от исполнения договора обязаны возместить последнему лишь фактически понесенные им расходы в связи с заключением договора о предоставлении услуг по отчуждению недвижимого имущества, т.е. те расходы, которые общество уже успело понести, выполняя заказ. Следовательно, включение в структуру расходов, подлежащих возмещению за счет потребителя в случае его отказа от исполнения договора, кроме фактически понесенных расходов, полной стоимости услуг противоречит законодательству в области защиты прав потребителей и гражданскому законодательству¹.

Таким образом, в нашей стране действует достаточно обширная система государственных органов, деятельность которых направлена на защиту прав потребителей, в том числе от действий субъектов малого предпринимательства.

¹ Решение Арбитражного суда Нижегородской области по делу от 6 июня 2012 г. № А43-12043/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

*§ 2.4. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения
арбитражными судами гражданских дел
с участием субъектов малого предпринимательства*

Существенной особенностью функционирования малых предприятий является то, что субъекты малого предпринимательства не всегда имеют финансовую возможность содержать в штате квалифицированных юристов, создавать юридические службы, которые обеспечивали бы правовое сопровождение их деятельности, защиту их прав и частных интересов. Указанные проблемы требуют соответствующего урегулирования, в том числе путем совершенствования федеральных и региональных законодательных и иных нормативных актов, и реализации органами государственной власти дополнительных мер по правовой защите субъектов малого предпринимательства.

Отсюда субъекты малого предпринимательства при обращении в арбитражные суды не всегда правильно выбирают процессуальный порядок разрешения спора и способ защиты нарушенного права или оспоренного законного интереса. В частности, многие субъекты малого предпринимательства не догадываются о наличии в АПК РФ упрощенного порядка рассмотрения дел на основании гл. 29 АПК РФ, который является весьма для них удобным, поскольку в данном порядке среди прочего рассматриваются дела по исковым требованиям о взыскании денежных средств, если цена иска не превышает для юридических лиц триста тысяч рублей, для индивидуальных предпринимателей сто тысяч рублей; а также дела о привлечении к административной ответственности при штрафе не превышающем сто тысяч рублей. Как свидетельствует судебная практика, субъекты малого предпринимательства и находятся в границах указанных денежных сумм, а потому могут не требовать обычного рассмотрения и разрешения возникшего гражданского или административного дела. Применение соответствующего порядка приводит к значительному сокращению потраченного времени и материальных затрат в виде судебных расходов.

Что касается правильного выбора способа нарушенного или оспоренного права или законного интереса, то Е.Ю. Валявина правильно пишет: «Поиск

субъектами предпринимательской деятельности эффективных путей восстановления нарушенных прав и охраняемых законом интересов определяет тенденцию использования ими способов защиты гражданских прав, не поименованных в ст. 12 ГК РФ. Зачастую пересмотр сложившихся и в теории, и в практике правовых позиций иницируют сами участники арбитражного процесса, заявляющие исковые требования, не вписывающиеся в привычные рамки. Высший Арбитражный Суд РФ (*в период своего существования – С.И.*) стремится формировать практику таким образом, чтобы сторона не просто выиграла процесс, но и в действительности восстановила свои имущественные интересы. Причиной появления такого подхода стала неэффективность применения к корпоративным спорам исключительно обязательственных или вещно-правовых способов защиты. Учитывая отсутствие в законодательстве специальных способов защиты прав участников юридических лиц, Президиум ВАС РФ, опираясь на общий способ защиты гражданских прав в виде восстановления положения, существовавшего до нарушения права, применил специальный способ защиты корпоративных прав – восстановление корпоративного контроля. Несмотря на некоторые минусы такого решения, данная попытка для многих споров стала единственно возможным эффективным средством защиты нарушенных корпоративных прав»¹.

Выбор защиты может быть определен не только субъектами малого предпринимательства, но и другими субъектам, которым арбитражным процессуальным законодательством дано такое право, например, прокурором, органами местного самоуправления, другими организациями и гражданами (ст. 40 АПК РФ). Однако при этом следует принимать во внимание процессуальные особенности рассмотрения дел арбитражными судами с их участием, в частности прокурор и государственные органы, органы местного самоуправления, организации вправе обратиться в арбитражный суд лишь по ограниченному кругу материально-правовых требований. Это связано с разумными законодательными

¹ См.: Валявина Е.Ю. Актуальные вопросы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в современных условиях (в практике арбитражных судов) // Журнал российского права. 2011. № 1. С. 5-13.

ограничениями, поскольку обратное может повлиять на необоснованное вторжение в чужие права, свободы и законные интересы, в том числе субъектов, занимающихся малым предпринимательством. Руководствуясь этим правилом, российский законодатель специально подчеркивает, что такое обращение в арбитражный суд в целом допускается по строго ограниченному числу случаев, например, в целях признания сделки недействительной, но только если Российская Федерация косвенно участвует в работе субъектов малого предпринимательства через доли в уставном капитале (фонде). Кроме того, прокурор и прочие процессуальные истцы не могут распоряжаться материальным правом, например, заключить мировое или медиативное соглашение. По этим же основаниям к ним нельзя предъявить встречный иск. В случае отказа прокурора или государственных органов, органов местного самоуправления, организаций или граждан поддерживать требование, заявленное ими в интересах субъектов малого предпринимательства, рассмотрение дела по существу продолжается, если субъект, в чьих интересах заявлено требование, не откажется от поданного иска. Однако такое положение применимо только тогда, когда заявление подано в интересах конкретного лица и, как верно отмечала М.С. Шакарян, «оно неприменимо»¹ в случае обращения в суд в интересах неопределенного круга лиц, поскольку по такой категории дел, как правило, привлечение лиц, в чьих интересах заявлено требование, персонально невозможно, так как они неизвестны. Поэтому для выхода из такой ситуации было бы правильным в ст. 52 и 53 АПК РФ предусмотреть, что арбитражный суд не принимает отказ прокурора или государственных органов, органов местного самоуправления, организаций или граждан от требования, заявленного ими в защиту прав, свобод и интересов неопределенного круга лиц, если это противоречит не только закону, но общественным и государственным интересам.

При обращении прокурора, государственных органов и органов местного самоуправления с заявлением в арбитражный суд в интересах неопределенного

¹ См.: Шакарян М.С. Как долго будет «улучшаться» ГПК? // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 39.

круга лиц истцом является неопределенный круг лиц, которых по вполне понятным причинам невозможно известить о времени и месте судебного заседания вследствие их неопределенного состава, о чем так же можно было бы сделать уточнение в ст. 123 АПК РФ. Ответчиком по таким делам всегда выступает определенный конкретный субъект, например субъект малого предпринимательства, который нарушил права, свободы и законные интересы неопределенного круга лиц.

В ходе подготовки дела к судебному разбирательству целесообразно применить меры по обеспечению иска, цель которых – гарантировать возможность получения присужденного по будущему судебному решению в случае удовлетворения исковых требований.

Само судебное разбирательство с участием субъектов малого предпринимательства во многом повторяет процессуальный порядок рассмотрения гражданских дел в, которых участвуют предприниматели и организации, не относящиеся в силу федерального законодательства к субъектам малого предпринимательства. Поэтому в целях повышения эффективности процессуальных гарантий для субъектов малого предпринимательства согласимся с теми авторами, которые предлагают внести соответствующие изменения в арбитражный процессуальный закон. Так, М.М. Зубович правильно пишет, что нужно повысить уровень правовой защиты малого предпринимательства за счет разработки и внедрения процессуальных особенностей «разрешения отдельных категорий споров, возникающих в сфере предпринимательской деятельности субъектов малого бизнеса (споров о заключении, изменении, расторжении предпринимательских договоров, признании их незаключенными и недействительными; споров, возникающих вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения хозяйственных обязательств; споров с банками; споров о защите деловой репутации и других споров)»¹. При этом, по нашему мнению, процессуальные особенности рассмотрения арбитражными судами дел с участием субъектов

¹ См.: Зубович М.М. Правовая защита субъектов малого и среднего бизнеса в России // Сибирский юридический вестник. 2001. № 2. С. 14.

малого предпринимательства не могут быть раз и навсегда предустановленными, например, они могут изменяться под воздействием изменяющегося материального законодательства. Так, недавно принят и введен в действие Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». В нем содержится множество материально-правовых аспектов, которые прямо или косвенно влияют на процессуальную составляющую, особенно в доказательственной сфере.

Возьмем для примера размещение соответствующих государственных и муниципальных заказов. При размещении заказов среди субъектов малого предпринимательства заказчик обязан указать в документации об аукционе, конкурсной документации, в извещении о запросе котировок, что надлежащая процедура проводится именно среди субъектов малого предпринимательства и что ее участники обязаны отвечать критериям, сформулированным в законе для подобных субъектов. Такой критериальный аппарат закреплен в законодательстве, т.е. при проведении торгов на основании учредительных документов контролируется отнесение лица к субъектам малого предпринимательства (при запросе котировок документы не истребуются), причем соответствие остальным критериям просто декларируется субъектом малого предпринимательства при размещении заявки на участие в процедуре торгов.

Таким образом, можно констатировать, что законодатель попытался сделать процесс подачи заявки максимально простым и удобным, на что, кстати, обращено внимание и в ряде поднормативных правовых актах (Письмо Минэкономразвития и ФАС от 29 апреля 2008 г. № 5684-АП/Д05/АЦ/10329; Письмо Минэкономразвития от 20 мая 2008 г. № Д05-1891; Письмо Минэкономразвития России и ФАС от 18 августа 2009 г. № АЦ/27510, 13497-АП/Д05 и др.)¹. В этих актах прямо указывается, что дополнительной проверки участника размещения заказа на соответствие этим критериям не требуется. Требовать от

¹ См.: Письмо Минэкономразвития и ФАС от 29 апреля 2008 г. № 5684-АП/Д05/АЦ/10329; Письмо Минэкономразвития от 20 мая 2008 г. № Д05-1891; Письмо Минэкономразвития России и ФАС от 18 августа 2009 г. № АЦ/27510, 13497-АП/Д05 // СПС «КонсультантПлюс».

участника размещения заказа иные сведения и документы, подтверждающие его принадлежность к категории субъектов малого предпринимательства, не допускается. Этим же указанием руководствуются арбитражные суды при подаче исков и заявлений субъектами малого предпринимательства, что подтверждается примерами из судебной правоприменительной практики (решение Арбитражного суда Кемеровской области от 22 июня 2009 г. № А27-6552/2009-5, постановления Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 ноября 2011 г. № 18АП-9693/11, ФАС Уральского округа от 29 февраля 2012 г. № Ф09-403/12, Волго-Вятского округа от 9 июля 2009 г. по делу № А29-7441/2008 г. и др.)¹. Одновременно арбитражные суды при изучении доказательственной базы учитывали также и то, что в учредительных документах хозяйственных обществ сведений о долях участия их участников в их уставном капитале не имеется. Соответствующая информация закрепляется в едином государственном реестре юридических лиц на основании п. 8 ст. 11 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Если в размещении заказа участвуют акционерные общества как субъекты малого предпринимательства, то арбитражные суды проверяют, то отвечает ли структура уставного капитала критериям малого предпринимательства посредством изучения декларации, прилагающейся к заявке.

Интересными процессуальными особенностями отличаются решения арбитражных судов, но далеко не по всем делам, а с участием субъектов малого предпринимательства и неопределенного круга, лиц, о котором нами уже говорилось выше. На наш взгляд, решение по такому делу не имеет непосредственно правопорождающего значения для неопределенного круга лиц, а создает преюдиции для предъявления последующих требований участниками неопределенного круга лиц в порядке признания деяния ответчика неправомерным. При предъявлении персональных исков в защиту прав конкретных лиц, постра-

¹ См.: Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 22 июня 2009 г. № А27-6552/2009-5, постановления Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 ноября 2011 г. № 18АП-9693/11, ФАС Уральского округа от 29 февраля 2012 г. № Ф09-403/12, Волго-Вятского округа от 9 июля 2009 г. по делу № А29-7441/2008 г. // СПС «Консультант-Плюс».

давших от той или иной предпринимательской деятельности, преюдициальное решение является обязательным для суда, рассматривающего конкретные иски о возмещении ущерба, поскольку в нем устанавливается факт совершения действий, которые не согласуются с законом. Так, например, вступившее в законную силу решение арбитражного суда о признании действий изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера, т.е. всех кто может являться субъектом малого предпринимательства) противоправными в отношении неопределенного круга потребителей обязательно для суда, рассматривающего иск потребителя о защите его прав, возникших вследствие наступления гражданско-правовых последствий действий изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера), в части вопросов, имели ли место такие действия и совершены ли они изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером). По требованию к производителю некачественной продовольственной продукции, поданному в защиту неопределенного круга потребителей, суд может вынести решение об остановке выпуска данного вида продукции или запрету ее реализации, а не о возмещении причиненного вреда здоровью покупателей или восстановления их имущественных потерь.

Одновременно с удовлетворением иска, предъявленного прокурором, общественным объединением потребителей (их ассоциацией, союзом), органами местного самоуправления в интересах неопределенного круга потребителей, суд принимает решение о возмещении государству, общественному объединению потребителей (их ассоциации, союзу), органам местного самоуправления всех понесенных по делу судебных издержек, а также иных возникших до обращения в суд и связанных с рассмотрением дела необходимых расходов, в том числе расходов на проведение независимой экспертизы нарушения обязательных требований к товарам (работам, услугам).

В связи со сказанным нельзя не отметить корреляцию решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции, поскольку одно гражданское дело может служить основой для других гражданских дел, которые жестко взаимосвязаны между собой. Так, после вступления в законную силу решение, вынесенное арбитражным судом по иску в защиту прав неопределенного круга потребителей, является обязательным (преюдициальным) для суда общей юрисдикции, рассматривающего иск конкретного потребителя к исполнителю, в части вопросов, имели ли место соответствующие действия и совершены ли они исполнителем. Поэтому при удовлетворении подобных исков суд обязывает правонарушителя довести в установленный судом срок через средства массовой информации или иным способом до сведения потребителей решение суда.

В практической плоскости соответствующий способ защиты прав и законных интересов деятельно используется территориальными органами Роспотребнадзора, а также прокуратурой. Управление Роспотребнадзора по Красноярскому краю обратилось с иском о признании незаконным бездействия ООО «УК Красжилсервис» в части неисполнения п. п. 2, 3 предписания должностного лица, уполномоченного осуществлять государственный санитарно-эпидемиологический надзор, об обязанности ответчика устранить нарушения санитарно-эпидемиологического законодательства в течение 6 месяцев с даты вступления решения суда в законную силу. Требования мотивированы тем, что при проведении проверочных мероприятий в интересах неопределенного круга лиц установлено, что мусоропровод в подъезде № X жилого дома по адресу г. Красноярск, ул. Краснодарская, X не оборудован устройствами, обеспечивающими возможность еженедельной очистки, дезинфекции и дезинсекции ствола мусоропровода, что является нарушением требований Санпинов. По данному факту в адрес ответчика вынесено предписание об устранении нарушений, которое ответчиком не исполнено. Кроме того, за выявленные нарушения санитарного законодательства постановлением ответчик привлечен к административной ответственности. Решением Арбитражного суда Красноярского края от

24 января 2012 г. № А230-8431/2012 г. жалоба ответчика на указанное постановление оставлена без удовлетворения¹.

Решением Советского районного суда г. Красноярска от 18 октября 2012 г., оставленным без изменения Апелляционным определением Красноярского краевого суда от 16 января 2013 г. № 33-13/2013, исковые требования Управления Роспотребнадзора по Красноярскому краю удовлетворены в полном объеме, бездействие ответчика признано незаконным, возложена обязанность устранить нарушения требований санитарного законодательства в части оборудования мусоропровода жилого дома необходимыми устройствами дезинфекции и дезинсекции².

Другой пример. Прокурор, действуя в защиту интересов лиц, которые не достигли совершеннолетия, предъявил исковые требования к ОАО «Красноярская генерация». В частности, он просил признать незаконными действия, которые привели к отключению тепловой энергии. В связи с чем просил признать включить тепловую энергию для школы-интерната, поскольку обратное не соответствовало федеральному законодательству, т.е. общество с ограниченной ответственностью, как субъект малого предпринимательства действовало вопреки порядку, который предусмотрен п. 2, 3 ст. 546 ГК РФ, а также эти действия находились в противоречии со ст. ст. 310, 450 и 541 ГК РФ. Подача тепловой энергии была прекращена в связи с задолженностью за ранее поставленную энергию в размере 543000 руб. По мнению прокурора, действиями ответчика были нарушены права и законные интересы конкретных граждан - детей-сирот, являющихся конечными потребителями тепловой энергии. Кроме того, просрочка оплаты энергии носила разовый характер, размер ее был не бесспорным, поэтому она не могла быть основанием для изменения или расторжения договора энергоснабжения.

¹ См.: Решение Арбитражного суда Красноярского края от 24 января 2012 г. № А230-8431/2012 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 16 января 2013 г. № 33-13/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Ответчик возражал против заявленного требования, указывая на то, что дети-сироты не являются стороной по договору энергоснабжения, они не оплачивают коммунальные услуги либо тепловую энергию. В роли абонента выступает специализированная общеобразовательная школа. Пункт 5 ст. 486 ГК РФ предоставляет право продавцу приостановить подачу энергии до полной оплаты всех ранее переданных товаров. Кроме того, по мнению ответчика, действующее законодательство не предусматривает такого способа защиты, как признание незаконными действий коммерческой организации.

Решением Кировского районного суда г. Красноярска требования прокурора удовлетворены, поскольку со стороны общеобразовательной школы отсутствовало существенное нарушение договора на теплоснабжение. Кроме того, суд признал ошибочным суждение ответчика о том, что воспитанники школы не являются потребителями и не подпадают под действие Правил предоставления коммунальных услуг¹, поскольку дети фактически пользуются услугами в виде теплоснабжения, оплату за тепловую энергию производит государство, таким образом, имеют место отношения по оказанию услуг на возмездной основе.

Суд признал несостоятельным довод ответчика о том, что истцом избран ненадлежащий способ защиты. Такой способ защиты, действительно, прямо не предусмотрен законом, однако не противоречит принципам гражданского права и может быть отнесен к иным способам защиты гражданских прав. С учетом изложенного, суд признал действия ответчика по отключению теплоснабжения незаконными. В дальнейшем это решение суда общей юрисдикции было использовано в качестве преюдициального при рассмотрении вопросов, связанных с привлечением к административной ответственности ОАО «Красноярская генерация», как субъекта малого предпринимательства.

Еще в одном случае с иском в защиту неопределенного круга лиц обратилось управление Роспотребнадзора по Краснодарскому краю. Истец просил

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов») // Собрание законодательства РФ. 2011. № 22. Ст. 3168.

признать противоправными действия (бездействие) ООО «Чайка» в части недобросовестности до потребителей полной и достоверной информации о туроператоре, сформировавшем реализуемые ответчиком туры, и его финансовом обеспечении, информации о потребительских свойствах турпродукта и его стоимости (указана ответчиком в иностранной валюте), в части включения в договоры с заказчиками условий, противоречащих законодательству, а именно о том, что при расторжении договора по инициативе заказчика в течение 7 дней с момента подписания с заказчика удерживается регистрационный взнос 35% от стоимости ознакомительной программы, являющейся частью тура. Истец просил обязать ответчика прекратить указанные действия и довести в десятидневный срок через средства массовой информации до сведения потребителей решение суда.

Решением Ленинского районного суда г. Краснодара от 11.07.2012, оставленным без изменения Апелляционным определением Краснодарского краевого суда от 16 октября 2012 г. по делу № 33-20629/2012, исковые требования управления Роспотребнадзора удовлетворены в полном объеме¹, что также затем было учтено арбитражными судами при вынесении собственных решений с участием ООО «Чайка», поскольку обстоятельства, указанные в решениях судов общей юрисдикции с точки зрения процессуальных особенностей являлись преюдициальными.

Кстати сказать, подобные решения, в которых суд дает оценку условиям стандартного договора (в данном случае – договора о реализации турпродукта) на предмет их соответствия законодательству о защите прав потребителей, вне связи с фактом заключения договора с конкретным заказчиком, могут стать прообразом существующей в зарубежной практике процедуры признания недобросовестными и исключения из гражданского оборота отдельных видов

¹ См.: Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 16 октября 2012 г. по делу № 33-20629/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Исковые требования о признании противоправными действий ответчика в отношении неопределенного круга потребителей удовлетворены правомерно, поскольку установлен факт противоправности действий ответчика, выразившихся в невнесении в договоры оказания услуг необходимой и достоверной информации о предоставляемом туристическом продукте, сведений о туроператоре и внесении в указанные договоры пунктов, противоречащих действующему законодательству // СПС «Консультант Плюс».

условий в договорах с потребителями. В последнем случае решение суда о признании тех или иных условий недобросовестными и запрещении их использования в договорах с потребителями является обязательным для всех предпринимателей, оказывающих соответствующие услуги (работы)¹.

Глава 3.

Участие субъектов малого предпринимательства в корпоративных спорах с целью защиты прав и частных интересов

§ 3.1. Участие субъектов малого предпринимательства в арбитражных спорах в качестве миноритарных акционеров

Дискуссии о правах меньшинства, балансе интересов меньшинства и большинства и даже об определении самих этих понятий крайне актуальны в последние годы. Связано это с широко распространенными спорами о правах миноритарных акционеров и многочисленными случаями нарушения этих прав: при размещении ценных бумаг (проблемы размытия доли), при реорганизации акционерных обществ (проблемы расчета коэффициентов конвертации (распределения), ошибки при конвертации (распределении), при определении цены выкупа акций), при поглощении акционерных обществ (вопрос о конституционности института вытеснения миноритарных акционеров, проблемы регулирования обязательного и добровольного предложений), при проведении общих собраний акционеров (проблема получения информации о готовящихся решениях, проблема доступа на собрание), при получении информации о деятельности акционерных обществ (проблема отказов в удовлетворении требований акционеров о представлении документов о деятельности общества и совершенных им сделках).

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, указывается, что «в части корпоративного управления... предполагается также обеспечение баланса прав миноритарных и мажоритарных акционеров».

¹ См.: Бугаенко Н.В., Кратенко М.В. Судебная практика по гражданским делам. Споры о защите прав потребителей: научно-практическое пособие. М., 2013. С. 221.

ритарных акционеров, большей гибкости при построении системы корпоративного управления, законодательное регулирование и судебная защита акционерных соглашений»¹.

Введение в АПК РФ гл. 28.1 «Рассмотрение дел по корпоративным спорам» отразило веяние времени «корпораций и холдингов» рассматривать внутрикорпоративные, не относящиеся к трудовым правоотношениям, конфликты с помощью специального судебного механизма. Специфика этих споров и вообще их состав предполагают отнести данную группу дел в отдельную категорию, предусматривая процессуально-правовые особенности по рассмотрению конкретного спора, относящегося к корпоративному. Если проанализировать гл. 28.1 АПК РФ, мы не сможем найти такого подхода. Законодатель лишь перечислил возможные корпоративные споры (ст. 225.1), не учитывая особенностей каждого из них, а правила рассмотрения отнес к исковому производству или производству из публичных правоотношений в случае участия государства в такого рода спорах.

По-видимому, подобное производство нельзя расценивать как специальный судебный механизм по рассмотрению корпоративных споров, поскольку последний должен отражать не только специфические требования к заявлению (ст. 225.3), обеспечительные меры (ст. 225.6), но и процедурные особенности рассмотрения отдельных видов корпоративных споров, как это предусмотрено для производства по делам, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Между тем, в некоторых статьях АПК РФ все-таки предусматриваются, хотя и в зачаточном состоянии, правила рассмотрения только двух категорий наиболее распространенных корпоративных споров, встречающихся в судебной практике: рассмотрение дел о понуждении юридического лица созвать общее собрание участников (ст. 225.7 АПК РФ) и рассмотрение дел по спорам о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу (ст. 225.8 АПК РФ).

¹ См.: Концепция социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

Анализ судебной практики показывает, что некоторые из многочисленных корпоративных споров вообще не были учтены при написании данной главы АПК РФ, между тем, их число с каждым годом растет. Например, корпоративные споры между так называемыми миноритарными и мажоритарными акционерами также обладают специфическими особенностями. Кроме того, с точки зрения и материального права, в этом случае не все так безупречно, поскольку и в Законе об акционерных обществах, и в Гражданском кодексе РФ не предусматривается ни этих понятий, ни каких-либо особенностей урегулирования споров между данными субъектами.

В свою очередь, следует обратить внимание, что в российской теории и правоприменительной практике понятия «миноритарный акционер» и «мажоритарный акционер» встречаются достаточно часто¹, следовательно, выработались четкие подходы относительно их сущности. Так, принято считать акционера миноритарным, который владеет меньшей долей, чем контрольный пакет акций. Обладание определенной долей акций обеспечивает ее владельцу принимать необходимые управленческие решения (мажоритарные акционеры) и получать имущественную выгоду, а также информацию о деятельности корпорации. Однако существуют механизмы, с помощью которых статус мажоритарных и миноритарных акционеров становится мобильным (например, заключение соглашений между миноритарными акционерами, рейдерский захват и пр.), в связи с чем на практике возникает много внутрикорпоративных конфликтов, зачастую доходящих до суда. Борьба за контроль над управлением обществом достигает порой катастрофических масштабов (вплоть от снижения стоимости акций и падение их прибыльности до банкротства организации). Нельзя доба-

¹ См., напр.: Долинская В.В., Фалеев В.В. Миноритарные акционеры: понятие и общая характеристика положения // Цивилист. 2009. № 4; Молотников А.Е. Проблемы взаимодействия и правового регулирования контролирующих, крупных и миноритарных акционеров в России // Предпринимательское право. 2009. № 1; Определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2011 г. № 8-О-П «По жалобе открытого акционерного общества «Нефтяная компания «Роснефть» на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца первого пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 6; Постановление Президиума ВАС РФ от 9 февраля 2010 г. № 14236/09 по делу № А40-76049/08-10-538 и др.

вок ко всему забывать и о «спящих» акционерах, которые не проявляют интереса к управлению обществом и систематически не присутствуют на общих собраниях акционеров, либо наследники умерших акционеров, не вступившие в права наследования.

Акционеры в зависимости от вида акции (голосующей или привилегированной) имеют различного рода имущественные права: при формировании и изменении уставного капитала; в рамках обычной хозяйственной деятельности; при совершении сделок, выходящих за пределы обычной хозяйственной деятельности; при прекращении деятельности акционерного общества; в отношении общего собрания акционеров и иных органов управления акционерного общества и др.

Итак, минимальный количественный «порог мажоритарности» – это обладание не менее 25% + 1 голосующая акция. Следовательно, пакет голосующих акций менее 25% не позволяет блокировать принятие решений по важнейшим вопросам на собрании акционеров¹.

Естественно, обладание 50% + 1 акцией (гарантированный контрольный пакет) означает, что такой акционер является мажоритарным. В то же время, например, возможны ситуации, когда владельцы трех приблизительно равных пакетов по 17-18% подписали соглашение о синхронизации корпоративных действий, по которому они обязуются перед собраниями акционеров проводить консультации и по их итогам вырабатывать единую позицию по характеру голосования, а при невозможности ее выработать – отказываются от голосования. То есть эти три компании можно уже считать коллективным обладателем контрольного пакета, а остальных акционеров – миноритариями.

Следует подчеркнуть, что практика знает множество случаев нарушения прав миноритариев: неизвещение о проведении общих собраний акционеров, не предоставление какой-либо иной значимой информации, на которую миноритарий имеет законное право и др. Вместе с тем, имеется и обратная правоприменительная практика.

¹ См., напр.: Рудкина Е.Ю. Защита интересов миноритариев // Безопасность бизнеса. 2006. № 1. С. 36-38.

менительная практика, согласно которой миноритарии могут действовать сообща и мешать мажоритариям принимать важные для общества управленческие решения. И здесь неизбежно предъявление многочисленных корпоративных исков в арбитражные суды.

В настоящий момент перед законодателем стоит дилемма: защищать миноритарных акционеров от недобросовестных действий мажоритарных акционеров или, наоборот, не дать миноритариям достаточно широких прав, чтобы не шантажировать компании. Ни один раз обсуждались поправки в Гражданский кодекс РФ, касающиеся расширения прав миноритарных акционеров. Если раньше к аффилированным лицам относили только родственников гендиректоров, то по новым правилам к ним могут отнести родственников членов совета директоров и правления. Вводится обязательное одобрение акционерами сделок с дочерними структурами, а также сделок с компаниями, в которых руководству принадлежит косвенно более 20%. При этом суды смогут определять аффилированность между участниками сделки, что частично теперь разрешено законодательными новеллами от 5 мая 2014, существенно изменившими правовое регулирование в области соответствующих материальных правоотношений.

Во многом из-за этого поправки, предлагаемые Правительством РФ, в свое время вызвали критику со стороны бизнеса. В частности, против нововведений выступили четыре крупнейшие нефтегазовые компании – «Роснефть», «Лукойл», «Сургутнефтегаз» и «Газпром». В июне 2013 г. представители компаний написали письмо президенту Владимиру Путину с просьбой не менять действующие нормы. По мнению участников бизнеса, поправки фактически развяжут руки миноритариям, позволят им злоупотреблять своими правами, например в части гринмейла (продажа пакета акций фирме-эмитенту, менеджменту или текущему владельцу фирмы-эмитента по цене, значительно превышающей рыночный курс).

Один из самых ярких примеров того, как миноритарий может «испортить жизнь» владельцу предприятия, – это ситуация вокруг ОАО «Тольяттиазот» (ТоАЗ). В 2008 г. владелец «Уралхима» Дмитрий Мазепин приобрел 7,5% ак-

ций ТоАЗа, после чего через суд потребовал завод предоставить корпоративную информацию. По жалобе Мазепина ФСФР дважды штрафовала «Тольяттиазот» за непредоставление надлежащей информации и нарушение требований законодательства о порядке подготовки и проведения общих собраний акционеров¹.

Согласно предложенным нововведениям акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью теперь наоборот будут защищать от миноритариев, и это, прежде всего, коснулось одобрения крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Оспаривать такие сделки смогут акционеры с долей от 5%, остальным придется сначала преодолеть барьер в виде обращения к компании с предложением подачи такого иска. Одновременно расширяется круг сделок, не требующих одобрения, и уточняются критерии «обычных хозяйственных сделок». Поправки изложены в рамках «дорожной карты» по созданию Международного финансового центра в РФ, они расширяют круг сделок, выводимых из-под процедуры одобрения, и уточняют ее порядок. Кроме того, они призваны упростить процесс оспаривания таких сделок и защитить права, но уже миноритариев, что отчасти разъясняется в Постановлении Пленума ВАС РФ от 16 мая 2014 г. № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью»².

Еще одно изменение затрагивает сделки с заинтересованностью. Сейчас они одобряются большинством голосов незаинтересованных акционеров (участников) компании, а если все акционеры заинтересованы – сделка вовсе не подлежит одобрению. Минэкономики предлагает вернуть возможность требования такого одобрения по инициативе акционера. Поправки впервые фиксируют и доли участников, необходимые для оспаривания крупных сделок и сделок с заинтересованностью (сейчас их в каждом конкретном случае определяет суд). Для самостоятельного оспаривания сделок в АО понадобится не менее 5%

¹ См.: Администрация Президента РФ выступила против расширения прав миноритариев // <http://izvestia.ru/news/565987#ixzz2ywOGRpKR> (дата обращения: 07.05.2014).

² Постановление Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 6.

обыкновенных акций. Если же участник владеет меньшим пакетом, то он должен предложить обществу самому оспорить сделку, а сам получит такое право, только если компания уклоняется от подачи иска или же сделка совершена директором¹.

Анализ акционерного законодательства показывает, что ограничений прав мажоритарных акционеров в пользу миноритарных гораздо меньше. Но специальные положения по защите прав миноритарных акционеров могут включаться в устав общества: например, установление ограничения количества акций, принадлежащих одному акционеру, и их суммарной номинальной стоимости, а также максимального числа голосов, предоставляемых одному акционеру (п. 5 ст. 99 ГК РФ, п. 3 ст. 11 ФЗ «Об Акционерных обществах»)².

Проанализируем, каково влияние позиций конституционного правосудия на механизмы защиты прав миноритарных акционеров. Некоторые авторы³ отмечают следующие тенденции, влияющие напрямую на разрешения конфликта интересов мажоритарных и миноритарных акционеров, которые были выявлены Конституционным Судом РФ.

1. Признание миноритарных (мелких) акционеров слабой стороной в корпоративных отношениях. Такой принцип был сформулирован в Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П: «Граждане и юридические лица, приобретая акции и осуществляя акт распоряжения своим имуществом, приобретают и определенные имущественные права требования к акционерному обществу - на участие в распределении прибыли, на получение части имущества в случае ликвидации общества и т.д. Имущественные права требования также являются «имуществом», а следовательно, обеспечиваются конституционно-правовыми гарантиями, включая охрану законом прав акционеров, в том числе миноритарных (мелких) акционеров как слабой стороны в системе корпоративных отношений, и судебную защиту нарушенных прав (ч. 1 и 3 ст.

¹ <http://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 07.05.2014).

² См.: Долинская В.В., Фалеев В.В. Миноритарные акционеры: статус, права и их осуществление / Отв. ред. В. В. Долинская. М., 2010. С. 141.

³ Габов А.В., Забитов К.С. Роль Конституционного Суда в защите прав миноритарных акционеров // Закон. 2012. № 1. С. 108-122.

35 Конституции РФ). Эти гарантии направлены на достижение таких публичных целей, как привлечение частных инвестиций в экономику и обеспечение стабильности общественных отношений в сфере гражданского оборота¹».

В литературе совершенно справедливо отмечается, что на законодательном уровне этот принцип практически не подкреплён. Существует только направление признание прав меньшинства, но в полной степени это никак пока не реализуется. Однако эта позиция органа конституционного контроля повлияла на другое положительное движение в области защиты прав миноритариев. В отдельных решениях арбитражных судов появилась ссылка на эту позицию с обоснованием необходимости применять судам данный принцип. Так, в Постановлении ФАС Западно-Сибирского округа от 16 июня 2010 г. по делу № А45-21681/2008 суд, направляя дело на новое рассмотрение, указал на следующее: «При новом рассмотрении дела арбитражному суду следует рассмотреть вопрос о проведении независимой экспертизы с тем, чтобы определить справедливую и действительную рыночную стоимость выкупаемых акций ОАО "НЖК" и при этом учесть, что в рамках данного дела истец Е.М. Калласс представляет наиболее слабую сторону, которой суд в соответствии со ст.ст. 6, 7, 8, 9, 10 АПК РФ обязан предоставить равную с ответчиками возможность для защиты своих прав и имущественных интересов»².

С другой стороны, необходимо обратить внимание на важность адекватного применения, выявленного Конституционным Судом РФ принципа к конкретным правовым нормам: при его имплементации возможно впадение в крайности, которого необходимо избегать.

Первая крайность – это перекокс при регулировании в сторону прав миноритарных акционеров в ущерб мажоритарным, вторая – имитация защиты миноритариев, третья – неадекватное распределение приоритета интересов или неверный выбор средств и способов реализации интереса или его защиты. Пер-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 16 июня 2010 г. по делу № А45-21681/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

вая крайность может привести к расцвету рейдерства, гринмэйла и других форм недобросовестного использования миноритариями своих прав. Не зря в уже упомянутой нами здесь Концепции развития корпоративного законодательства подчеркивалось, что "значительная часть корпоративных захватов, проводимых с нарушением законодательства, проходит через процедуру внеочередного общего собрания акционеров, проводимого миноритариями".

Вторая крайность приводит к тому, что мы можем видеть сегодня: при наличии объемного законодательства с перечислением большого перечня формальных прав реальная реализация интересов миноритарных акционеров практически невозможна (примеров тому не счесть; важные проблемы связаны здесь с вопросами правил приобретения крупных пакетов акций, распределения прибыли и рядом других).

Третью крайность можно проиллюстрировать примером сделок с конфликтом интересов: вместо того чтобы создать механизм ответственности лиц, причастных к совершению явно невыгодных для общества в целом и для миноритариев в частности сделок, законодательство позволяет по формальным основаниям безо всяких ограничений предъявлять иски о признании подобных сделок недействительными, что ставит в весьма неудобное положение договаривающиеся стороны. Здесь мы подходим к еще одной правовой позиции, к императиву, который сформулировал Конституционный Суд РФ, – принципу баланса интересов участников корпоративных отношений.

2. Необходимость соблюдения баланса интересов в корпоративных правоотношениях. Постулат о приоритете общекорпоративного интереса позволил Конституционному Суду РФ прийти к выводу о допустимости ограничения субъективных прав миноритарных акционеров ради достижения общекорпоративных целей. Справедливым, следовательно, будет ограничение и мажоритарных акционеров ради достижения общекорпоративного интереса (Определение Конституционного Суда от 18 января 2011 г. № 8-О-П)¹.

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2011 г. № 8-О-П // СПС «КонсультантПлюс».

3. Любые ограничения прав миноритарных акционеров должны быть соразмерными и сопровождаться надлежащими юридическими гарантиями, в том числе судебным контролем, для обеспечения их прав и законных интересов. В Постановлении № 2-П Конституционный Суд РФ указал: «Осуществляя на основании статьи 71 (пункты "в", "о") Конституции РФ регулирование предпринимательской деятельности коммерческих организаций, включая акционерные общества, федеральный законодатель обязан учитывать, что, по смыслу ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ во взаимосвязи с ее ст. 8, 17, 34 и 35, возможные ограничения федеральным законом прав владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров должны, исходя из общих принципов права, отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц (Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 14-П)»¹.

Одновременно с этим необходимо подчеркнуть, что, допуская возможность ограничения прав участников корпоративных отношений, Конституционный Суд РФ обращает внимание на важность обеспечения надлежащих юридических гарантий стороне, чьи субъективные права ограничиваются. В Определении от 3 июля 2007 г. № 681-О-П Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что «в силу конституционных принципов правового государства и неприкосновенности частной собственности решения о консолидации акций должны приниматься в надлежащей юридической процедуре, предполагающей соблюдение требований закона на каждом из необходимых ее этапов и осуществляемой в разумные сроки - в целях защиты прав миноритарных акционеров как слабой стороны в корпоративных отношениях, при эффективном судебном контроле»².

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 14-П // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 681-О-П // Конституционный Суд РФ СПС «КонсультантПлюс».

Соблюдение указанного выше принципа проиллюстрируем конкретным примером. ОАО имеет двух акционеров: мажоритарного акционера (97 процентов акций) и миноритарного акционера (3 процента акций). Мажоритарный акционер решил выкупить ценные бумаги у миноритарного. В установленном законом порядке состоялась процедура выкупа таких акций, по итогам которой в реестр акционеров ОАО внесена запись о переходе права собственности на акции от миноритарного акционера к мажоритарному. При этом миноритарный акционер не дал согласия на выкуп его акций. Правомерно ли в соответствии с действующим законодательством осуществить выкуп ценных бумаг ОАО по требованию лица, которое приобрело более 95 процентов акций общества, без согласия миноритарного акционера?

В соответствии с действующим законодательством и сложившейся судебной практикой выкуп ценных бумаг ОАО по требованию лица, которое приобрело более 95 процентов акций общества, без получения согласия миноритарного акционера является правомерным, поскольку волеизъявление миноритарного акционера не влияет на результат совершения такой сделки.

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» акционерным обществом признается коммерческая организация, уставный капитал которой разделен на определенное число акций, удостоверяющих обязательственные права участников общества (акционеров) по отношению к обществу.

В соответствии с п. 1 ст. 84.8 указанного Закона лицо, являющееся владельцем более 95 процентов общего количества акций открытого общества с учетом акций, принадлежащих ему и его аффилированным лицам, вправе выкупить у акционеров - владельцев акций общества, а также у владельцев эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в такие акции открытого общества, указанные ценные бумаги.

В п. 4 ст. 84.8 Закона «Об акционерных обществах» установлено, что выкуп ценных бумаг осуществляется по цене не ниже рыночной стоимости выку-

паемых ценных бумаг, которая должна быть определена независимым оценщиком. Владелец ценных бумаг, не согласившийся с ценой выкупаемых ценных бумаг, вправе обратиться в арбитражный суд с иском о возмещении убытков, причиненных в связи с ненадлежащим определением цены выкупаемых ценных бумаг. Указанный иск может быть предъявлен в течение шести месяцев со дня, когда такой владелец ценных бумаг узнал о списании с его лицевого счета (счета депо) выкупаемых ценных бумаг. Предъявление владельцем ценных бумаг указанного иска в арбитражный суд не является основанием для приостановления выкупа ценных бумаг или признания его недействительным.

В Определении от 3 июля 2007 г. № 714-О-П Конституционный Суд РФ пояснил, что ограничение прав владельцев выкупаемых ценных бумаг, установленное в ст. 84.8 Закона № 208-ФЗ, преследует законную цель достижения общего для открытого акционерного общества интереса, содержанием которого является эффективное управление обществом. Исходя из логики развития корпоративного законодательства, потребностей правовой политики, законодатель вправе на основе оценки значимости конкурирующих законных интересов преобладающих акционеров и владельцев принудительно выкупаемых акций отдать предпочтение интересам преобладающего акционера в случаях, когда общее ничтожно малое количество выкупаемых акций, принадлежащих миноритарным акционерам, не позволяющее им даже совместно оказывать какое-либо влияние на управление обществом, в то же время не исключает возможности неодобрения ими сделок, в заключении которых заинтересованы общество, преобладающий акционер и его аффилированные лица. Иначе существенный дисбаланс в объеме прав, обязанностей и ответственности преобладающего акционера с одной стороны и остальных акционеров — с другой приводит к снижению эффективности управления обществом¹.

Исходя из вышеуказанных положений, действующее законодательство не предусматривает в отношении выкупа ценных бумаг ОАО по требованию лица,

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 714-О-П // СПС «КонсультантПлюс».

которое приобрело более 95 процентов акций общества, получения согласия миноритарного акционера.

По обстоятельствам дела, рассмотренного в Постановлении ФАС Волго-Вятского округа от 17 октября 2012 г. № А43-4875/2012, ОАО направило миноритарному акционеру (0,13 процентов акций) требование о выкупе ценных бумаг мажоритарным акционером (99,87 процентов) с приложением отчета оценщика, формы заявления о продаже акций. Затем по акту приема-передачи в связи с проведением выкупа ценных бумаг мажоритарный акционер передал пакет документов, необходимых для проведения операций по списанию выкупаемых акций с лицевых счетов их владельцев. После чего в реестр акционеров ОАО была внесена запись о переходе права собственности на акции от миноритарного акционера к мажоритарному. Посчитав, что такой выкуп ценных бумаг состоялся без согласия миноритарного акционера, он обратился в арбитражный суд с требованием о признании недействительной сделки по выкупу принадлежащих акционеру общества акций данного общества. Руководствуясь нормами действующего законодательства РФ, ФАС Волго-Вятского округа отказал в удовлетворении заявленного требования. Вместе с тем суд кассационной инстанции посчитал, что требование о выкупе акций может быть предъявлено мажоритарным акционером, владеющим более чем 95 процентами акций ОАО, без учета волеизъявления акционеров – владельцев акций ОАО, при этом их права на оспаривание действий такого акционера ограничены лишь правом на предъявление иска о возмещении убытков в случае, если цена выкупаемых акций определена с нарушением установленного порядка.

Таким образом, в ходе осуществления выкупа ценных бумаг ОАО по требованию лица, которое приобрело более 95 процентов акций общества, волеизъявление миноритарного акционера не влияет на результат совершения такой сделки¹.

Теперь перейдем к анализу форм защиты прав миноритарных акционеров.

¹ См.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 17 октября 2012 г. № А43-4875/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Выделяют следующие формы: судебную, административную и неюрисдикционную.

Фактически при наличии в российском акционерном обществе акционеров или их групп, связанных соглашением и обладающих контрольным пакетом акций, миноритарии обладают весьма ограниченным объемом прав, реализация которых прямо или косвенно способна повлиять на деятельность общества. Влияние на управленческий процесс, таким образом, возможно либо посредством объединения миноритарных акционеров в группы, либо в порядке судебной защиты прав в арбитражном суде¹.

Юрисдикционная форма защиты предполагает обращение заинтересованного лица в компетентный государственный орган в целях защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов. В нашем случае превалирует судебная форма защиты прав акционеров, а в случаях, установленных законом, применяется и административная форма.

В арбитражный суд акционеру можно обратиться: к акционерному обществу с исками о признании недействительными решений органов управления, к членам совета директоров о возмещении убытков, причиненных действиями данных лиц обществу, к лицам, выступающим контрагентами договора о приобретении акций вследствие нарушения правила о преимущественном праве покупки и т.д.

Приведем пример из судебной практики ФАС Московского округа, позиция которого впоследствии была поддержана и надзорной инстанцией: Сам по себе факт владения акционером миноритарным пакетом акций не свидетельствует о невозможности повлиять на результаты голосования при принятии решения об одобрении крупной сделки, если собрание не проводилось².

Индивидуально и независимо от числа акций, тем более голосующих, участник акционерного общества может защищать свои права в администра-

¹ См.: Григорьева Т.А., Соловьева И.Е. Меры защиты прав миноритарных акционеров в арбитражном процессе // Цивилист. 2012. № 4. С. 101-105.

² См.: Постановление ФАС Московского округа от 16 октября 2012 г. по делу № А40-151438/09-132-974, А40-7544/11-131-82; Определение ВАС РФ от 7 февраля 2013 г. № ВАС-442/13 по делу № А40-151438/09-132-974, А40-7544/11-131-82 // СПС «КонсультантПлюс».

тивном порядке. Защита прав и интересов акционеров в административном порядке ранее осуществлялась ФСФР России (ее региональными отделениями). Однако с 1 октября 2013 г. эта федеральная структура упразднена, а ее функции перешли к Центробанку, однако нет проработанной организационной и логистической системы, которая могла бы дать ясное представление о том, каким образом будет осуществляться контроль и надзор в сфере финансовых рынков.

Например, при нарушении преимущественного права акционера на приобретение акций и эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции, размещаемых посредством закрытой подписки (ст. 40 ФЗ «Об акционерных обществах»), могут быть применены меры защиты, предусмотренные ст. 26 ФЗ «О Центральном Банке». Приостановление и возобновление эмиссии ценных бумаг, признание выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг несостоявшимся, осуществляются по решению Банка России или по решению регистрирующего органа.

Привлечение виновных лиц за недобросовестную эмиссию ценных бумаг возможно и по правилам КоАП РФ (ст.ст. 15.17-15.23.1), правда, с дальнейшим их правом обращения в арбитражный суд в порядке гл. 25 АПК РФ.

При наличии соглашения между акционерным обществом и акционерами, например в случае заинтересованности в конфиденциальности и оперативности разбирательства, акционеры для решения корпоративного спора могут обратиться в третейский суд и к медиатору (п. 2 ст. 1 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»¹; п. 2 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»²).

К способам защиты прав миноритарных акционеров в рамках управления можно отнести возможность ограничения уставом общества максимального числа голосов, предоставляемых одному акционеру; осуществление выборов

¹ См.: Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.

² См.: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

членов совета директоров (наблюдательного совета) с использованием механизма кумулятивного голосования, который позволяет добиться избрания в совет директоров кандидатов, выдвинутых миноритариями; предоставление миноритарным акционерам права вето в результате установления требований квалифицированного большинства голосов при принятии решений по наиболее важным вопросам деятельности акционерного общества; установление пределов минимального присутствия акционеров на общем собрании (кворума); лишение определенных акционеров права голоса по вопросам, в которых имеется их личная заинтересованность, объективно противоречащая интересу общества в целом (конфликт интересов)¹.

Между тем, наибольшее количество корпоративных споров с участием миноритарных акционеров разрешается все-таки в арбитражном суде по нескольким причинам. Во-первых, по правовому положению миноритарии – наиболее пассивные и более слабые стороны правоотношений, следовательно, у них меньше рычагов влияния на управление обществом. Во-вторых, обращение к негосударственным формам защиты не всегда не является эффективным: составление третейского соглашения или соглашения о проведении процедуры медиации создаст для миноритария проблему выбора третейского судьи или медиатора, которые наверняка окажутся под влиянием управленческого органа корпорации. Третейские судьи зачастую являются штатными сотрудниками организации, что, конечно, не соответствует закону, но присутствует на практике. Кроме того, обычно в таком споре участвуют не две стороны, а несколько участников корпорации, что затрудняет, например, проведение медиации.

Совершенно справедливо пишет О.В. Осипенко, что основными средствами защиты прав миноритариев в инвестиционном бизнесе могут быть эффективное правовое регулирование их деятельности, а также соответствующая арбитражная поддержка².

¹ См.: Баяркина Н.П. Защита миноритарных акционеров // Безопасность бизнеса. 2012. № 1. С. 34-35.

² См.: Осипенко О.В. Корпоративный контроль: экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. М., 2013. Кн. 1. С. 517.

В результате предпринятых мер появились такие средства защиты как преимущественное право существующих акционеров на приобретение акций новой эмиссии; кумулятивное голосование при избрании членов совета директоров; низкий порог одобрения сделок с заинтересованностью общим собранием акционеров и многое другое.

Однако этот же автор нам говорит о необходимости проведения внутрикорпоративных мероприятий с целью защиты прав миноритариев. И тут можно выделить несколько направлений такой работы. Например, активные действия со стороны профессиональных миноритариев, то есть лиц, непосредственно выполняющих какую-либо трудовую функцию. Они могут предупредить точки кипения корпоративной агрессии, снизить свои риски относительно проведения того или иного собрания и принятия решения, располагая необходимой информацией, выступить в роли эксперта перед аудиторской проверкой, заключать акционерные соглашения с другими минорами, и пр.

Безусловно, эти предложения заслуживают внимания, но все же проблемы, существующие при защите прав миноритарных акционеров, обнаруживаются в судебно-арбитражной практике. Вполне верно отмечено в специальной литературе, что интерес миноритарных акционеров, который защищается в порядке судопроизводства в арбитражном суде, является частным и относится в большей степени к коммерческой деятельности¹. Хотя есть и другие точки зрения, согласно которым косвенный иск, поданный миноритарным акционером в защиту интересов хозяйственного общества, сугубо публично-правовым институтом². С нашей точки зрения, безусловно, заслуживает внимания первый подход, так как сама по себе корпоративная природа отношений носит частноправовой характер, даже если спор, вытекающий из таких отношений, относится к сфере управленческой деятельности корпораций. Игнорирование частных интересов различных групп участников корпорации влечет за собой в целом неблагопри-

¹ См.: Григорьева Т.А. Проблемы правосубъектности миноритарных акционеров в арбитражном процессе // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 2. С. 203-209.

² См.: Журбин Б.А. Проблемы рассмотрения производных исков // Адвокатская практика. 2005. № 2. С. 10.

ятные последствия для самой корпорации.

Миноритарные акционеры в арбитражном процессе – это группа заинтересованных субъектов корпоративных отношений, которые посредством косвенного и (или) коллективного иска могут влиять на принимаемые в хозяйственном обществе решения.

Средством защиты прав миноритарией является косвенный и (или) коллективный иск (ст. 28.2 АПК РФ). Традиционно под косвенным иском понимается обращение заинтересованных субъектов в защиту интересов корпорации к лицам, причинившим своими действиями убытки корпорации и косвенно – мелким участникам. Такие иски имеют особое значение в условиях предоставления совету директоров широких полномочий по управлению корпорацией и признаются одним из наиболее эффективных способов контроля над руководителями.

Кроме того, не исключено для миноритариев осуществлять защиту своих прав посредством подачи группового иска. Правильно отмечают исследователи данного института, что процедура вступления в процесс миноритарного акционера с групповым иском достаточно ясна, а вот выход из него в случае необходимости отстаивания своей позиции по делу, расходящейся с позицией других заявителей, затруднителен. Формально, отказываясь от такого иска, такой истец фактически лишает себя дальнейшей судебной защиты из-за нормы ч. 4 ст. 225.16 АПК РФ. В связи с этим, согласимся с мнением Т.А. Григорьевой о том, что необходимо предусмотреть право миноритарного акционера выйти из состава участников группового иска и право отказаться от вхождения в состав группы истцов и самостоятельной защиты прав и свобод при помощи собственного иска¹.

Другой немаловажной проблемой в арбитражном процессе является защита прав миноритариев при реорганизации акционерных обществ, особенно при слиянии и поглощении компаний, а равно при совершении крупных сделок. В

¹ См.: Григорьева Т.А. Проблемы правосубъектности миноритарных акционеров в арбитражном процессе // Правоведение. 2011. № 2. С. 203-209.

теории уже сформировались определенные подходы в этом направлении. Так, например, И.А. Дергунов предлагает следующие механизмы, используемые в арбитражном производстве¹, с помощью которых можно привлечь недобросовестных мажоритарных акционеров к ответственности. В основе компенсационного механизма лежит необходимость определения справедливой цены акции в случае решения вопроса о конвертации акций при реорганизации акционерного общества на основе рыночной цены с помощью независимого оценщика.

К сожалению, законодательство никак не регламентирует обязательные условия конвертации, а соглашения зачастую устраивают только мажоритариев, поскольку между ними они и заключаются, следовательно, конфликты между малыми группами акционеров и обществом не редки в современных корпорациях. Кроме того, в основе определения коэффициента конвертации лежит принцип свободы договора, согласно которому стороны могут определять условия договора по своему усмотрению, не принимая во внимание даже рыночную ее стоимость. Вследствие этого, оспаривая коэффициент конвертации, истцы ссылаются на незаконность акта оценщика, устанавливающего стоимость одной обыкновенной или привилегированной акции, на основании которого, в свою очередь, заключается договор между реорганизуемыми (-ым) обществами (-ом). И ходатайствуя в суде о назначении судебной экспертизы, истцы получают отказ в удовлетворении соответствующих ходатайств на основании неотносимости и недопустимости подобных доказательств². Безусловно, требуется решение данного вопроса на уровне законодательства путем внесения соответствующих изменений.

Следующей группой корпоративных дел являются споры о понуждении юридического лица созвать общее собрание участников. Проблемным вопросом при вынесении решения по этим делам является установление сроков проведения таких собраний и, зачастую, это зависит от многих обстоятельств, ко-

¹ См.: Дергунов И.А. О совершенствовании механизма защиты прав миноритариев при реорганизации акционерного общества // Безопасность бизнеса. 2013. № 2. С. 2-5.

² См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 сентября 2011 г. по делу № А50-4765/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

торые должны обосновать стороны (например, необходимость срочного проведения собрания для принятия решения по важному вопросу, влияющим на платежеспособность организации). В связи с этим такого рода сроки бывают совершенно разные. Обобщая материалы судебной практики, мы выявили следующие периоды: указание на конкретную дату проведения собрания¹; указание на предельную дату проведения собрания с предоставлением права выбора лицом, на которого возложено исполнение судебного акта²; указание на срок в днях с момента принятия соответствующего судебного акта³.

В литературе совершенно справедливо отмечается и другая проблема, связанная с рассмотрением названной категории корпоративных споров и в то же время с защитой прав миноритарных акционеров. Так, в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством устанавливаются сокращенные сроки для обжалования судебных актов по корпоративным спорам – 10 дней со дня принятия решения по существу. Между тем случаются ситуации, когда суд первой инстанции вынес судебное решение о понуждении общества провести общее собрание, апелляционная инстанция с таким решением согласилась, а в кассационном порядке оно было отменено. В итоге за промежуток времени, предусмотренный для этих видов пересмотров, то есть с момента получения истцом изготовленного решения до вынесения судом кассационной инстанцией судебного акта, истец совершает огромную подготовительную работу для проведения общего собрания: получил данные реестра акционеров, сведения о клиентах депозитариев, осуществляющих функции номинальщика, часть заполненных бюллетеней для голосования и соответствующих доверенностей представителей и т.д.

Безусловно, это негативно скажется на стабильности условий осуществления деятельности организации, поэтому, на наш взгляд, в этой ситуации можно

¹ См.: Решение Арбитражного суда Пермского края от 10 декабря 2009 г. по делу № А50-36549/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 ноября 2010 г. № 15АП-12440/2010 по тому же делу // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление ФАС Московского округа от 3 ноября 2010 г. № КГ-А41/13636-10 по делу № А41-1174/10 // СПС «КонсультантПлюс».

применить специальное ограничение для обжалования такого рода судебных решений в виде наложения предельного срока для совершения этого процессуального действия. Во-первых, подобный подход совершенно не противоречит дифференциации процессуальной формы, поскольку рассматриваемая глава для того и создана, чтобы предусматривать особенности по регулированию данной группы правоотношений. Во-вторых, решение общего собрания может быть обжаловано, поэтому его проведение не является по большому счету точкой во всем корпоративном споре – предметом судебного разбирательства.

Другой проблемой является проблема исполнения судебного решения данной категории арбитражных дел. Миноритарные акционеры, подавая корпоративные иски, боятся просить суд возложить исполнение судебного решения на юридическое лицо (исполнительный орган). На то много причин. Во-первых, невозможно предвидеть дальнейшие действия исполнительных органов, которые уже нарушили права миноритариев, при принятии решения очередного собрания акционеров. Во-вторых, получение согласия на роль исполнителя потребует больших временных затрат, что негативно скажется на временной промежуток подачи иска о проведении внеочередного общего собрания акционеров. В-третьих, отдать привилегию принятия решения лицу, нарушившего права и ведущему определенную корпоративную политику в отношении миноритарных акционеров, не всегда оправдано.

Часто миноритарные акционеры ущемляются мажоритарными акционерами в правах о предоставлении необходимой информации о положении дел в корпорации. Приведем пример. В ходе проведения проверки в ОАО уполномоченный орган обнаружил, что акции миноритарного акционера были списаны на основании выкупа ценных бумаг ОАО по требованию мажоритарного акционера (97 процентов акций). При этом после того как соответствующая запись была внесена в реестр акционеров, бывший миноритарный акционер потребовал у ОАО копию отчета об оценке рыночной стоимости акций. Ссылаясь на отсутствие статуса акционера, общество отказало лицу в предоставлении данной информации.

В соответствии с действующим законодательством и сложившейся судебной практикой отказ ОАО в предоставлении по запросу лица, акции которого были выкуплены, копии отчета об оценке рыночной стоимости выкупленных акций является неправомерным, поскольку бывший миноритарный акционер обладает правом на получение такой информации.

По обстоятельствам дела, рассмотренного в Постановлении ФАС Уральского округа от 29 октября 2012 г. № Ф09-10356/12, на основании произведенного выкупа ценных бумаг ОАО по требованию лица, которое приобрело более 95 процентов акций общества, в реестр акционеров была внесена запись о переходе права собственности на акции от миноритарного акционера к мажоритарному. При этом в ходе камеральной проверки ОАО уполномоченный орган обнаружил нарушение законодательства в части непредоставления обществом лицу, акции которого были выкуплены, копии отчета о рыночной стоимости выкупленных акций. В связи с этим уполномоченный орган ОАО вынес решение о привлечении к административной ответственности согласно ч. 1 ст. 15.19 КоАП РФ. Не согласившись с вынесенным уполномоченным органом решением, акционерное общество обратилось в арбитражный суд с требованием об отмене постановления о привлечении к ответственности по ч. 1 ст. 15.19 КоАП РФ за непредставление по требованию акционера отчета об оценке рыночной стоимости выкупаемых акций. Руководствуясь нормами действующего законодательства, ФАС Уральского округа удовлетворил заявленное требование, квалифицировав совершенное обществом правонарушение как малозначительное. Вместе с тем суд кассационной инстанции посчитал, что непредоставление в установленный срок копий отчета об оценке рыночной стоимости выкупленных акций по запросу свидетельствует о наличии в действиях общества события административного правонарушения¹.

Итак, как верно отмечено Мириной Н.В., помимо предоставления информации общего характера, миноритарные акционеры имеют право знать и о дате

¹ См.: Постановление ФАС Уральского округа от 29 октября 2012 г. № Ф09-10356/12 // СПС «КонсультантПлюс».

проведения собрания и его повестке дня¹.

Делаем выводы. Проводя анализ действующего материального и процессуального законодательства в отношении защиты прав миноритарных акционеров, можно отметить следующие основные моменты:

1. В структуру такой защиты обычно включают защиту права как материально-правовую категорию и фактические меры защиты как процессуальные средства, предоставляемые действующим законодательством. Таким образом, меры защиты прав миноритариев носят изначально двойственный характер.

2. Требуется на законодательном уровне устранить дисбаланс гарантий защиты прав миноритарных и мажоритарных акционеров, учитывая особенности обращения в арбитражный суд с косвенным иском. Представляется, необходимым сформировать процессуальные средства защиты и механизмы борьбы в судебном порядке со злоупотреблениями со стороны как миноритарных, так и мажоритарных акционеров, путем наложения соответствующих санкций, в том числе, путем вынесения частных определений.

§ 3.2. Особенности рассмотрения арбитражными судами споров о долях в хозяйственных обществах

Мы уже указывали в своей работе на то, что в главе АПК РФ, посвященной особенностям рассмотрения корпоративных споров, не так уж и много предусмотрено особенностей для отдельных видов корпоративных споров, поэтому нужно повышать уровень процессуальных гарантий защищенности субъектов малого предпринимательства². В частности, одной из самых многочисленных категорий корпоративных споров, рассматриваемых арбитражным судом, являются споры о долях в хозяйственных обществах. В скором времени эти споры станут все более актуальными, так как предлагается допустить определение объема правомочий участников хозяйственного общества не только пропорци-

¹ См.: Григорьева Т.А., Соловьева И.Е. Меры защиты прав миноритарных акционеров в арбитражном процессе // Цивилист. 2012. № 4. С. 101-105.

² См.: Брюховецкая С.В. Система государственной поддержки малого предпринимательства на региональном уровне: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1997. С. 6.

онально долям в уставном капитале. Это нововведение закреплено в п. 1 ст. 66 ГК РФ. В частности указано, что объем правомочий участников хозяйственного общества определяется пропорционально их долям в уставном капитале общества. Иной объем правомочий участников непубличного хозяйственного общества может быть предусмотрен уставом общества, а также корпоративным договором при условии внесения сведений о наличии такого договора и о предусмотренном им объеме правомочий участников общества в единый государственный реестр юридических лиц.

Если проанализировать уже накопленные материалы судебной практики, то можно условно выделить три группы корпоративных споров о долях в хозяйственных обществах:

- 1) споры, связанные с распоряжением долей в хозяйственном обществе в результате их купли-продажи, дарения, передачи третьим лицам;
- 2) споры, связанные с наследованием доли в хозяйственном обществе;
- 3) споры, связанные с увеличением или уменьшением доли в хозяйственном обществе в результате увеличения или уменьшения его уставного капитала.

Кроме того, эти споры наиболее подвержены конкуренции подведомственности судов общей юрисдикции и арбитражных судов ввиду отсутствия четких признаков, по которым можно установить корпоративный спор, который в соответствии со ст. 33 АПК РФ относится к исключительной арбитражной юрисдикции. В ст. 225.1 АПК РФ дано очень широкое понятие корпоративного спора, которое включает в себя в том числе «споры, связанные с принадлежностью акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паев членов кооперативов, установлением их обременений и реализацией вытекающих из них прав», т.е. практически все категории споров из договоров об отчуждении и залоге акций или долей, а также договоров об осуществлении корпоративных прав (акционерных соглашений).

Вполне справедливо многие авторы акцентируют внимание на возможность передачи именно анализируемых нами споров на разрешение в третейский суд.

В российском законодательстве установлены два критерия допустимости передачи спора на разрешение третейского суда:

- 1) гражданско-правовой характер спора;
- 2) отсутствие закрепленного в федеральном законе запрета на третейское разбирательство.

Корпоративные правоотношения представляют разновидность гражданских правоотношений, поскольку они основаны на равенстве, автономии воли, имущественной и организационной обособленности их субъектов.

В то же время, ст. 225.1 АПК РФ называет корпоративными как споры, носящие чисто имущественный характер (например, по искам участников (акционеров) о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу), так и публичные по сути споры (связанные, например, с эмиссией ценных бумаг юридического лица и оспариванием ненормативных правовых актов уполномоченных государственных органов). То есть, некоторые корпоративные споры, как связанные с публичными правоотношениями, заведомо неарбитрабельны.

Оценивая корпоративные споры относительно их соответствия второму критерию, можно сделать вывод, что федеральное законодательство не содержит прямого запрета на рассмотрение каких-либо споров из корпоративных отношений в третейских судах. В то же время, подобный вывод является дискуссионным, так как в Арбитражном процессуальном кодексе РФ сформулированы положения, касающиеся:

- 1) исключительной компетенции (ч. 1 ст. 248 АПК РФ);
- 2) специальной подведомственности (п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ).

Представляется обоснованной точка зрения, что ни ст. 33 АПК РФ, ни ст. 247, 248 АПК РФ, ни введенная Законом № 205-ФЗ гл. 28.1 АПК РФ не содержат норм, однозначно закрепляющих исключительную компетенцию государственных арбитражных судов в разрешении споров, возникающих из корпоративных отношений. Таким образом, формально споры данной категории могут быть рассмотрены как международными коммерческими арбитражами, так и иностранными судами (с учетом норм ст. 248 АПК РФ).

Однако, согласно п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ, корпоративные споры, указанные в ст. 225.1 АПК РФ, относятся к специальной подведомственности государственных арбитражных судов.

Данная норма АПК РФ наиболее активно используется российскими судами для обоснования неарбитрабельности широкой группы корпоративных споров. В частности, в Постановлении ФАС МО от 10 октября 2011 г. по делу № А40-35844/11-69-311 указано: «Судебная коллегия суда кассационной инстанции пришла к выводу, что указание в федеральном законе, каковым в данном случае рассматривается АПК РФ, о специальной подведомственности корпоративных споров не только свидетельствует о разграничении компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, но также означает, что указанные споры не могут быть переданы на разрешение третейских судов в силу характера и специфики правоотношений, порождающих такие споры, что следует из системного толкования норм ст. 4, 33 АПК РФ»¹.

А.В. Замазий правильно пишет: «Представляется, что данная аргументация основана на неправильном понимании места ст. 33 АПК РФ в системе арбитражного процессуального законодательства. Нормы о специальной подведомственности разграничивают компетенцию различных видов российских государственных судов (судов общей юрисдикции и государственных арбитражных судов). Специальный характер подведомственности означает, что определенная категория споров (в данном случае – корпоративные споры в значении ст. 225.1 АПК РФ) всегда подведомственна государственным арбитражным судам (а не судам общей юрисдикции) вне зависимости от субъектного состава участников спора, то есть вне зависимости от того, является ли стороной спора обычное физическое лицо, не имеющее статуса индивидуального предпринимателя. При этом данное правило не должно толковаться как исключающее арбитрабельность корпоративных споров»².

¹ См.: Постановление ФАС МО от 10 октября 2011 г. по делу № А40-35844/11-69-311 // СПС «КонсультантПлюс».

² Замазий А.В. Об арбитрабельности корпоративных споров третейским судам // Третейский суд. 2012. № 3. С. 6-7.

Статья 33 АПК РФ, наряду с корпоративными спорами, относит к специальной подведомственности арбитражных судов дела о несостоятельности (банкротстве) (п. 1) ч. 1 ст. 33 АПК РФ). Если следовать логике арбитражных судов, то данная категория дел является неарбитрабельной лишь в силу их перечисления в ст. 33 АПК. Но в этом случае становится непонятным смысл наличия в ст. 33 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О несостоятельности (банкротстве)» части 3: «3. Дело о банкротстве не может быть передано на рассмотрение в третейский суд».

В соответствии с изложенным, ст. 33 АПК РФ нельзя считать прямо выраженным законодательным запретом на передачу корпоративных споров на рассмотрение третейских судов.

Как нам представляется, причины, в силу которой арбитражные суды России считают корпоративные споры неарбитрабельными, это:

– во-первых, наличие специфической особенности процессуальной формы рассмотрения таких споров, установленной в главе 28.1 АПК РФ (выполнение установленных законом требований об информировании сторон дела, требований, предъявляемых к исковому заявлению, и т.п.);

– во-вторых, цель правосудия по таким спорам, которая предполагает защиту прав и интересов юридического лица и участников, не являющихся сторонами спорных отношений, в то время, как третейское разбирательство основано на личном иске и защищает личные интересы сторон, и не имеет надлежащего механизма защиты интересов остальных участников соответствующей корпорации, не участвующих в разбирательстве.

Толкование соответствующих положений АПК РФ, как исключающих арбитрабельность корпоративных споров, повлечет невозможность исполнения на территории Российской Федерации решений зарубежных третейских судов, вынесенных по данной категории споров.

Так, согласно подп. «а» п. 2 ст. V Конвенции ООН О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г. в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть от-

казано, если компетентная власть страны, в которой испрашивается признание и приведение в исполнение, найдет, что объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по законам этой страны.

Соответственно, окажется невозможным принудительное исполнение в России решений зарубежных третейских судов, вынесенных на основании арбитражных оговорок, включенных в тексты акционерных соглашений, что широко распространены в отношениях крупного российского бизнеса.

Итак, рассмотрим основные группы корпоративных споров о долях в хозяйственном обществе.

Споры, связанные с распоряжением долей в хозяйственном обществе в результате их купли-продажи, дарения, передачи третьим лицам.

В соответствии с п. 11 и п. 12 ст. 21 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. от 05 мая 2014 г.) при уклонении стороны, отчуждающей долю, от передачи доли приобретатель «вправе потребовать в судебном порядке передачи ему доли или части доли в уставном капитале общества. В этом случае решение арбитражного суда о передаче доли или части доли в уставном капитале общества является основанием для государственной регистрации вносимых в Единый государственный реестр юридических лиц соответствующих изменений». Кроме того, говорится о том, что с момента внесения изменений в единый государственный реестр юридических лиц «переход доли или части доли может быть оспорен только в судебном порядке путем предъявления иска в арбитражный суд». При этом нельзя не отметить, что далее по тексту ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» использует общий термин «суд».

Учитывая данное положение законодательства, многие правоприменители твердо настаивают на том, что никакой другой суд, кроме арбитражного, не компетентен решать подобные споры. Приведем пример. ВАС РФ сделал вывод о том, что иск о взыскании убытков подведомственен исключительно арбитражному суду, поскольку связан с выходом гражданина из состава участников общества и выплатой ему действительной стоимости доли в уставном капитале

общества с ограниченной ответственностью¹.

Возвращаясь к нашему вопросу о разграничении подведомственности, мы присоединимся к другой точке зрения, наиболее основанной, на наш взгляд, на законе. Например, исходя из нормы п. 4 ст. 1 Закона «О международном коммерческом арбитраже» следует, что возможность передачи гражданско-правового спора в третейский суд является общим правилом, а запрет - исключением, которое, как всякое исключение, должно быть сформулировано ясно и недвусмысленно. Очевидно, что описанные выше положения ст. 21 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» нельзя признать ясно и недвусмысленно выраженным законодательным запретом на передачу соответствующей категории споров на рассмотрение третейских судов.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что в российском законодательстве отсутствуют законодательные положения, которые при их корректном толковании препятствовали бы рассмотрению в международном коммерческом арбитраже споров из договоров по поводу распоряжения акциями и долями российских компаний, а равно споров из договоров об осуществлении корпоративных прав (акционерных соглашений). Очевидно, что проанализированные выше нормы российского законодательства, которые российская судебная практика расценивает в качестве препятствий для признания арбитрабельности корпоративных споров, не распространяются на юридические лица, учрежденные за рубежом.

Конечно, на практике у правоприменителей встречаются и другие проблемы, касающиеся правильности определения доли в хозяйственном обществе у правообладателя, а также определения момента возникновения и прекращения обязательств по передаче доли. Так, решением Арбитражного суда Краснодарского края, оставленным без изменения постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда, в пользу ассоциации некоммерческих организаций «Ставропольсельхозздравница» взыскано с граждан Н и Х ... рублей, с

¹ См.: Определение ВАС РФ от 28 марта 2013 г. № ВАС-3311/13 по делу № А73-8579/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

В.В. Максимова – задолженность по договору купли-продажи. Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции оставил без изменения. В заявлении, поданном в Высший Арбитражный Суд РФ, о пересмотре в порядке надзора названных судебных актов указанные граждане просили отменить акты, ссылаясь на неправильное применение судами ст. 157 ГК РФ. Однако данное заявление так и не было удовлетворено по следующим основаниям.

Согласно ст. 190 ГК РФ, установленный законом, иными правовыми актами, сделкой или назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить. Таким образом, в силу ст. 190 ГК РФ срок может определяться указанием лишь на такое событие, которое не зависит от воли и действий сторон.

Между тем, как установлено судами, договором купли-продажи предусмотрено, что оплата доли покупателями (N и X) осуществляется после оформления ими правоустанавливающих документов на объекты недвижимости.

Указанное обстоятельство (оформление правоустанавливающих документов) не обладает признаком неизбежности наступления, поскольку зависит от воли покупателей доли, в связи с чем не подпадает под требование п. 2 ст. 190 ГК РФ, определяющего правила установления сроков.

Следовательно, суды при рассмотрении спора обоснованно исходили из того, что срок оплаты доли договором не определен.

Доводы заявителей о неправильном толковании судами ст. 157 ГК РФ отклоняются, поскольку положения данной статьи не подлежат применению к спорным правоотношениям¹.

В другом случае вопрос об определении доли в хозяйственном обществе возник у одного из его участников, посчитавшим нарушением заключение до-

¹ См.: Определение ВАС РФ от 5 апреля 2012 г. № ВАС-3439/12 по делу № А32-33325/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

говора дарения доли в уставном капитале между другим участником и третьим лицом, ссылаясь на два обстоятельства: несоблюдение преимущественного права этого участника на приобретение этой доли и отсутствие его согласия на отчуждение доли третьему лицу. Однако ФАС одного из округов посчитал такую сделку действительной, поскольку возмездность сделки не доказана; в силу устава общества и закона участник, безвозмездно передающий долю в уставном капитале третьему лицу, не обязан получать согласие общества или его остальных участников на отчуждение доли¹.

Самой многочисленной категорией корпоративных дел по спорам о долях в хозяйственных обществах можно назвать споры, связанные с наследованием доли в хозяйственном обществе.

По результатам обобщения может быть сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства, регулирующего отношения наследования долей в уставном капитале ООО. Следует прямо предусмотреть момент возникновения прав участника общества у лица, унаследовавшего долю в уставном капитале ООО (п. 1 ст. 1176 ГК РФ).

В отсутствие такого правового регулирования следует исходить из правовой позиции Президиума ВАС РФ, изложенной в Постановлении от 20 декабря 2011 г. № 10107/11, о переходе со дня открытия наследства к наследнику всех прав, удостоверяемых долей в уставном капитале ООО, и приобретении статуса участника общества, если уставом прямо не предусмотрено право участников давать согласие на переход доли в уставном капитале такого общества к наследникам участников общества².

Представляется необходимым, на наш взгляд, выделить следующие наиболее встречающиеся в судебной-арбитражной практике группы дел по спорам о долях в хозяйственных обществах, связанные с наследованием:

- 1) Споры об определении действительной доли в уставном капитале хозяй-

¹ См.: Постановление ФАС Уральского округа от 27 января 2014 г. № Ф09-12994/13 по делу № А60-13800/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 20 декабря 2011 г. № 10107/11 // СПС «КонсультантПлюс».

ственном обществе, получаемой лицом в результате ее наследования, а также приобретение в связи с этим статуса участника ООО.

Такого рода дела подведомственны арбитражным судам, поскольку они связаны с защитой (реализацией) права граждан на получение действительной стоимости доли в уставном капитале хозяйственного общества, входящей в состав наследственного имущества, и не является спором, возникшим из наследственных правоотношений, связанным с переходом имущественных прав и обязанностей в порядке универсального правопреемства от наследодателя к наследникам. АПК РФ не исключает из подведомственности арбитражных судов споры по требованиям о выплате действительной стоимости доли умершего участника его наследнику.

Вопросы выплаты действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью регулируются нормами Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ст. 23), а не положениями Гражданского кодекса РФ о наследовании.

К сожалению, на практике встречаются случаи, когда суды безосновательно прекращают производство по делу по данной категории споров со ссылкой на их не подведомственность арбитражным судам, что, безусловно, следует считать судебной ошибкой.

Однако ключевыми при разрешении таких споров стали вопросы о приобретении наследниками умершего участника ООО прав участника общества и моменте их возникновения у наследника, связанные с определением порядка приобретения лицом, унаследовавшим долю в уставном капитале ООО, статуса участника общества, что, в свою очередь, сопряжено с рядом проблем в толковании действующего законодательства.

В судебной практике федеральных арбитражных судов округов имеются различные подходы относительно момента, с которого наследник доли приобретает статус участника общества в зависимости от наличия в уставе ООО положения о согласии остальных участников общества на переход доли к наследнику, факта получения наследником свидетельства о праве на наследство, уве-

домления общества о приобретении права собственности на долю умершего участника, внесения в Единый государственный реестр юридических лиц (далее - ЕГРЮЛ) сведений о наследнике как участнике ООО.

ФАС СЗО высказывал в одном из постановлений мнение, в соответствии с которым если для перехода доли в уставном капитале общества к наследникам участника в случае его смерти согласия остальных участников общества не требовалось, то в силу прямого указания закона наследник становится участником общества со дня смерти наследодателя. Данный подход имел место при разрешении спора по заявлению гражданина, унаследовавшего 50% доли в уставном капитале ООО, о признании недействительными пунктов устава общества в редакции зарегистрированных ИФНС изменений и дополнений, согласно которым единственным участником ООО является другое юридическое лицо, или в случае наследования доли в уставном капитале ООО умершего супруга.

Согласно другому подходу, отраженному в Постановлениях ФАС Волго-Вятского округа от 18 ноября 2010 г. по делу № А39-765/2010 и ФАС Центрального округа от 4 августа 2011 г. по делу № А36-3192/2010, наследник доли приобретает статус участника общества с момента внесения сведений о нем в ЕГРЮЛ. Считается, что наследник приобретает статус участника общества с момента внесения сведений о нем в ЕГРЮЛ в случае, если такие сведения внесены на основании решения суда, учитывая, что в уставе общества не предусмотрено получение согласия остальных участников для перехода доли к наследнику.

Ответ на вопрос о том, признается ли наследник доли в уставном капитале ООО его участником с момента открытия наследства, дан Президиумом ВАС РФ в Постановлении от 20 декабря 2011 г. № 10107/11. Как подчеркнул Президиум ВАС РФ, в силу п. 4 ст. 1152 ГК РФ принятое наследство признается принадлежащим наследнику в полном объеме со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия. Исходя из этой нормы, со дня открытия наследства к наследнику переходят все права, удостоверяемые долей в

уставном капитале ООО, и он приобретает статус участника общества, если уставом прямо не предусмотрено право участников давать согласие на переход доли в уставном капитале такого общества к наследникам участников общества¹.

Ряд вопросов, вызывающих затруднения в судебной практике, связан с порядком выражения согласия (отказа) на принятие в ООО наследника доли и последствиями отказа, и выплатой наследнику в связи с таким отказом действительной стоимости унаследованной им доли.

Пунктом 10 ст. 21 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» определены условия, при которых согласие на переход доли к наследнику считается полученным.

В случае если Законом «Об обществах с ограниченной ответственностью» и (или) уставом общества предусмотрена необходимость получить согласие участников общества на переход доли или части доли в уставном капитале общества к третьему лицу, такое согласие считается полученным при условии, что всеми участниками общества в течение тридцати дней или иного определенного уставом срока со дня получения соответствующего обращения или оферты обществом в общество представлены составленные в письменной форме заявления о согласии на отчуждение доли или части доли на основании сделки или на переход доли или части доли к третьему лицу по иному основанию либо в течение указанного срока не представлены составленные в письменной форме заявления об отказе от дачи согласия на отчуждение или переход доли или части доли.

При этом Законом «Об обществах с ограниченной ответственностью» прямо не предусмотрен срок, в течение которого участники общества могут отказать наследнику в принятии его в общество, а равно и период времени, в течение которого общество обязано выплатить такому наследнику действительную

¹ См.: Постановления ФАС Волго-Вятского округа от 18 ноября 2010 г. по делу № А39-765/2010, ФАС Центрального округа от 4 августа 2011 г. 2011 г. по делу № А36-3192/2010, Постановление Президиума ВАС РФ от 20 декабря 2011 г. № 10107/11 // СПС «КонсультантПлюс»

стоимость доли.

Из общего правила, установленного п. 8 ст. 23 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», следует, что общество обязано выплатить наследнику действительную стоимость доли или выдать в натуре имущество такой же стоимости в течение года со дня перехода доли к обществу, если меньший срок не предусмотрен данным Законом или уставом общества.

С учетом факта приобретения наследником прав участника общества и момента такого приобретения подлежат разрешению иски о защите корпоративных прав, в том числе права на получение части прибыли от деятельности общества, права выхода из общества и получения действительной стоимости доли.

Также на практике не редки случаи, когда арбитражные суды удовлетворяют требования о признании недействительным решения общего собрания участников ООО, принятого в день смерти одного из участников общества.

Отмечая то обстоятельство, что в период между датой открытия наследства и датой выдачи свидетельства о праве собственности на наследство временно возникает неопределенность состава участников ООО, требуется принять меры по устранению такой неопределенности в целях реализации прав, удостоверенных наследуемой долей в уставном капитале ООО, обеспечения баланса интересов наследников выбывшего участника и продолжения деятельности самого общества. В этих целях в соответствии с п. 8 ст. 21 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» до принятия наследником умершего участника общества наследства управление его долей в уставном капитале общества осуществляется в порядке, предусмотренном ГК РФ.

На основании п. 2 ст. 1171 ГК РФ нотариус принимает меры по охране наследства и управлению им по заявлению одного или нескольких наследников, исполнителя завещания, органа местного самоуправления, органа опеки и попечительства или других лиц, действующих в интересах сохранения наследственного имущества. В случае, когда назначен исполнитель завещания (статья 1134 ГК РФ), нотариус принимает меры по охране наследства и управлению им

по согласованию с исполнителем завещания.

2) Споры о подведомственности перехода права доли в уставном капитале хозяйственного общества в результате наследования.

Требуется обратить внимание и на другую группу споров, связанных с наследованием доли в хозяйственном обществе. Как верно обращают внимание некоторые исследователи в области корпоративного процесса, наличие вступившего в законную силу решения о присуждении акций или долей в капитале, а также пая в кооперативе не является достаточным условием для возникновения статуса участников коммерческих организаций корпоративного типа. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 111 ГК РФ в случае смерти члена производственного кооператива его наследники могут быть приняты в члены кооператива, если иное не предусмотрено его уставом. Уставом общества с ограниченной ответственностью может быть предусмотрено, что переход доли в уставном капитале к наследникам граждан, являвшихся участниками общества, допускаются только с согласия остальных участников общества (ч. 6 ст. 93 ГК РФ). А для лиц, приобретающих статус участника акционерного общества, необходимым (завершающим) элементом юридического состава является внесение соответствующих записей в реестр акционеров. В случае подачи иска, в котором одни требования подведомственны судам общей юрисдикции, а другие - арбитражным судам, то при возможности их разделения без вреда для их рассмотрения и разрешения, нужно их разъединить с вынесением определения о прекращении производства по делу в одном из судов в связи с неподведомственностью части из заявленных требований¹.

В свою очередь, позиция судов общей юрисдикции совершенно иная и направлена на четкость разграничения наследственных и корпоративных отношений по вполне объяснимым признакам: если гражданин умер и оставил наследство в виде доли в уставном капитале, имущественного пая и т.д., то это не дает оснований признавать эти отношения корпоративными не при каких

¹ См.: Молчанова В.П. Малое предпринимательство и перспективы его развития в России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 45-47.

условиях.

Так, вопрос о взыскании стоимости имущественного пая, дивидендов, процентов за пользование чужими денежными средствами направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции, так как данный спор подведомственен суду общей юрисдикции, поскольку истцом заявлены требования по наследственному спору в отношении его прав на имущественный пай и не влияют напрямую на корпоративные отношения внутри открытого акционерного общества¹.

Другая разновидность корпоративных споров как дела, вытекающие из деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью. Применительно к вопросам разграничения компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов эти дела представляют интерес ввиду возможной конкуренции п. 9 ст. 225.1 АПК РФ с нормами гл. 37 ГПК РФ, регламентирующей рассмотрение судами общей юрисдикции заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении.

Согласно ст. 49 Основ законодательства РФ о нотариате заинтересованное лицо, считающее неправильным совершенное нотариальное действие или отказ в совершении нотариального действия, вправе подать об этом жалобу в районный суд по месту нахождения государственной нотариальной конторы (нотариуса, занимающегося частной практикой); возникший между заинтересованными лицами спор о праве, основанный на совершенном нотариальном действии, рассматривается судом или арбитражным судом в порядке искового производства.

Сделка, направленная на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, подлежит нотариальному удостоверению; несоблюдение нотариальной формы влечет за собой недействительность этой сделки. Данное нотариальное действие в п. 9 ст. 225.1 АПК РФ не указано. Следовательно, по формальным признакам заявление об отказе в удостоверении подлинности

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 13-В12-1 // СПС «КонсультантПлюс».

подписи подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции по месту нахождения нотариуса. В связи с этим следует не согласиться с позицией арбитражных судов не выделять из состава сложного корпоративного конфликта дел, дела, связанные с оспариванием нотариальных действий по заверению подлинности подписи на заявлении участника общества с ограниченной ответственностью или самого общества об отказе от использования преимущественного права покупки доли или части доли и нотариальных действий по удостоверению сделок с долями в уставном капитале ООО, и, следовательно, рассматривать их по правилам ст. 225.1 АПК РФ.

3) Споры о признании права на долю в уставном капитале ООО.

Действующим законодательством прямо предусмотрен способ защиты нарушенного права лица, утратившего долю в результате противоправных действий третьих лиц или иным путем помимо своей воли, в виде признания за ним права на данную долю с одновременным лишением права на такую долю добросовестного приобретателя¹.

Частью 17 ст. 22 Закона № 208-ФЗ предусмотрено, что если доля или часть доли в уставном капитале общества возмездно приобретена у лица, которое не имело права ее отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), лицо, утратившее долю или часть доли, вправе требовать признания за ним права на данные долю или часть доли в уставном капитале общества с одновременным лишением права на данные долю или часть доли добросовестного приобретателя при условии, что данные доля или часть доли были утрачены в результате противоправных действий третьих лиц или иным путем помимо воли лица, утратившего долю или часть доли.

Так, в одном из дел было обнаружено, что истцы, являясь наследниками участника общества, узнали о том, что второй участник стал единственным участником и впоследствии передал права на долю третьему лицу, в результате чего обратились с требованием о признании права на долю в уставном капитале

¹ См.: Марданова Г.Д. Развитие малого предпринимательства в сфере услуг: на примере Удмуртской республики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 4-5.

ООО. В результате требование удовлетворено, поскольку подтверждено, что наследодатель исполнил обязанность по внесению вклада в уставный капитал ООО, а также что отсутствовала воля наследодателя на выход из числа участников общества. Кроме того, уставом ООО предусмотрен переход доли к наследникам участника независимо от согласия общества или других участников¹.

Во многих случаях арбитражные суды отказывают в удовлетворении требования о признании права собственности на долю в уставном капитале ООО, поскольку истцом в материалы дела не представлены доказательства оспаривания кем-либо из участников общества данного права заявителя.

Ну, и последняя, на наш взгляд, группа корпоративных споров, связанных с определением доли в уставном капитале хозяйственного общества – споры, связанные с увеличением или уменьшением доли в хозяйственном обществе в результате увеличения или уменьшения его уставного капитала.

Одной из основных причин обращения в арбитражный суд с такими исками следует назвать заблуждение истцов о том, что их доля уменьшилась из-за совершения какой-либо сделки, поэтому они обращаются с требованием о признании такой сделки недействительной. На самом деле, изменение размера доли в уставном капитале произошло из-за увеличения или уменьшения размера самого уставного капитала².

Между тем, в процессе осуществления деятельности у ООО может возникнуть необходимость увеличить уставный капитал. Это достигается обычно двумя путями: за счет имущества самого общества, за счет дополнительных вкладов в уставный капитал.

На сегодняшний день судебные споры, связанные с увеличением уставного капитала ООО, касаются следующих вопросов:

– внесение изменений в учредительные документы общества в связи с уве-

¹ См.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 24 марта 2014 г. по делу № А42-3191/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Определение ВАС РФ от 27 июня 2013 г. № ВАС-8389/13 по делу № А55-29316/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

личением уставного капитала общества с ограниченной ответственностью;

– требования к решению об увеличении уставного капитала общества с ограниченной ответственностью;

– основания для признания увеличения уставного капитала ООО за счет дополнительных вкладов его участников и вкладов третьих лиц, принимаемых в общество, несостоявшимся;

– срок давности по требованиям о признании увеличения уставного капитала общества с ограниченной ответственностью несостоявшимся;

– правовая природа внесения дополнительного вклада в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью;

– взыскание дополнительного вклада в случае признания увеличения уставного капитала общества с ограниченной ответственностью несостоявшимся;

– доказательства внесения вкладов в уставный капитал общества¹.

Например, внесение дополнительного вклада в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью является дополнительной обязанностью участника общества, только если он голосовал за принятие решения об увеличении уставного капитала.

Суд исходит из того, что участник не выразил свою волю на возложение на него обязанности по внесению дополнительного вклада в уставный капитал ООО, поэтому требовать исполнения от него этой обязанности неправомерно.

Кроме того, суд указал, что решение об увеличении уставного капитала было принято обществом не только против воли участника, но и в его отсутствие.

Если лицо все-таки внесло вклад (дополнительный вклад) в уставный капитал, но увеличение уставного капитала общества не состоялось, то внесенные вклады взыскиваются с общества как неосновательное обогащение.

Закон об обществах с ограниченной ответственностью не содержит поло-

¹ См.: Федеральный закон Российской Федерации «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

жений о том, какими доказательствами должен подтверждаться факт внесения участниками и третьими лицами вкладов в уставный капитал общества. Вместе с тем получить и представить соответствующие подтверждения необходимо, если споры касаются признания состоявшимся (несостоявшимся) увеличения уставного капитала общества или приобретения статуса участника общества третьим лицом.

В связи с вышеизложенным на практике возникает вопрос: какими документами можно подтвердить факт внесения вкладов в уставный капитал общества? Исходя из практики, внесение вклада в уставный капитал общества могут доказывать заявление о государственной регистрации изменений в учредительные документы общества, связанных с увеличением уставного капитала; устав и учредительный договор, содержащие сведения об увеличении уставного капитала; протоколы собраний.

В процессе осуществления деятельности у общества с ограниченной ответственностью может возникнуть необходимость уменьшить уставный капитал, в том числе вследствие отрицательного размера стоимости чистых активов общества, что следует учитывать при рассмотрении споров в арбитражных судах¹.

Уменьшению уставного капитала ООО посвящена ст. 20 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», регламентирующая порядок уменьшения уставного капитала общества, применение которого вызывает ряд проблем. Уменьшение уставного капитала общества может осуществляться путем уменьшения номинальной стоимости долей всех участников общества в уставном капитале общества и (или) погашения долей, принадлежащих обществу.

На сегодняшний день судебные споры, связанные с уменьшением уставного капитала ООО, касаются следующих вопросов:

– об определении действительной стоимости доли, подлежащей выплате участнику в связи с его выходом из общества с ограниченной ответственностью

¹ См.: Малеева В.А. Совершенствование механизма государственного регулирования развития малого предпринимательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 15.

стью;

– о применении положений о сделках с заинтересованностью при выплате обществом с ограниченной ответственностью действительной стоимости доли, вышедшему участнику;

– об оспаривании решения ООО об уменьшении или отчуждении доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью через общество;

– о признании сделки по отчуждению доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, заключенной с нарушением преимущественного права, недействительной;

– о внесении изменений в уставе общества с ограниченной ответственностью положения, обязывающего получить согласие участников общества на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам.

Заключение

Проведя диссертационное исследование, можно сделать вывод о том, что анализ положения Закона о развитии предпринимательства позволяет нам утверждать, что в настоящее время создается многоуровневая и малоэффективная система институтов поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, предполагающая распределение полномочий между федеральными и региональными уровнями государственной власти и органами местного самоуправления. При этом логика законодателя заключается в том, что государственные органы и органы местного самоуправления оказывают поддержку не самим субъектам малого предпринимательства (за исключением субъектов малого предпринимательства, ориентированных на экспорт товаров), а поддерживают организации, составляющие инфраструктуру поддержки. В рамках такой логики организации инфраструктуры должны оказывать поддержку субъектам малого и среднего предпринимательства. Соответственно механизм функционирования именно этой инфраструктуры должен быть отрегулирован наиболее четко.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) целевые ориентиры поддержки и развития малого предпринимательства должны исходить из необходимости сочетать интересы как государства, так и субъектов малого и среднего предпринимательства с упором на создание максимально благоприятного климата для развития таких субъектов;

2) государственные программы поддержки и развития малого предпринимательства практически не достигли ожидаемых результатов, и субъекты малого предпринимательства развиваются не благодаря поддержке государства, а преодолевая административные барьеры, воздвигаемые государством;

3) смена политики в области поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства проходит без широкого научного обсуждения, основанного на научном анализе развития малого предпринимательства не только в Российской Федерации, но и за рубежом;

4) для создания и функционирования полноценного института поддержки и развития субъектов малого и среднего предпринимательства должны быть установлены формы поддержки, создан правовой механизм реализации конкретной формы поддержки и определены субъекты, полномочные осуществлять конкретный механизм.

Арбитражные суды являются компонентом системы поддержки малого предпринимательства в том смысле, что именно в этих органах государственной власти субъекты малого предпринимательства могут обосновать нарушение своих прав и добиться их защиты.

Актуальной в последнее время становится защита преимущественного права арендатора на получение в собственность занимаемого им по договору аренды объекта недвижимости.

При определении критериев баланса между частным и публичным интересами в вопросах приватизации государство устанавливает приоритет прав предпринимателей над публичным (государственным) интересом. Законодательное установление гарантий льготной приватизации для субъектов малого и среднего предпринимательства, как и конституционные гарантии права частной собственности, входит в основное содержание конституционного права на сво-

бодное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности.

В соответствии с АПК РФ к корпоративным спорам отнесены споры, связанные с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также в некоммерческом партнерстве, ассоциации (союзе) коммерческих организаций, иной некоммерческой организации, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей, некоммерческой организации, имеющей статус саморегулируемой организации в соответствии с федеральным законом. В том числе корпоративными считаются споры: связанные с реорганизацией и ликвидацией юридического лица; связанные с принадлежностью акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паев членов кооперативов, установлением их обременений и реализацией вытекающих из них прав. Исключение составляют споры, вытекающие из деятельности депозитариев, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, споры, возникающие в связи с разделом наследственного имущества или разделом общего имущества супругов, включающего в себя акции, доли в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, паи членов кооперативов; по искам учредителей, участников, членов юридического лица о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и (или) применении последствий недействительности таких сделок; связанные с назначением или избранием, прекращением, приостановлением полномочий и ответственностью лиц, входящих или входивших в состав органов управления и органов контроля юридического лица, а также споры, возникающие из гражданских правоотношений, между указанными лицами и юридическим лицом в связи с осуществлением, прекращением, приостановлением полномочий указанных лиц;; вытекающие из деятельности держателей реестра владельцев ценных бумаг, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, с осуществлением держателем реестра владельцев ценных бумаг иных прав и обязанностей, предусмотрен-

ренных федеральным законом в связи с размещением и (или) обращением ценных бумаг; о созыве общего собрания участников юридического лица; об обжаловании решений органов управления юридического лица; вытекающие из деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью.

Для законодательного обеспечения нормального развития и эффективной деятельности малых предпринимателей на различных этапах социально-экономических реформ, происходящих в России, необходима разработка правовых актов, охватывающих основные вопросы деятельности малого предприятия и его взаимодействия с органами власти всех уровней, с институциональными структурами, судебными и правоохранительными органами. При этом система этих актов должна воспринять в себя наиболее эффективные и прогрессивные элементы рыночного законодательства стран с устоявшимися традициями содействия малому предприятию в условиях цивилизованной рыночной экономики.

Если говорить о магистральных перспективах развития цивилистического процессуального законодательства на ближайшее время, то следует заметить, что в настоящее время существует несколько основных концепций такого развития. Одни ученые и практики предлагают оставить прежнее процессуальное регулирование, подразумевающее наличие как АПК РФ, так и ГПК РФ, поскольку система арбитражных судов остается незыблемой. По мнению других, целесообразно задуматься над созданием единого Гражданского процессуального кодекса РФ, который бы вобрал в себя прежнее процессуальное законодательство и учел наработки правоприменительной судебной практики в соответствующей области знаний. Видимо, после всесторонних обсуждений проблемы будет выбран наиболее оптимальный вариант гражданского процессуального регулирования, однако при любом развитии ситуации, как нам представляется, в будущем процессуальном законе должны быть закреплены специальные правовые формы, средства и режимы, которые бы создавали наиболее благоприятную юридическую среду, связанную с защитой прав, свобод и законных инте-

ресов субъектов малого предпринимательства. Ведь именно малые предприниматели во всем мире являются основой экономического развития, именно они становятся основными работодателями и налогоплательщиками. В этом смысле особые процессуальные режимы должны обеспечивать стабильность материально-правовых отношений с участием субъектов малого предпринимательства в Российской Федерации.

Библиографический список использованной литературы:

Нормативные правовые акты

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета от 10 декабря 1998 г.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 2. ст. 163.
3. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 04.07.2014 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.
4. Закон СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-1 «О предприятиях в СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 25. Ст. 460.
5. Закон РФ от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов» (ред. от 01.07.1993 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. № 18. Ст. 572.
6. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 05.05.2014 г.) // Собр. законодательства. 1992. № 7. С. 4587.

7. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 12.12.2014 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 30. Ст. 1792.
8. Федеральный закон от 14 июня 1995 г. № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 02.02.2006 г.) // Собр. законодательства. 1995. № 25. Ст. 2343 (утратил силу).
9. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 31.12.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. ст. 3012.
10. Концепция государственной политики поддержки и развития малого предпринимательства в Российской Федерации от 19 декабря 2001 г. // СПС Консультант Плюс. 2012.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 04.11.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 22.10.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301; 2009. № 52. ч. 1. ст. 6428.
14. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.12.2014 г.) // Собр. Законодательства РФ. 2002. № 46. ст. 4532; 2010. № 30. ст. 4009.
15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 12.02.2015 г.) // Собр. Законодательства РФ. 2002. № 1. ст. 1; 2010. № 31. ст. 4208.
16. Федеральный конституционный закон РФ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 05.02.2014 г.) // Собр. Законодательства РФ. 1997. № 1. ст. 1; 2009. № 52. ч.1. ст. 6402.

17. Федеральный конституционный закон РФ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 06.08.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 13. ст. 1447; 2009. № 23. ст. 2754.
18. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (ред. от 22.12.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 1995. № 18. ст. 1589.
19. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 17.02.2015 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. ст. 366.
20. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
21. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» // Собр. законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.
22. Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ (ред. от 21.11.2011 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.
23. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 29.12.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 43. ст. 4190.
24. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 04.06.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
25. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. 22.12.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 4. ст. 4849.
26. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

27. Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 195-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части формирования благоприятных налоговых условий для финансирования инновационной деятельности» // Собр. законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 3991.
28. Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 02.07.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 1). Ст. 3615.
29. Федеральный закон 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2009. № 29. ст. 3642.
30. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2010. № 31. ст. 4197.
31. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ред. от 23.07.2013 г.) // Собр. законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
32. Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (ред. от 21.07.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 898.
33. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (ред. от 04.11.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.
34. Федеральный закон от 05 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о при-

- знании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.
35. Указ Президента РФ «О мерах по реализации закона РФ «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25. Ст. 1429.
36. Указ Президента РФ от 11 января 1995 г. № 32 «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период» // Собр. законодательства РФ. 1995. № 5. Ст. 394.
37. Постановление Правительства РФ от 22 июля 2008 г. № 556 «О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства» // Собр. законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3642.
38. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре в области защиты прав потребителей» от 2 мая 2012 г. № 412 // Собр. законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2435.
39. Постановление Правительства РФ от 9 февраля 2013 г. № 101 «О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства» // Собр. законодательства РФ. 2013. № 7. Ст. 646.
40. Письмо Минэкономразвития и ФАС от 29 апреля 2008 г. № 5684-АП/Д05/АЦ/10329 // СПС «КонсультантПлюс».
41. Письмо Минэкономразвития от 20 мая 2008 г. № Д05-1891; Письмо Минэкономразвития России и ФАС от 18 августа 2009 г. № АЦ/27510, 13497-АП/Д05 // СПС «КонсультантПлюс».

Монографии, комментарии, учебники и учебные пособия

42. Авдюков М.С. Советский гражданский процесс. М., 1952. 420 с.

43. Аверин А.В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей: Проблемы теории и практики / Под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2003. 308 с.
44. Алексеев С.С. Право: азбука - теория-философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.
45. Баренбойм П. 3000 лет доктрине разделения властей. Суд Сьютера. М., 1996. 176 с.
46. Беляева О.А. Предпринимательское право: учебное пособие. 2-е изд., исп. и доп. / Под ред. В.Б. Ляндреса. М., 2011. 450 с.
47. Бербешкина З.А. Справедливость как социально-философская категория. М., 1983. 160 с.
48. Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992. 320 с.
49. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. 215 с.
50. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. 411 с.
51. Баранов В.М. Истинность норм советского права. Саратов, 1989. 400 с.
52. Бугаенко Н.В., Кратенко М.В. Судебная практика по гражданским делам. Споры о защите прав потребителей: научно-практическое пособие. М., 2013. 175 с.
53. Гомьен Д., Харрис Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия. М., 1998. 600 с.
54. Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2000. 420 с.
55. Гражданское право / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М., 2005. 340 с.
56. Гражданское процессуальное право / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. 315 с.
57. Григорьева Т.А. Арбитражная юрисдикция в современной России. Саратов, 2002. 475 с.
58. Грудцына Л.Ю., Спектор А.А., Туманов Э.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии ма-

- лого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (постатейный). М. 2010. 150 с.
59. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1996. Т. 3. 630 с.
60. Долинская В.В., Фалеев В.В. Миноритарные акционеры: статус, права и их осуществление / Отв. ред. В. В. Долинская. М., 2010. 120 с.
61. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. Т. 1 / Пред. ред. коллегии В.А. Туманов. М., 2000. 450 с.
62. Евстифеева Т.И. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов, 2002. 135 с.
63. Золотухина Т.А. Постатейный комментарий к новой редакции Закона РФ «О защите прав потребителей». М., 2007. 150 с.
64. Зусь Л.Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования. Владивосток, 1972. 107 с.
65. Карпов В.В., Лукина Я.В. Малые предприятия. М., 2008. 150 с.
66. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. 448 с.
67. Клеандров М.И. Разрешение экономических споров в СНГ. Тюмень, 1997. 100 с.
68. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. Г.А. Жилина. М., 2003. 475 с.
69. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. СПб., 2001. 384 с.
70. Макаров Ю.Я. Доказательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей: учебное пособие. М., 2010. 215 с.
71. Международное право / Отв. ред. Г. И. Тункин. М., 1994. 450 с.
72. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. 160 с.
73. Нашиц А. Правотворчество: Теория и законодательная техника. М., 1974. 256 с.
74. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-н/Д, 2002. 288 с.

75. Ожегов С. Словарь русского языка. М., 1989. Т. 1. 250 с.
76. Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М., 2008. 248 с.
77. Осипенко О.В. Корпоративный контроль: экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. М., 2013. 315 с.
78. Предпринимательское право Российской Федерации / Отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М., 2007. 480 с.
79. Приходько И.А. Арбитражный процессуальный кодекс РФ (постатейный) / Под ред. А.А. Власова. М., 2004. 250 с.
80. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М., 2006. 150 с.
81. Российское обозрение малых и средних предприятий – 2001 / Под ред. С. Бэтстоуна, В.М. Широнова. М., 2002. 345 с.
82. Сатаров Г.А., Римский В.Л., Благовещенский Ю.Н. Социологическое исследование российской судебной власти. М., 2010. 236 с.
83. Сергейко П.Н. Законность, обоснованность и справедливость судебных актов. Краснодар, 1974. 210 с.
84. Советский и гражданский процесс / Под ред. А.А. Добровольского. М., 1979. 250 с.
85. Супатаев М.А. К проблеме понятия субъекта малого предпринимательства // Правовые проблемы малого предпринимательства / Отв. ред. Т.М. Гандилов. М., 2001. 137 с.
86. Сырых В. М. Герменевтический круг как методологический тупик // Современные методы исследования в правоведении / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007. 450 с.
87. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. М., 2002. 528 с.
88. Хрестоматия по истории Древнего Рима. М., 1987. 400 с.
89. Федоренко Н.В. Правовые основы деятельности арбитражных судов Российской Федерации. М., 2005. 169 с.

90. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. 427 с.
91. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 87 с.
92. Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966. 56 с.
93. Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М., 1969. 167 с.
94. Энциклопедический политический словарь. М., 2012. 350 с.
95. Гражданский процесс. Под ред. К. С. Юдельсона. М., 1972. 250 с.

Статьи в журналах, научных сборниках

96. Алиев Т.Т., Афанасьев С.Ф. К вопросу об основаниях для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решений, определений суда, вступивших в законную силу, предусмотренных ГПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 5. С. 29-33.
97. Алешкин А.И. Понятие субъекта малого предпринимательства и законодательство, регулирующее правоотношения в данной сфере // Предпринимательское право. 2010. № 4. С. 23-27.
98. Андреева Т.К. Арбитражные суды в судебной системе РФ // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 35-40.
99. Андреева Т.К. О подведомственности дел арбитражным судам // Хозяйство и право. 1997. № 8. С. 134-143.
100. Андриановская И. И. Проявление категории «справедливость» в праве. Интернет журнал СахГУ «Наука, образование, общество» // URL статьи: <http://journal.sakhgu.ru/work.php?id=54>.
101. Афанасьев С.Ф. Институциональный элемент права на справедливое судебное разбирательство в интерпретации Европейского Суда по правам человека // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России. Сборник

- материалов международной научно-практической конференции. Саратов, 2007. С. 35-47.
102. Баяркина Н.П. Защита миноритарных акционеров // Безопасность бизнеса. 2012. № 1. С. 34-35.
103. Белоусов Ю.В. Основные направления развития гражданского процессуального законодательства Украины // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Саратов, 2007. С. 45-48.
104. Бимбад А.Я. Защита прав приоритетного приобретения имущества субъектами малого и среднего предпринимательства // Юрист. 2011. № 8. С. 45-50.
105. Валявина Е.Ю. Актуальные вопросы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в современных условиях (в практике арбитражных судов) // Журнал российского права. 2011. № 1. С. 5-13.
106. Викут М.А. О лицах, участвующих в судебном гражданском деле // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Саратов, 2007. С. 9-11.
107. Винницкий А.В. Публично-правовые основы государственной и муниципальной имущественной поддержки // Административное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 13-20.
108. Габов А.В., Забитов К.С. Роль Конституционного Суда в защите прав миноритарных акционеров // Закон. 2012. № 1. С. 108-122.
109. Гильмиярова А.Ф. Методы государственного воздействия на предпринимательскую активность малого и среднего бизнеса // Безопасность бизнеса. 2011. № 3. С. 2-5.
110. Григорьева Т.А. Проблемы правосубъектности миноритарных акционеров в арбитражном процессе // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 2. С. 203-209.

111. Григорьева Т.А., Соловьева И.Е. Меры защиты прав миноритарных акционеров в арбитражном процессе // Цивилист. 2012. № 4. С. 101-105.
112. Давтян А.Г. Развитие теории принципов в гражданском процессуальном праве Армении // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2004. С. 247-256.
113. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. С. 5-10.
114. Дергунов И.А. О совершенствовании механизма защиты прав миноритариев при реорганизации акционерного общества // Безопасность бизнеса. 2013. № 2. С. 2-5.
115. Долинская В.В., Фалеев В.В. Миноритарные акционеры: понятие и общая характеристика положения // Цивилист. 2009. № 4. С. 77-87.
116. Жуйков В.М. Всероссийская научно-практическая конференция «АПК и ГПК 2002 года: сравнительный анализ и актуальные проблемы правоприменения» // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 5. С. 13-16.
117. Журбин Б.А. Проблемы рассмотрения производных исков // Адвокатская практика. 2005. № 2. С. 40-41.
118. Замазий А.В. Об арбитрабельности корпоративных споров третейским судам // Третейский суд. 2012. № 3. С. 3-5.
119. Занкина Ю.А. Понятие и сущность прав человека // Адвокатская практика. 2005. № 1. С. 23-28.
120. Зубович М.М. Правовая защита субъектов малого и среднего бизнеса в России // Сибирский юридический вестник. 2001. № 2. С. 23-26.
121. Ибадова Л.Т. Новеллы Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Цивилист. 2008. № 1. С. 13-15.
122. Исаенкова О.В. Принципы исполнительного права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2003. № 1 (34). С. 86-96.

123. Клейн Н.И. О развитии арбитражного процессуального законодательства // Журнал российского права. 2010. № 4. С. 5-20.
124. Конова Ф.Р. Правовые последствия несоблюдения правил подведомственности // Администратор суда. 2009. № 4. С. 18-21.
125. Малявкина Л.И. Учет в организациях, применяющих разные режимы налогообложения // Бухгалтерский учет. 2004. № 7. С. 12-13.
126. Мельников А.А. Гражданские процессуальные правоотношения // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 51-57.
127. Молотников А.Е. Проблемы взаимодействия и правового регулирования контролирующих, крупных и миноритарных акционеров в России // Предпринимательское право. 2009. № 1. С. 2-7.
128. Нешатаева Т.Н., Павлова А.В. Новый ГПК РФ и международно-правовые стандарты // Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2004. С. 91-97.
129. Оболонкова Е.В. Вопросы применения арбитражными судами федерального законодательства о поддержке малого и среднего бизнеса // Законодательство и экономика. 2010. № 8. С. 71-73.
130. Потапенкова Т.А. Важнейшие направления совершенствования правового регулирования малого и среднего предпринимательства // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 20-22.
131. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Понятие и история прав человека // http://society.polbu.ru/pugachev_politology/ch13_i.html.
132. Ринг М. П. К вопросу о гражданских процессуальных правоотношениях // Учен. зап. ВШОН, М., 1963. Вып. 16. С. 14-20.
133. Рудкина Е.Ю. Защита интересов миноритариев // Безопасность бизнеса. 2006. № 1. С. 45-46.
134. Сангаджиева Ю.В. Проблемы регулирования участия физических лиц в осуществлении правосудия по экономическим спорам // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 11. С. 13-16.

135. Свечникова И.В. Выбор надлежащего способа при защите права собственности // Право и экономика. 2007. № 10. С. 25-28.
136. Семенушкина А.М. Правовые аспекты понятия субъектов малого и среднего предпринимательства // Предпринимательское право. 2009. № 4. С. 18-22.
137. Смагина И.А. Налогообложение субъектов малого предпринимательства // Право и экономика. 2009. № 11. С. 38-44.
138. Сытова Е.В. Стимулирование малого и среднего бизнеса в условиях кризиса // Налоги (газета). 2009. № 26. С. 176-178.
139. Трапезникова Т.А., Алексеев А.Е. Оставление исковых заявлений без движения и их возвращение // Арбитражная практика. 2007. № 3. С. 53-64.
140. Федоренко Н.В., Честных Е.Н. Корпоративная реформа: процессуальный аспект // ЭЖ-Юрист. 2006. № 27. С. 12-17.
141. Шакарян М.С. Как долго будет «улучшаться» ГПК? // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 37-39.

Диссертации и авторефераты диссертаций

142. Брюховецкая С.В. Система государственной поддержки малого предпринимательства на региональном уровне: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1997. С. 26.
143. Бимбад А.Я. Государственная имущественная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 23.
144. Иванченко В.Р. Методические особенности оценки конкурентоспособности малого предпринимательства Приморского региона (на примере Калининградской области): Дис. ... канд. эконом. наук. Калининград, 2012. С. 156.
145. Малеева В.А. Совершенствование механизма государственного регулирования развития малого предпринимательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 23.

146. Марданова Г.Д. Развитие малого предпринимательства в сфере услуг: на примере Удмурдской республики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 24.
147. Молчанова В.П. Малое предпринимательство и перспективы его развития в России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 158.
148. Сапегин Д.А. Совершенствование системы инфраструктурного обеспечения развития малого предпринимательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 25.
149. Юков М.К. Структурно-сложное содержание гражданских процессуальных правоотношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 23.

Судебная правоприменительная практика

150. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 16 октября 2012 г. по делу № 33-20629/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
151. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 15 сентября 2013 г. № 33-13/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
152. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05 ноября 2009 г. № 134 «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 12.
153. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 1998 г. (по гражданским делам) (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 2 декабря 1998 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
154. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № ВАС-8389/13 по делу № А55-29316/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

155. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 марта 2013 г. № ВАС-3311/13 по делу № А73-8579/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
156. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 апреля 2012 г. № ВАС-3439/12 по делу № А32-33325/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
157. Определение Верховного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 13-В12-1 // СПС «КонсультантПлюс».
158. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 07.02.2013 № ВАС-442/13 по делу № А40-151438/09-132-974, А40-7544/11-131-82 // СПС «Консультант Плюс».
159. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 июля 2010 г. № ВАС-5153/10 по делу № А70-6551/2009 // СПС «Консультант Плюс».
160. Определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2011 № 8-О-П «По жалобе открытого акционерного общества «Нефтяная компания «Роснефть» на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца первого пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 6. 2011.
161. Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 681-О-П // Конституционный Суд РФ СПС «КонсультантПлюс».
162. Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 714-О-П // СПС «КонсультантПлюс».
163. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 ноября 2011 г. № 18АП-9693/11// СПС «КонсультантПлюс»
164. Постановление Европейского суда по правам человека «Бурдов против России» от 7 мая 2002 г. № 59498 // СПС «КонсультантПлюс».
165. Постановление Европейского суда по правам человека «Игнаколло-Зенид против Румынии» от 25 января 2000 г. № 31679/96 // СПС «Консультант-Плюс».
166. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П // СПС «КонсультантПлюс».

167. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 14-П // СПС «КонсультантПлюс».
168. Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июня 2011 г. № 55 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» // СПС «КонсультантПлюс».
169. Постановление Президиума ВАС РФ от 09.02.2010 № 14236/09 по делу № А40-76049/08-10-538 // СПС «КонсультантПлюс».
170. Постановление Президиума ВАС РФ от 20 декабря 2011 г. № 10107/11 // СПС «КонсультантПлюс».
171. Постановление Президиума ВАС РФ от 20 декабря 2011 г. № 10107/11 // СПС «КонсультантПлюс».
172. Постановление Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // СПС «КонсультантПлюс».
173. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 ноября 2010 г. № 15АП-12440/2010 по тому же делу // СПС «КонсультантПлюс».
174. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 сентября 2011 г. по делу № А50-4765/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
175. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 17 октября 2012 г. № А43-4875/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
176. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 18 ноября 2010 г. по делу № А39-765/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
177. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 25.12.2009 по делу № А19-8877/09 // СПС «КонсультантПлюс».
178. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 16 июня 2010 г. по делу № А45-21681/2008 // СПС «КонсультантПлюс».
179. Постановление ФАС МО от 10 октября 2011 г. по делу № А40-35844/11-69-311 // СПС «КонсультантПлюс».

180. Постановление ФАС Московского округа от 16.10.2012 по делу № А40-151438/09-132-974, А40-7544/11-131-82 // СПС «КонсультантПлюс».
181. Постановление ФАС Московского округа от 3 ноября 2010 г. № КГ-А41/13636-10 по делу № А41-1174/10 // СПС «КонсультантПлюс».
182. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 15.01.2010 по делу № А56-9464/2009 // СПС Консультант Плюс.
183. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.12.2009 по делу № А13-8523/2009 // СПС Консультант Плюс.
184. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 24 марта 2014 г. по делу № А42-3191/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
185. Постановление ФАС Уральского округа от 27 января 2014 г. № Ф09-12994/13 по делу № А60-13800/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
186. Постановление ФАС Уральского округа от 29 октября 2012 г. № Ф09-10356/12 // СПС «КонсультантПлюс».
187. Постановление ФАС Уральского округа от 29 февраля 2012 г. № Ф09-403/12 // СПС «КонсультантПлюс».
188. Постановление Волго-Вятского округа от 9 июля 2009 г. по делу № А29-7441/2008 г. // СПС «КонсультантПлюс».
189. Постановление ФАС Центрального округа от 4 августа 2011 г. 2011 г. по делу № А36-3192/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
190. Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 22 июня 2009 г. № А27-6552/2009-5 // СПС «КонсультантПлюс».
191. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 24 января 2012 г. № А230-8431/2012 г. // СПС «КонсультантПлюс».
192. Решение Арбитражного суда Нижегородской области по делу от 6 июня 2012 г. № А43-12043/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
193. Решение Арбитражного суда Пермского края от 10 декабря 2009 г. по делу № А50-36549/2009 // СПС «КонсультантПлюс».